ГЛАВА III.

Церковные уставы.

ГЛАВА IV.

Реципированные сборники византійскаго права.

ГЛАВА V.

Русская Правда.

ГЛАВА VI.

Памятники вѣчеваго законодательства (Псковская и Новгородская судныя грамоты).

ЛЕКЦІИ

ПО

ВНѢШНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

М. Н. Ясинскаго,

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Введеніе. II. Исторія источниковъ права перваго (земскаго) періода.

КІЕВЪ.

Тип. Императорскаго Университета Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

1898.

По опредѣленію юридическаго факультета Университета Св. Владиміра печатать дозволяется. 20 ноября 1897 г. Деканъ *А. Р.-Славатинскій.*

ВВЕДЕНІЕ.

1. Историческое и догматическое изученіе права. Понятіе о наукѣ исторіи русскаго права.

Всякое національное право, а въ томъ числѣ и русское, можно изучать со стороны его системы или догмы и со стороны его исторіи; изученіе догматическое знакомитъ насъ съ *настоящимъ* дѣйствующаго права, а историческое—съ его *прошедшимъ*. Догма положительнаго права и его исторія находятся въ тѣсной связи, такъ какъ, во 1-хъ, совмѣстно ведутъ къ одной цѣли—къ полному и всестороннему изученію даннаго національнаго права, а во 2-хъ, основательное изученіе дѣйствующаго права и надлежащее его объясненіе невозможны безъ знанія исторіи права и въ частности исторіи предшествующаго законодательства.

Въ отличіе отъ большинства прочихъ наукъ юридическихъ, представляющихъ научную обработку различныхъ отраслей дѣйствующаго въ странѣ права (права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго и т. д.),—наукъ, излагающихъ существующія правовыя нормы съ точки зрѣнія ихъ покоя, что и составляетъ систему или догму дѣйствующаго въ данное время и въ данной странѣ положительнаго права, исторія національнаго права, какъ наука, входящая въ систему правовѣдѣнія, знакомитъ насъ съ прошлымъ этого права, съ тѣми измѣненіями, какія оно испытало вмѣстѣ съ жизнью народа, указываетъ тотъ путь, какимъ оно шло и прогрессивно развивалось,—словомъ, знакомитъ насъ съ правовыми нормами даннаго народа съ точки зрѣнія ихъ движенія, ихъ развитія. Отсюда само собою вытекаетъ понятіе объ исторіи русскаго права, какъ наукѣ юридической: *Исторія русскаго права есть такая наука, которая излагаетъ прогрессивное развитіе правовыхъ нормъ въ жизни русскаго народа.*

2. Дѣленіе исторіи русскаго права на внѣшнюю и внутреннюю.

Въ исторіи русскаго права, какъ и въ исторіи права римскаго, также преподаваемой на юридическомъ факультетѣ, обыкновенно различаютъ двѣ части: исторію внѣшнюю и исторію внутреннюю, при чемъ изложеніе пер-

вой предшествуетъ изложенію второй. Дѣленіе исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю основано на различіи источниковъ или формъ права отъ его сущности и содержанія.

Подъ *внѣшней исторіей* разумѣютъ исторію тѣхъ формъ права, въ которыя облекались и въ которыхъ выражались юридическія нормы даннаго народа въ различныя эпохи его существованія. Иначе говоря, подъ внѣшней исторіей обыкновенно понимаютъ *исторію источниковъ права* и въ частности законодательныхъ памятниковъ, какъ важнѣйшаго (хотя и не единственнаго) изъ этихъ источниковъ.

Подъ *внутренней же исторіей* права разумѣютъ исторію содержанія права, т. е. *исторію* самыхъ *юридическихъ нормъ* и институтовъ съ цѣлью ознакомленія съ ихъ сущностью, содержаніемъ и основными началами въ различныя историческія эпохи.

Дѣленіе исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю введено извѣстнымъ ученымъ и философомъ Лейбницемъ († 1716 г.). Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе, а за ними и русскіе романисты излагаютъ сначала внѣшнюю исторію (äussere Geschichte) римскаго права, а затѣмъ внутреннюю (innere Geschichte). Такого же дѣленія обыкновенно придерживаются и при изложеніи исторіи права различныхъ современныхъ народовъ [1]).

Въ частности, что касается исторіи русскаго права, то обычное дѣленіе ея на внѣшнюю и внутреннюю сложилось, повидимому, не въ силу подражанія историковъ отечественнаго права историкамъ (преимущ. германскимъ) римскаго права, но, такъ сказать, исторически и самобытно, а именно оно обусловлено прежде всего ходомъ развитія нашей науки (исто-

---

[1]) См., напр., H. Zoepfl: Deutsche Rechtsgeschichte (4 Aufl., 1871—72), въ 3-хъ томахъ, изъ которыхъ въ первомъ излагается внѣшняя исторія (äussere Rechtsgeschichte), или исторія источниковъ права (Geschichte der Rechtsquellen), а въ 2-хъ слѣд. тт. исторія внутренняя (innere Rechtsgeschichte), или исторія юридич. нормъ и институтовъ (Geschichte der Rechtsinstitute), а также и нѣкот. др. курсы. Кромѣ того, въ нѣмецкой литературѣ можно указать не мало трудовъ, посвященныхъ исключительно исторіи источниковъ права, какъ нѣмецкаго, такъ и др. народовъ; таковы—O. Stobbe: Geschichte der deutschen Rechtsquellen (1860-64 г., въ 2-хъ томахъ), представляющ. собою полную внѣшнюю исторію германскаго права, H. Brunner: Ueberblick über die Geschichte der französischen, normannischen und englischen Rechtsquellen (см. Holtzendorff's Encyklopädie der Rechtswissenschaft, 1890) и др. Даже въ тѣхъ общихъ руководствахъ по исторіи германскаго права, въ которыхъ исторія источниковъ права не выдѣляется въ самостоятельную часть, а излагается совмѣстно съ внутренней по періодамъ, первой изъ нихъ отводятся, однако, отдѣльные и значительные по объему очерки; см., напр., новѣйшій учебникъ R. Schröder'a: Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte (2 Aufl., 1894).

См. также статью проф. Ѳ. Зигеля (Юр. Вѣстн. 1888 г., № 11), откуда видно, что исторія французскаго права, при подробномъ изложеніи ея на юридич. факультетѣ г. Парижа (faculté de droit de Paris), раздѣляется также на двѣ части: на 1) исторію источниковъ и 2) внутреннюю исторію.

рiи русскаго права). Въ самомъ дѣлѣ, при ознакомленiи съ этимъ послѣднимъ, мы видимъ, что появленiе и разработка внѣшней исторiи значительно предшествовали появленiю и разработкѣ исторiи внутренней и вообще исторiи права въ томъ смыслѣ, какъ эта наука понимается теперь. Явленiе же это, въ свою очередь, объясняется двумя обстоятельствами: во 1-хъ, прежнимъ состоянiемъ правовѣдѣнiя вообще, а во 2-хъ, необходимостью прежде всего изучить и всесторонне разработать главнѣйшiй изъ источниковъ права—законодательные памятники, безъ чего невозможна была бы и самая наука исторiи права.

Прежде (приблизительно до половины текущаго столѣтiя) какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россiи понятiе права обыкновенно отождествлялось съ понятiемъ закона (между тѣмъ какъ въ дѣйствительности объективное право развивается и выражается не только въ формѣ закона, но и въ формѣ юридическаго обычая). Вслѣдствiе этого исторiя права отождествлялась съ исторiей законодательства, при чемъ эта послѣдняя обыкновенно представляла собою лишь исторiю законодательныхъ памятниковъ, т. е. то, что нынѣ входитъ въ составъ внѣшней исторiи, и вовсе не касалась исторiи юридическихъ нормъ и институтовъ, содержащихся въ этихъ памятникахъ, т. е. такъ называемой внутренней исторiи права [1]). Въ такомъ видѣ понималась и излагалась наука исторiи права почти до 60-хъ годовъ.

Но и въ такомъ видѣ, въ видѣ исторiи законодательныхъ памятниковъ, наша наука могла появиться лишь благодаря цѣлому ряду предварительныхъ трудовъ, направленныхъ на собранiе и изученiе памятниковъ законодательства. И дѣйствительно, мы видимъ, что труды первыхъ дѣятелей науки на поприщѣ разработки исторiи отечественнаго права — Татищева, Шлецера, Болтина, Миллера и др., направлены были именно на открытiе, изданiе и истолкованiе древнѣйшихъ памятниковъ отечественнаго законодательства. Труды этихъ дѣятелей продолжали позднѣйшiе—Карамзинъ, Эверсъ, Тобинъ и многiе другiе, посвятившiе свои силы также преимущественно научному изданiю, истолкованiю и критической оцѣнкѣ уже извѣстныхъ, а равно вновь открытыхъ памятниковъ русскаго законодательства. Благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ, явилась возможность представить историческiй ходъ развитiя этого законодательства. Первые опыты въ этомъ направленiи относятся еще къ первой четверти настоящаго столѣтiя и принадлежатъ Васильеву, Михайловскому, митр. Евгенiю и др. Позднѣе, уже во 2-ю четверть XIX в., появились попытки болѣе совершенныя, не ограничивающiяся уже краткимъ и обыкновенно сухимъ перечнемъ въ хроно-

---

[1]) Исключенiе представляли лишь труды Эверса, Рейца и Неволина, см. стр. 6

логическомъ порядкѣ законодательныхъ памятниковъ минувшихъ временъ съ такимъ же сухимъ, безжизненнымъ и необычайно краткимъ перечнемъ ихъ содержанія (этихъ недостатковъ не избѣгъ и знаменитый Неволинъ въ своемъ «Обозрѣніи внѣшней исторіи русскаго законодательства», помѣщенномъ во 2-мъ томѣ Энциклопедіи законовѣдѣнія, 1840 г.), а представляющія собою довольно полный и стройный курсъ внѣшней исторіи, обозрѣвающій законодательные памятники съ выясненіемъ времени и причинъ появленія каждаго памятника, съ обсужденіемъ вопроса о подлинности или подложности его и краткимъ изложеніемъ содержанія; таково, напримѣръ, «Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства» Ник. Рождественскаго, появившееся въ 1848 г. и не утратившее вполнѣ своего значенія и доселѣ. Впрочемъ, въ теченіе той же 2-й четверти XIX в. появились также труды, посвященные внутренней исторіи, а именно: во 1-хъ, извѣстный трудъ Эверса „Das älteste Recht der Russen" (1826 г.), имѣвшій въ виду, на основаніи лѣтописи, договоровъ русскихъ съ греками и Русской Правды, выяснить древнѣйшій юридическій бытъ русскихъ, а во 2-хъ, «Опытъ исторіи русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ» проф. Рейца (это сочиненіе вышло на нѣмецкомъ языкѣ въ 1829 г., а переведено на русскій проф. Морошкинымъ въ 1836 г.), представляющій собою первую попытку полной внутренней исторіи русскаго законодательства. Сюда же надо отнести и знаменитый трудъ Неволина, вышедшій, впрочемъ, значительно позже (въ 1851 г.): «Исторію россійскихъ гражданскихъ законовъ» (3 тома).

Со времени университетскаго устава 1863 г. нашей наукѣ присвоено теперешнее ея названіе: взамѣнъ прежняго наименованія — исторіи законодательства, она получила новое, болѣе широкое—исторіи права. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что приблизительно около того времени (къ началу 60-хъ годовъ) окончательно установился въ наукѣ взглядъ: во 1-хъ, что право выражается и развивается не только въ формѣ закона, но и, помимо закона, въ формѣ обычнаго права, а во 2-хъ, что исторія права не можетъ ограничиться лишь исторіей формъ, въ которыхъ юридическія нормы выражались и осуществлялись, но должна — и это главная ея задача—раскрыть сущность и содержаніе этихъ нормъ, показать ихъ прогрессивное развитіе въ жизни народа. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, явившихся результатомъ успѣховъ правовѣдѣнія, измѣнился взглядъ на задачи, объемъ и содержаніе исторіи права вообще и русскаго въ частности, что̀ въ свою очередь содѣйствовало современной постановкѣ и систематизаціи этой науки. Несомнѣнно, однако, что предшествующія работы по исторіи законодательныхъ памятниковъ подготовили почву и дали обширный матеріалъ для исторіи права въ томъ смыслѣ, какъ она понимается теперь, такъ какъ очевидно, что безъ изданія, всесторонней раз-

работки, истолкованія и критической оцѣнки законодательныхъ памятниковъ невозможна была бы и самая эта наука.

Оказавъ такимъ образомъ крупную услугу наукѣ исторіи русскаго права, внѣшняя исторія, въ смыслѣ исторіи источниковъ права, не утратила своего значенія и нынѣ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже), а потому и входитъ въ систему этой науки, какъ самостоятельная составная ея часть, излагаемая въ большинствѣ печатныхъ курсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ изустныхъ лекціяхъ отдѣльно отъ исторіи внутренней. Первый, впрочемъ далеко не законченный, опытъ изложенія исторіи русскаго права съ раздѣленіемъ этой науки на двѣ указанныя части (внѣшнюю и внутреннюю исторію права) принадлежитъ проф. Ѳ. И. Леонтовичу (начало его «Исторіи русскаго права» вышло въ 1869 г.). Такого же порядка, т. е. изложенія внѣшней исторіи отдѣльно отъ внутренней, обыкновенно придерживаются въ своихъ печатныхъ курсахъ и другіе представители этой науки, а именно: проф. Н. П. Загоскинъ, В. И. Сергѣевичъ, Д. Я. Самоквасовъ, В. Н. Латкинъ (ему принадлежитъ единственный печатный курсъ, посвященный исключительно внѣшней исторіи права; къ сожалѣнію, курсъ этотъ неполный, такъ какъ обнимаетъ лишь два послѣднихъ періода—Московскій и Императорскій) и П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.

Впрочемъ, общепринятое и общеупотребительное дѣленіе исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю не пользуется единогласнымъ признаніемъ. Такъ, относительно исторіи римскаго права замѣтимъ, что извѣстный романистъ Пухта отступаетъ отъ общепринятаго дѣленія исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю и предлагаетъ иную систему изложенія. Что касается исторіи русскаго права, то одинъ изъ основательнѣйшихъ представителей этой науки, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, въ своемъ «Обзорѣ исторіи русскаго права» также не придерживается указаннаго дѣленія науки на части: онъ не выдѣляетъ внѣшнюю исторію, или исторію источниковъ права, въ самостоятельный отдѣлъ, а включаетъ ее въ общую систему науки, а именно излагаетъ исторію источниковъ въ связи съ исторіей государственнаго права.

3. Предметъ внѣшней исторіи русскаго права.

Въ прежнее время и вообще до тѣхъ поръ, пока законодательную власть считали единственной правосозидающей силой, а законъ, какъ продуктъ этой силы, единственнымъ источникомъ права въ государствѣ, подъ внѣшней исторіей права разумѣлась исторія законодательныхъ памятниковъ. Такое опредѣленіе, основанное на отвергнутомъ теперь отождествленіи понятій права и закона, нынѣ не можетъ быть принято. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ разсматривать внѣшнюю исторію съ указанной точ-

ки зрѣнія, то въ такомъ случаѣ въ составъ ея не должно входить обозрѣніе такихъ памятниковъ, которые въ дѣйствительности не были законодательными, ибо никогда не получали санкціи со стороны законодательной власти, хотя въ свое время имѣли громадное вліяніе на юридическую жизнь даннаго народа и пользовались на практикѣ авторитетомъ закона. Таковы, напримѣръ, у насъ Русская Правда, у нѣмцевъ Саксонское Зерцало (Sachsenspiegel) и Швабское Зерцало (Schwabenspiegel), у чеховъ Rad prawa zemského и Книга стараго пана изъ Розенберга и мн. др. Всѣ названные памятники суть частные сборники, т. е. сборники, составленные частными лицами на основаніи обычнаго права и судебной практики; между тѣмъ они пользовались—и очень долго—авторитетомъ закона не только въ своей странѣ, но иногда и за предѣлами ея (такова, напр., роль Саксонскаго Зерцала). Ясно, что они заслуживаютъ полнаго вниманія историка права наравнѣ съ памятниками законодательными въ строгомъ смыслѣ этого слова, и что потому прежнее опредѣленіе предмета внѣшней исторіи насъ не можетъ удовлетворить.

Въ настоящее время, какъ было уже замѣчено выше, подъ внѣшнею исторіей понимаютъ исторію формъ, или источниковъ, права. Главнѣйшими же изъ таковыхъ источниковъ съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ установился взглядъ, что законъ хотя и самая совершенная форма права, но далеко не единственный и не исключительный источникъ права, признаются не только законъ, но и юридическій обычай [1]). Такимъ образомъ, внѣшняя исторія права, какъ ее понимаютъ въ настоящее время, должна являться исторіей обѣихъ названныхъ формъ, или источниковъ, права, а значитъ не только законодательныхъ актовъ, но и обычнаго права.

Въ литературѣ, однако, нерѣдко, безъ всякой къ тому нужды (и, конечно, неправильно), расширяютъ понятіе источниковъ права, присоединяя къ числу таковыхъ всѣ вообще источники исторіи права. Сообразно съ этимъ, къ числу источниковъ права относятъ всѣ письменные и даже многіе такъ называемые вещественные (напримѣръ, монеты) памятники, даю-

---

[1]) Третій, не названный нами источникъ—научная обработка права (наука права, право юристовъ), въ исторіи русскаго права до позднѣйшаго времени или совершенно отсутствовалъ, или игралъ весьма ограниченную роль. — Замѣтимъ здѣсь, что терминъ „источники права" употребляется въ двоякомъ смыслѣ: во 1-хъ, въ смыслѣ правосозидающихъ, или правообразующихъ силъ (таковы—воля законодателя или законодательная власть и обычай, какъ творческія силы, создающія юридическія нормы) и, во 2-хъ, въ смыслѣ результатовъ или продуктовъ творческой дѣятельности этихъ силъ, иначе, тѣхъ формъ, въ которыя право отливается при своемъ образованіи и въ которыхъ оно выражается и развивается у всѣхъ народовъ и въ различныя эпохи (таковы законы, законодательные акты и юридическіе обычаи, или обычное право). Внѣшняя исторія, какъ исторія формъ права, имѣетъ дѣло съ источниками права въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.

щіе какія-либо указанія на дѣйствовавшее въ извѣстное время право,—словомъ, все то, что технически называется (въ отличіе отъ пособій) источниками вообще. При этомъ источники, по степени ихъ важности, раздѣляютъ на непосредственные и посредственные. Къ первымъ относятъ: памятники законодательства, судебной практики и обычнаго права, а также такъ называемые юридическіе акты, или памятники частныхъ юридическихъ сдѣлокъ (долговыя обязательства, купчія, мѣновыя, духовныя завѣщанія и проч.); а ко вторымъ—всѣ письменные памятники, сообщающіе намъ, между прочимъ, свѣдѣнія о юридической жизни даннаго народа въ данную эпоху (таковы—лѣтописи, мемуары и пр.), а равно и вещественные памятники, характеризующіе домашнюю и общественную жизнь той или другой эпохи (таковы—монеты, оружіе, утварь и проч. вещи, находимыя археологами при раскопкахъ). Безспорно, всѣ перечисленные разнообразные источники имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе для историка права, такъ какъ знакомятъ его въ большей или меньшей мѣрѣ съ дѣйствовавшимъ въ извѣстное время правомъ. Отсюда, всѣ упомянутые источники, въ виду сообщаемыхъ ими свѣдѣній о правѣ, совершенно основательно называются источниками исторіи права. Но источники исторіи права, какъ науки, отнюдь нельзя смѣшивать съ источниками самаго права. Таковыми, какъ было уже сказано, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ являются лишь обычное право и законъ, въ формѣ которыхъ выражается въ различныя эпохи дѣйствующее право въ его чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Являясь исторіей формъ, или источниковъ права—обычнаго права и закона, внѣшняя исторія не должна, однако, претендовать на изображеніе полной и всесторонней исторіи этихъ источниковъ и особенно послѣдняго изъ нихъ (закона). Она, напр., не должна спеціально останавливаться на рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые тѣсно связаны съ исторіей органовъ законодательной власти, каковы, напримѣръ, вопросы о субъектѣ законодательной власти, объ иниціативѣ закона, его утвержденіи, публикаціи, толкованіи и пр.: всѣ эти вопросы и подобные имъ входятъ въ кругъ исторіи государственнаго права и въ частности исторіи законодательныхъ органовъ, а потому рѣшеніе ихъ внѣшняя исторія должна предоставить исторіи внутренней, во избѣжаніе смѣшенія содержанія первой съ содержаніемъ второй, во избѣжаніе вторженія внѣшней исторіи безъ всякой къ тому нужды въ сферу исторіи внутренней.

На основаніи всего вышеизложеннаго, подъ внѣшней исторіей, или исторіей источниковъ права, слѣдуетъ разумѣть исторію памятниковъ законодательства и обычнаго права. Съ этой точки зрѣнія, во внѣшней исторіи подлежатъ всестороннему обозрѣнію не только законодательные акты въ точномъ смыслѣ, но и такіе памятники, которые хотя и не были санкціонированы законодательною властью, но имѣли въ юридической жизни на-

рода значеніе, равное съ законодательными актами; таковы — сборники обычнаго права, составленные частными лицами, нѣкоторые памятники церковнаго права и пр.

4. Содержаніе внѣшней исторіи права, ея значеніе и отношеніе къ исторіи внутренней.

Занимаясь исторіей источниковъ права, внѣшняя исторія должна, во 1-хъ, установить относительно каждой исторической эпохи объемъ находящихся въ нашемъ распоряженіи средствъ для познанія права данной эпохи въ его чистомъ видѣ, т. е., другими словами, указать, какіе памятники права существовали въ ту или другую эпоху и какіе изъ нихъ дошли до нашего времени и такимъ образомъ сохранили для насъ прямыя и ясныя указанія на дѣйствовавшее въ то время право. Вторая и главнѣйшая задача внѣшней исторіи - выяснить происхожденіе и степень достовѣрности этихъ памятниковъ, подвергнуть ихъ критической оцѣнкѣ со стороны формы и содержанія и, наконецъ, опредѣлить ихъ значеніе для дальнѣйшаго развитія права.

Сообразно съ этой главнѣйшей задачей внѣшней исторіи, мы при обозрѣніи каждаго памятника права, дѣйствовавшаго въ ту или другую эпоху, должны, насколько это окажется возможнымъ:

1) *представить исторію этого памятника*, а именно указать въ частности: a) причины его появленія или изданія, b) порядокъ, время и мѣсто его составленія, c) его источники, т. е. тѣ элементы, которые вошли въ составъ даннаго памятника или оказали болѣе или менѣе значительное вліяніе на его содержаніе (а отчасти и систему) и d) послѣдующую судьбу обозрѣваемаго памятника; сюда же надо отнести и всѣ необходимыя свѣдѣнія о важнѣйшихъ печатныхъ изданіяхъ и литературѣ этого памятника;

2) *изслѣдовать данный памятникъ со стороны формы, системы и содержанія*, т. е. ознакомиться со всѣми его внѣшними особенностями (языкомъ, порядкомъ распредѣленія отдѣльныхъ постановленій и пр.), а равно и съ его содержаніемъ въ томъ объемѣ, въ какомъ это необходимо для полноты знакомства съ обозрѣваемымъ памятникомъ и всесторонней его характеристики. (Болѣе полное и детальное критическое изученіе содержанія каждаго памятника въ связи съ содержаніемъ другихъ памятниковъ, при томъ изученіе, произведенное въ извѣстной системѣ, составляетъ предметъ уже внутренней исторіи);

и 3) *опредѣлить значеніе обозрѣваемаго памятника* въ ряду другихъ (какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ) памятниковъ права данной эпохи и его вліяніе на дальнѣйшее развитіе права.

Разрѣшивъ намѣченные вопросы по отношенію къ каждому памятнику въ отдѣльности, мы получимъ полное и основательное знакомство не только съ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со всей совокупностью памятниковъ той или другой эпохи и уяснимъ себѣ такимъ образомъ общій ходъ исторіи источниковъ права въ каждую данную эпоху.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ значеніе внѣшней исторіи и отношеніе ея къ другой составной части науки исторіи права—къ исторіи внутренней. Эта послѣдняя невозможна безъ предварительнаго и основательнаго знакомства съ источниками или памятниками права, на содержаніе которыхъ она должна постоянно опираться и изъ которыхъ она черпаетъ нужный для нея матеріалъ. Такое же полное и всестороннее знакомство съ памятниками права дается именно внѣшнею исторіей. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія, собирая, или приводя въ извѣстность, а также изслѣдуя и подвергая критической оцѣнкѣ необходимый для внутренней исторіи матеріалъ, этимъ самымъ подготовляетъ почву для этой послѣдней и вооружаетъ ее необходимыми фактами. Въ этомъ заключается важное значеніе внѣшней исторіи, какъ составной части науки исторіи права. Но, съ другой стороны, внѣшняя исторія сама по себѣ недостаточна для полнаго знакомства съ исторіей права во всемъ ея объемѣ. Мы не можемъ ограничиться одною исторіей источниковъ права, какъ бы она ни была полна, и обойтись безъ исторіи внутренней, такъ какъ безъ этой послѣдней мы не достигнемъ существенной задачи исторіи права—уяснить себѣ прогрессивное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ въ жизни народа. Въ самомъ дѣлѣ, довольствуясь одною внѣшнею исторіей, мы, сверхъ знанія формъ права, пріобрѣтемъ лишь знакомство съ отдѣльными постановленіями почти въ томъ видѣ, въ какомъ они формулированы въ различныхъ памятникахъ, и при томъ въ тѣсной, неразрывной связи лишь съ этими послѣдними, но для насъ все-же останутся неясными самая сущность и основныя начала отдѣльныхъ юридическихъ нормъ и институтовъ, а равно послѣдовательное и непрерывное развитіе отдѣльныхъ юридическихъ нормъ, отдѣльныхъ отраслей права въ различныя эпохи жизни народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Отсюда очевидно, что внѣшняя исторія права, подготовляющая почву для исторіи внутренней и содѣйствующая болѣе успѣшному изученію и сознательному усвоенію этой послѣдней, играетъ по отношенію къ ней лишь, такъ сказать, служебную роль, а потому изложеніе внѣшней исторіи должно предшествовать изложенію исторіи внутренней.

5. Дѣленіе внѣшней исторіи русскаго права на періоды.

При изложеніи исторіи права обыкновенно дѣлятъ ее на періоды. Дѣлается это съ цѣлью лучше оріентироваться среди отдѣльныхъ явленій юридической жизни даннаго народа и, такимъ образомъ, съ бо́льшимъ ус-

пѣхомъ произвести надлежащую группировку этихъ явленій, а также съ цѣлью отмѣтить наиболѣе типическія, характерныя черты каждой исторической эпохи. Господствующее дѣленіе исторіи русскаго права—это дѣленіе ея на три періода [1]: 1) періодъ *земскій* съ IX по XIII в. включительно, 2) періодъ *Московско-Литовскій* съ XIV по XVII в. и 3) періодъ *Императорскій*—XVIII—XIX вв.

Это дѣленіе одинаково пригодно не только для внутренней, но и для внѣшней исторіи права. Въ самомъ дѣлѣ, кладя въ основу дѣленія внѣшней исторіи на періоды не изданіе тѣхъ или другихъ важныхъ законодательныхъ памятниковъ и не какія-либо другія внѣшнія выдающіяся событія (какъ это дѣлали прежде), а различныя стадіи соотношенія между главными источниками права (обычаемъ и закономъ) и вообще главнѣйшіе моменты въ ходѣ развитія этихъ источниковъ, мы найдемъ, что внѣшняя исторія права распадается на тѣ же 3 періода, что и исторія внутренняя, а именно: 1) періодъ *господства обычнаго права* (періодъ земскій, IX—XIII вв.), 2) періодъ *совмѣстнаго и равносильнаго дѣйствія* обоихъ источниковъ права—*обычая и закона* (періодъ Московско-Литовскій, XIV—XVII вв.) и 3) періодъ торжества закона надъ обычаемъ и установленія *полнаго господства* перваго изъ нихъ, т. е. *закона* (періодъ Императорскій, XVIII—XIX вв.).

Самымъ интереснымъ въ исторіи источниковъ права является періодъ второй. Этотъ періодъ совмѣстнаго дѣйствія обычая и закона не только уясняетъ намъ взаимныя отношенія между обоими названными источниками права, но и объясняетъ, какими именно обстоятельствами медленно и постепенно подготовленъ былъ переходъ отъ господства обычая, характеризующаго 1-й періодъ, къ торжеству закона въ періодъ Императорскій.

6. Объемъ курса внѣшней исторіи русскаго права.

Полный курсъ внѣшней исторіи русскаго права долженъ, во 1-хъ, обнимать собою исторію источниковъ права съ древнѣйшихъ временъ, а во 2-хъ, обозрѣвать только тѣ источники, которые дѣйствительно могутъ быть названы источниками русскаго національнаго права. Остановимся на каждомъ изъ этихъ условій въ отдѣльности.

При опредѣленіи хронологическихъ предѣловъ курса (т. е. съ какого времени слѣдуетъ начинать и до какого продолжать исторію источниковъ) необходимо прежде всего указать начальный пунктъ исторіи русскаго права.

---

[1]) Періодамъ этимъ придаютъ различныя наименованія; такъ, 1-й періодъ называютъ нерѣдко княжескимъ, удѣльно-вѣчевымъ, иногда до-Московскимъ, 2-й—царскимъ, и т. д. Мы остановились на названіяхъ періодовъ, наиболѣе отмѣчающихъ типическія, рельефныя черты или признаки каждаго періода.

Такимъ пунктомъ является, конечно, IX вѣкъ, съ котораго начинается болѣе или менѣе достовѣрная исторія русскаго народа вообще (предшествующій же періодъ, какъ до-историческій, не можетъ входить въ исторію права): въ IX в. исторія застаетъ русскихъ славянъ уже съ болѣе или менѣе сложившейся системой юридическихъ обычаевъ, а въ X в. появляются, кромѣ того, первые законодательные памятники (договоры русскихъ съ греками). Такимъ образомъ, съ этихъ вѣковъ можно и должно начинать исторію источниковъ права. Что же касается конечнаго пункта, т. е. пункта, до котораго должно быть доведено изложеніе исторіи русскаго права, то таковой, очевидно, можетъ быть опредѣленъ или указанъ только лишь условно (право это продолжаетъ прогрессивно развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжается, слѣдовательно, и его дальнѣйшая исторія). За такой, условно установленный, конечный пунктъ въ изложеніи внѣшней исторіи вполнѣ умѣстно принять время изданія Свода законовъ Россійской Имперіи, и вотъ почему. Сводъ Законовъ, а равно и всѣ послѣдующіе за нимъ законодательные акты представляютъ собою дѣйствующее нынѣ законодательство, а потому являются предметомъ не историческаго, а догматическаго изученія: всестороннее изученіе Свода Законовъ и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ входитъ уже въ составъ цѣлаго ряда юридическихъ наукъ, посвященныхъ догматическому изученію различныхъ отраслей права, дѣйствующаго въ Россіи. Итакъ, внѣшняя исторія русскаго права должна быть доведена до изданія Свода Законовъ.

Выше мы сказали также, что въ составъ внѣшней исторіи русскаго права должно входить обозрѣніе только памятниковъ національнаго русскаго права. Это вполнѣ понятно. Если бы наша наука представляла собою исторію права русскаго государства, то въ такомъ случаѣ мы бы должны были остановиться также и на памятникахъ права прочихъ народовъ, населяющихъ Россію, а именно на такъ называемыхъ мѣстныхъ законахъ царства Польскаго, великаго княжества Финляндскаго, Остзейскихъ или Прибалтійскихъ губерній, Бессарабіи, Закавказскаго края и т. д. Но такъ какъ наша наука есть только исторія русскаго національнаго права, то въ составъ ея можетъ входить лишь исторія источниковъ *русскаго* права.

Къ числу источниковъ русскаго права относятся не только тѣ общеизвѣстные юридическіе памятники земскаго періода, Московскаго государства и періода Императорскаго,—памятники, о которыхъ всегда и достаточно говорится во всѣхъ существующихъ печатныхъ курсахъ исторіи русскаго права, но также и памятники Литовско-Русскаго, или Западно-Русскаго государства, о которыхъ въ этихъ курсахъ обыкновенннo ничего не говорится [1]). Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбно, что

---

[1]) Исключеніе представляетъ курсъ проф. Владимірскаго-Буданова, гдѣ при

никѣмъ неоспариваемая мысль о необходимости включить исторію права Литовско-Русскаго государства въ общую систему исторіи русскаго права была не только неоднократно высказана, но и достаточно убѣдительно аргументирована (особенно въ трудахъ Ѳ. И. Леонтовича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова). Такъ, напримѣръ, проф. Владимірскій-Будановъ въ одномъ изъ своихъ историко-критическихъ этюдовъ говоритъ слѣдующее: „Безъ совмѣстнаго и параллельнаго изученія права того и другого (Московскаго и Литовскаго) государства не можетъ быть понятно ни каждое изъ нихъ въ отдѣльности, ни право Имперіи, совмѣстившее ихъ, ни общій ходъ развитія русскаго права въ цѣлой исторіи его". Къ сожалѣнію, вышеуказанная мысль еще доселѣ не получила практическаго осуществленія въ общихъ курсахъ по исторіи русскаго права: еще доселѣ при изложеніи внѣшней и внутренней исторіи 2-го періода, періода существованія двухъ русскихъ государствъ—Московскаго и Литовско-Русскаго, ограничиваются лишь исторіей права одного Московскаго государства. Конечно, указанное явленіе можно объяснить прежде всего слабой пока разработкой литовско-русскаго права, долгое время остававшагося совершенно въ тѣни; за послѣдніе, однако, годы появился рядъ трудовъ, значительно пополнившій скудную прежде литературу по исторіи западно-русскаго права.

Въ виду вышеизложеннаго, а въ частности въ виду того, что законодательства Московскаго и Литовско-Русскаго государствъ представляютъ, каждое въ отдѣльности, органическую часть одного общерусскаго законодательства, мы, при обозрѣніи источниковъ права 2-го (Московско-Литовскаго) періода, подробно разсмотримъ, на ряду съ памятниками Московскаго, также и памятники права Литовско-Русскаго государства.

объясненіи отдѣльныхъ явленій древне-русскаго права нерѣдко дѣлаются ссылки на нормы и институты литовско-русскаго права. Кромѣ того, въ курсѣ проф. Латкина (Лекціи по внѣшней ист. русск. права, 1888 г.) имѣется нѣсколько страницъ, а въ курсѣ проф. Загоскина (Исторія права, 1877 г.) нѣсколько замѣчаній, посвященныхъ Литовскому Статуту, какъ одному изъ источниковъ Уложенія ц. Алексѣя Михайловича.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

(IX—XIII вв).

Общій обзоръ источниковъ права перваго періода.

Въ древнѣйшую эпоху своего существованія всѣ націи руководствовались исключительно обычаями, а потому и исторія источниковъ права всѣхъ народовъ начинается съ исторіи обычнаго права. Русскій народъ и исторія его національнаго права не представляютъ исключенія изъ этого общаго правила: и у насъ, какъ и у другихъ народовъ, юридическіе обычаи не только предшествовали появленію какихъ-либо законодательныхъ памятниковъ, но долгое время являлись основной, господствующей формой развитія права. Жизнь людей того отдаленнаго времени была, повидимому, такъ проста, такъ несложна, что вполнѣ довольствовалась тѣмъ запасомъ юридическихъ нормъ, которыя обращались въ формѣ обычаевъ, а эти послѣдніе пользовались такимъ авторитетомъ, что весьма долго не нуждались въ приданіи имъ внѣшней принудительности черезъ посредство законодательной санкціи или даже простого воплощенія въ письменную форму. Этимъ общимъ въ древнѣйшей жизни всѣхъ народовъ явленіемъ объясняется тотъ фактъ, что въ первый или земскій періодъ нашей исторіи, на пространствѣ почти 4-хъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ лишь самые слабые слѣды законодательной дѣятельности.

Вся эта дѣятельность въ указанный періодъ ограничилась заключеніемъ договоровъ международныхъ (договоровъ съ греками и нѣмцами) и внутреннихъ (догов. междукняжескихъ и князей съ отдѣльными волостями), а также изданіемъ нѣсколькихъ постановленій или законовъ въ формѣ княжескихъ уставовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что большинство изъ названныхъ законодательныхъ попытокъ нашихъ древнихъ князей, а именно

договоры съ греками и нѣмцами, а равно церковные уставы, своимъ появленіемъ обязаны лишь такимъ внѣшнимъ событіямъ, какъ столкновенія на югѣ съ греками, а на сѣверо-западѣ съ нѣмцами, и такому крупному внутреннему, какъ принятіе христіанства. Важныя событія эти не только вызвали появленіе указанныхъ законодательныхъ актовъ, но и не остались, какъ то мы увидимъ ниже, безъ вліянія на національное обычное право: они способствовали отчасти видоизмѣненію существовавшихъ обычаевъ, а отчасти пополненію этихъ послѣднихъ новыми нормами, взятыми у другихъ народовъ. Оставляя пока въ сторонѣ договоры и церковные уставы, о которыхъ мы будемъ имѣть еще случай подробно говорить, обратимся теперь къ прочимъ законодательнымъ актамъ древняго періода, появившимся въ формѣ уставовъ и такъ называемыхъ уроковъ, и посмотримъ, какихъ вопросовъ они касались и какъ относились они къ дѣйствовавшему въ то время обычному праву. Замѣтимъ при этомъ, что хотя, за исключеніемъ церковныхъ уставовъ, всѣ прочіе княжескіе уставы и уроки до насъ не дошли въ отдѣльныхъ спискахъ, но о ихъ существованіи и содержаніи мы знаемъ изъ лѣтописи, а также изъ Русской Правды, въ составъ которой вошли нѣкоторые изъ этихъ уставовъ.

Древнѣйшіе изъ княжескихъ уставовъ и уроковъ имѣли въ виду, повидимому, лишь установленіе даней, повинностей и пошлинъ въ пользу князя и его чиновниковъ, т. е., другими словами, имѣли предметомъ своимъ опредѣленіе отношеній между властью и подвластными, чего, конечно, всего менѣе могло касаться обычное право. Такъ, по лѣтописи, еще княгиня Ольга объѣзжала съ Святославомъ Древлянскую землю „уставляющи уставы и уроки“; она же, по дорогѣ въ В.-Новгородъ, установила „по (р.) Мьстѣ погосты и дани и по (р.) Лузѣ дани и оброки“; Ярославъ въ своемъ „урокѣ“ опредѣлилъ пошлины въ пользу вирника и т. д. Вообще же, насколько мы можемъ судить по имѣющимся даннымъ, уставы и уроки имѣли значеніе лишь отдѣльныхъ распоряженій по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ и вопросамъ. Таковы: упомянутый уже „урокъ Ярославль о поклонахъ вирныхъ“ (Русск. Правда, ст. 42 Акад. сп.), т. е. о пошлинахъ въ пользу вирника; „урокъ мостньниковъ“, т. е. о платежахъ въ пользу завѣдывающихъ мостами (Р. П., ст. 43 Акад. и 109 Кар.), и „уставъ о городскыхъ мостехъ“ (ibid., ст. 134 Кар.)—отдѣльный уставъ о мощеніи Вел. Новгорода, приписываемый Ярославу; уставъ Владиміра Мономаха „о рѣзахъ“, или процентахъ (ib., ст. 66 Кар.) и т. д. Нерѣдко эти уставы возникали по поводу того или другого отдѣльнаго случая, бывшаго предметомъ судебнаго разбирательства князя; таково, напр., происхожденіе устава Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (Р. П., ст. 21 Акад.) и нѣкот. др.

Уже изъ представленнаго перечня уставовъ видно, что немногочисленные законодательные акты (которые, впрочемъ, едва-ли были выражены

въ письменной формѣ закона) князей касались, главнымъ образомъ, лишь различныхъ сторонъ публичнаго права, преимущественно административнаго и финансоваго. Вся же или почти вся обширная область частныхъ, гражданскихъ отношеній, уголовнаго права и процесса попрежнему была предоставлена регламентаціи путемъ обычнаго права. Опредѣленно намъ извѣстно лишь два-три акта законодательной дѣятельности того времени, которые, дѣйствительно, касались крупныхъ вопросовъ (изъ области уголовнаго права) и вмѣстѣ съ тѣмъ явно шли въ разрѣзъ съ существовавшимъ обычнымъ правомъ; акты эти, между прочимъ, уясняютъ намъ отношеніе тогдашняго закона къ современному ему обычному праву. Это, во 1-хъ, попытка отмѣнить виры и ввести взамѣнъ ихъ смертную казнь, а, во 2-хъ, отмѣна мести за убійство (и, въ связи съ этой общей мѣрой, частная—отмѣна права свободнаго человѣка убивать оскорбившаго его раба).

Отмѣна древнихъ виръ и введеніе дотолѣ несуществовавшаго уголовнаго наказанія—смертной казни, были результатомъ законодательной мѣры, предпринятой Владиміромъ св. по настоянію епископовъ. Вскорѣ, однако, тотъ же князь, вслѣдствіе представленія бояръ, вынужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе и вновь возстановить виры (Лавр. лѣт., подъ 996 г.) Случай этотъ наглядно показываетъ, какой жизненной силой, какой устойчивостью обладали существовавшіе въ ту эпоху юридическіе обычаи, и какъ трудно было первымъ князьямъ въ эту сферу, въ сферу обычнаго права, внести что-либо свое, что-либо новое, отъ нихъ исходящее.

Отмѣна древнѣйшаго изъ институтовъ обычнаго права—мести за убійство, произошла при Ярославичахъ („отложиша убиеніе за голову, но кунами ся выкупати", Р. Пр., ст. 2 Кар.). Но и въ данномъ случаѣ нельзя сказать, что Ярославичи установили дѣйствительно новый порядокъ, новую норму въ отмѣну существовавшаго издавна юридическаго обычая: наоборотъ, многое заставляетъ думать, что месть, подъ вліяніемъ между прочимъ христіанства, стала исчезать въ самомъ обществѣ и, мало по малу, сдѣлалась институтомъ неправомѣрнымъ, князья же только санкціонировали установившійся порядокъ. Вообще, не только въ земскій періодъ, но долгое время и позже, уже въ періодъ Московско-Литовскій, главной заботой князей по отношенію къ дѣйствовавшему праву было не твореніе или созданіе новыхъ нормъ и порядковъ, а признаніе ненарушимости и авторитета существовавшихъ юридическихъ обычаевъ, охраненіе старыхъ пошлинъ и обычаевъ отъ всякихъ нововведеній, или же, наконецъ, ихъ узаконеніе, т. е. облеченіе тѣхъ же старыхъ обычаевъ въ форму закона.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что древній періодъ совершенно основательно называется въ исторіи источниковъ національнаго права періодомъ развитія и господства обычнаго права.

Мы видѣли, что законодательная дѣятельность князей древняго періода выразилась лишь въ изданіи немногочисленныхъ актовъ въ формѣ 1), договоровъ международныхъ и внутреннихъ и 2), княжескихъ уставовъ, изъ которыхъ дошли до насъ лишь церковные уставы. Къ сожалѣнію, сверхъ ограниченнаго числа названныхъ памятниковъ законодательства, отъ обозрѣваемаго періода осталось также весьма немного и другихъ (незаконодательныхъ) письменныхъ памятниковъ права. Фактъ этотъ объясняется тѣми же обстоятельствами, которыя обусловили немногочисленность законодательныхъ актовъ, а именно господствомъ обычнаго права и той его жизненностью и внутренней принудительной силой, которыя долгое время исключали необходимость облечь нормы обычнаго права въ объективную письменную форму. Такими письменными памятниками права, которые, сверхъ договоровъ и церковныхъ уставовъ, дошли до насъ отъ древняго періода, являются: 1) юридическіе акты, т. е. акты юридическихъ сдѣлокъ, сохранившіеся лишь въ небольшомъ количествѣ; 2) реципированные сборники византійскаго духовнаго и свѣтскаго права, переработанные въ духѣ русскаго національнаго права и приспособленные къ потребностямъ русской жизни, и 3) рядъ частныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ „Русской Правды“.

Изъ этихъ памятниковъ для насъ имѣютъ значеніе дѣйствительныхъ и прямыхъ источниковъ русскаго права древняго періода лишь два послѣдніе вида. Первый же изъ нихъ, или акты юридическіе, такого значенія не имѣютъ, и вотъ почему. Подъ актами юридическими разумѣются преимущественно памятники юридическихъ сдѣлокъ двухъ или нѣсколькихъ контрагентовъ (долговыя обязательства, купчія, мѣновыя и т. д.) или акты выраженія воли отдѣльныхъ лицъ (напр., духовныя завѣщанія), а потому каждый изъ такъ называемыхъ юридическихъ актовъ, взятый въ отдѣльности, вполнѣ основательно можетъ возбуждать сомнѣніе въ томъ, является ли содержаніе этого акта выраженіемъ тогдашняго права въ его чистомъ и общепризнанномъ видѣ, или же, напротивъ, исключительно лишь выраженіемъ воли индивидуальной, воли и усмотрѣнія контрагентовъ, съ присущимъ такимъ актамъ личнымъ и случайнымъ характеромъ. Указанное же сомнѣніе можетъ быть разрѣшено въ благопріятномъ смыслѣ только при условіи многочисленности однородныхъ и вполнѣ согласныхъ по своему содержанію актовъ: лишь при наличности этого условія станетъ очевиднымъ, что содержаніе данныхъ актовъ вполнѣ согласно съ существовавшими въ извѣстную эпоху юридическими нормами. Отсюда понятно, что юридическіе акты, хотя и представляютъ большой интересъ, такъ какъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о фактическомъ состояніи права въ древній періодъ (быть можетъ, впрочемъ, далеко не всегда согласномъ съ дѣйствительнымъ правомъ) и, при наличности извѣстныхъ условій, имѣютъ важное значеніе для исторіи

права, не могутъ быть, однако, присоединены къ числу прямыхъ и непосредственныхъ источниковъ древняго права, какими являются, напр., законодательные памятники и сборники обычнаго права. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что для древнѣйшаго періода мы обладаемъ лишь ничтожнымъ сравнительно количествомъ такъ назыв. юридическихъ актовъ; вотъ полный перечень ихъ: 1) жалованная грамота вел. кн. Мстислава Юрьеву монастырю (1130 г.), 2) купчая Антонія Римлянина (1147 г.), 3) вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю (ок. 1192 г.), 4) рядная Тѣшаты (1266—1299 г.), 5) духовная кн. Владиміра Волынскаго (1287 г.) и 6) духовная новгородца Климента (XIII в.).

Что же касается рецепированныхъ сборниковъ византійскаго духовнаго и свѣтскаго права, то ихъ появленіе и практическое значеніе объясняется рядомъ обстоятельствъ, находящихся въ связи съ принятіемъ христіанства, или, выражаясь точнѣе, обстоятельствъ, явившихся результатомъ этого важнаго событія. Сборники эти, будучи сборниками чужого для русскихъ права, не имѣли бы для насъ почти никакого значенія, если бы не тотъ знаменательный и весьма любопытный фактъ, что они не только переводились на славянскій языкъ (конечно, не въ какихъ-либо иныхъ видахъ, а съ цѣлью ихъ практическаго примѣненія), но и перерабатывались, передѣлывались сообразно съ тогдашнимъ юридическимъ бытомъ и воззрѣніями русскаго народа и приспособлялись къ нормамъ русскаго обычнаго права. Все это, конечно, доказываетъ, что рецепированные сборники византійскаго духовнаго и свѣтскаго права получали практическое примѣненіе и значеніе обязательнаго источника права въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ предѣлахъ, какъ то мы увидимъ ниже, указанныхъ главнымъ образомъ церковными уставами древнихъ русскихъ князей. Отсюда понятно, что упомянутые сборники заслуживаютъ полнаго нашего вниманія и должны быть разсмотрѣны, въ связи съ церковными уставами, въ числѣ прочихъ письменныхъ источниковъ древне-русскаго права.

Наконецъ, что касается послѣдняго изъ перечисленныхъ выше памятниковъ—Русской Правды, то она является, безспорно, самымъ важнымъ памятникомъ права перваго періода, такъ какъ въ ней подведенъ общій итогъ почти всего древне-русскаго права данной эпохи. Русская Правда, вопреки довольно распространенному прежде мнѣнію, представляетъ собою не законодательный памятникъ, изданный Ярославомъ и дополненный его преемниками, а совокупность нѣсколькихъ сборниковъ права, составленныхъ неизвѣстными намъ частными лицами разновременно, на пространствѣ почти 3-хъ вѣковъ (XI—XIII вв.), на основаніи обычнаго права, княжескихъ уставовъ, судебныхъ рѣшеній и отчасти византійскихъ источниковъ. Самое появленіе этихъ частныхъ сборниковъ наглядно показываетъ, что къ концу земскаго періода, періода почти исключительнаго господства обыч-

наго права, уже ясно сознавалась практическая необходимость собрать и путемъ записи сохранить и заключить въ объективную форму важнѣйшія правовыя нормы, выработанныя къ XIII в. въ формѣ юридическихъ обычаевъ или выраженныя въ немногочисленныхъ уставахъ древнѣйшихъ князей. Такимъ образомъ, Русскую Правду не безъ основанія можно назвать опытомъ неоффиціальной, т. е. совершенной трудами частныхъ лицъ, кодификаціи.

Отмѣченная нами только-что потребность въ кодификаціи законовъ, сознаваемая уже въ XI—XII вв., получила надлежащее осуществленіе лишь въ XIV—XV вв., съ появленіемъ двухъ памятниковъ вѣчеваго законодательства—Псковской и Новгородской Судныхъ грамотъ, которыя являются первыми попытками оффиціальной или законодательной кодификаціи. Оба эти памятника по времени своего составленія относятся уже ко 2-му періоду, но по своему содержанію они тѣсно примыкаютъ къ памятникамъ перваго періода, такъ какъ въ основу обѣихъ грамотъ положены древнія псковскія и новгородскія пошлины, т. е. обычное право, почти современное тому, которое дѣйствовало въ эпоху Р. Правды и отразилось въ этой последней. Мало того, по содержанію своему одна изъ этихъ грамотъ, а именно Псковская (Новгородская Судная грам. дошла до насъ лишь въ отрывкѣ), является, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые изслѣдователи, непосредственнымъ продолженіемъ и дополненіемъ Р. Правды, которую она напоминаетъ также и исторіей своего составленія (подобно Р. П., Псковская Судн. грам. въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, сложилась не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ). Кромѣ того, обѣ судныя грамоты не только по содержанію, но и въ другихъ отношеніяхъ стоятъ особнякомъ отъ прочихъ законодательныхъ памятниковъ 2-го періода, періода Московскаго и Литовскаго государствъ, такъ какъ названные акты вѣчеваго законодательства пользовались значеніемъ лишь мѣстныхъ кодексовъ и не имѣли никакого вліянія на законодательные памятники Литовско-Русскаго и весьма слабое на памятники Московскаго государства и вообще не оказали воздѣйствія на общій ходъ исторіи законодательствъ въ обоихъ этихъ государствахъ.

По всѣмъ вышеприведеннымъ соображеніямъ, указывающимъ на тѣсную связь Псковской судн. гр. съ Р. Правдой и на изолированность обѣихъ судныхъ грамотъ среди прочихъ памятниковъ 2-го періода, мы намѣрены разсмотрѣть названные законодательные акты не въ числѣ источниковъ права этого періода, а въ заключеніе нашего обзора памятниковъ законодательства и обычнаго права 1-го періода, съ которыми означенныя грамоты если не хронологически, то—что, конечно, важнѣе—органически тѣсно связаны.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ непосредственно къ обозрѣнію отдѣльныхъ источниковъ права перваго періода. Прежде

всего мы остановимся на юридическомъ обычаѣ, какъ главномъ источникѣ права древняго періода, затѣмъ перейдемъ къ послѣдовательному обозрѣнію перечисленныхъ выше памятниковъ законодательнаго и обычнаго права, сохранившихся отъ этой эпохи, и, наконецъ, закончимъ свой обзоръ древнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ разсмотрѣніемъ двухъ замѣчательныхъ актовъ вѣчеваго законодательства—Псковской и Новгородской Судныхъ грамотъ. Такимъ образомъ, порядокъ дальнѣйшаго изложенія будетъ нижеслѣдующій: 1. Обычное право, 2. Договоры: a) международные и b) внутренніе, 3. Церковные уставы, 4. Рецепированные сборники византійскаго права, 5. Русская Правда и 6. Псковская и Новгородская Судныя грамоты.

ГЛАВА I.

Обычное право.

1. Понятіе объ обычномъ правѣ. Изъ двухъ главныхъ источниковъ права—обычая и закона, въ формѣ которыхъ развивается, выражается и осуществляется право объективное, обычное право—не только самый ранній по времени своего происхожденія, но весьма долго единственный источникъ права. Всѣ народы въ древнѣйшій періодъ своей жизни не знали законовъ и руководствовались исключительно обычаями, начало которыхъ кроется во мракѣ до-историческаго времени; по крайней мѣрѣ исторія застаетъ отдѣльные народы, а въ томъ числѣ и восточныхъ славянъ уже со сложившимся въ опредѣленную систему обычнымъ правомъ. Что же такое обычное право? Обычное право, какъ показываетъ самое его наименованіе, есть, такъ сказать, бытовая форма права, это—юридическія нормы, созданныя самою жизнью, возникшія сообразно съ бытомъ, съ условіями человѣческаго общежитія въ силу ихъ необходимости для поддержанія и охраненія этого послѣдняго. Другими словами, *подъ обычнымъ правомъ разумѣется совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя создаются, или образуются, независимо отъ закона и осуществляются въ народной жизни, помимо освященія ихъ законодательной властью, лишь въ силу общаго убѣжденія въ необходимости и обязательности этихъ нормъ.*

2. Термины для обозначенія обычнаго права весьма разнообразны. Въ древнихъ памятникахъ нашей письменности и въ частности въ памятникахъ древне-русскаго права встрѣчаются слѣдующіе термины для обозначенія юридическихъ обычаевъ, дающіе нѣкоторыя указанія на происхожденіе, силу, значеніе или, наконецъ, свойства нормъ обычнаго права: *обычай. нравъ* (или *норовъ*), *преданье, старина* и *пошлина.* Подобное же значеніе имѣли, т. е. употреблялись для наименованія обычнаго права, также слѣдующіе термины: *правда, поконъ* и *законъ.* Впрочемъ, послѣдніе

три термина служили для обозначенія объективнаго права вообще, т. е. не только обычаевъ, но и законовъ въ собственномъ смыслѣ; это, однако, произошло лишь впослѣдствіи, вначалѣ же между словами „законъ“ и „обычай“ не дѣлалось никакого различія, и оба они (а ровно и термины „правда“ и „поконъ“) употреблялись, какъ однозначащія, для обозначенія именно юридическихъ обычаевъ.

3. Отличіе обычая отъ закона. Такъ какъ, съ появленіемъ закона, источникомъ права служитъ не только обычай, но и законъ, то необходимо отыскать и указать твердую и ясную отличительную черту между обоими, долгое время вполнѣ равносильными, источниками объективнаго права. Это тѣмъ болѣе необходимо, что далеко не всегда можно полагаться на тѣ наименованія, которыя присвоиваются въ древнихъ памятникахъ той или другой правовой нормѣ. Такъ, среди довольно многочисленныхъ терминовъ которыми у насъ въ старину обозначалось обычное право, встрѣчаются, какъ о томъ было уже упомянуто, также термины „поконъ“ и „законъ“. На основаніи того, что слово „законъ“ встрѣчается и въ начальной лѣтописи, гдѣ оно употреблено на ряду съ „обычаемъ“ („имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ, и преданья, кождо свой нравъ“), и въ договорахъ русскихъ съ греками („по закону и по покону языка нашего“; „по закону Гречьскому, и по уставу и по закону Рускому“), и въ другихъ древнихъ памятникахъ нашей письменности, нѣкоторые изслѣдователи (Тобинъ, Мацѣевскій, Срезневскій и др., а изъ современныхъ проф. Шпилевскій и проф. Самоквасовъ) находили возможнымъ утверждать, что уже въ X в. существовало различіе между обычаемъ и закономъ въ томъ смыслѣ, какъ это различіе понимается теперь, и что подъ „закономъ“, упоминаемымъ древними памятниками, слѣдуетъ, такимъ образомъ, разумѣть продуктъ законодательной дѣятельности. Въ настоящее, однако, время, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ историковъ русскаго права (проф. Сергѣевича, Леонтовича, Дювернуа и др.), можно считать вполнѣ доказаннымъ тотъ фактъ, что термины „поконъ“ и „законъ“ употреблялись въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ однозначащіе съ прочими (обычай, старина, пошлина и др.), для обозначенія именно обычаевъ, и что противоположеніе понятій закона и обычая началось у насъ лишь впослѣдствіи, преимущественно же во второй періодъ. Извѣстно также, что и средневѣковое *lex* на Западѣ не означало, собственно говоря, закона въ нашемъ смыслѣ, а служило обыкновенно для обозначенія нормъ обычнаго права (lex consuetudinis, leges barbarorum, Lex Salica, Lex Ribuaria etc.).

Итакъ, въ чемъ заключается различіе между обычаемъ и закономъ, что именно составляетъ отличительную черту между тѣмъ и другимъ? Такъ какъ обычай и законъ, какъ требованія обязательныя сами по себѣ, въ силу самаго источника своего происхожденія, по существу своему сходны

(и тотъ и другой одинаково опредѣляютъ мѣру свободы человѣческой дѣятельности), то очевидно, что означенную черту надо искать не среди внутреннихъ, а среди внѣшнихъ, формальныхъ признаковъ обѣихъ формъ права. Такъ обыкновенно и стараются поступать. Одна изъ весьма распространенныхъ попытокъ различить законъ отъ обычая состоитъ въ наименованіи перваго изъ нихъ писаннымъ правомъ, а второго правомъ неписаннымъ. Но на это справедливо возражаютъ, что законъ можетъ быть данъ въ словесной формѣ (какъ многіе указы московскихъ государей), а обычай можетъ быть записанъ и даже приведенъ въ извѣстную систему, тѣмъ не менѣе, въ силу одного лишь указаннаго обстоятельства, не измѣнится характеръ ни того, ни другого: законъ, данный въ словесной формѣ, не перестанетъ быть закономъ, а записанный обычай отъ одной лишь записи не превратится въ законъ. Еще менѣе удовлетворительна попытка другого рода. Обычай, говорятъ, отличается отъ закона двумя признаками—безличностью и неопредѣленностью своего начала: „Обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ *безличенъ*, въ противоположность закону, который всегда издается опредѣленнымъ законодателемъ; обычай выходитъ изъ народа, какъ безличной массы,—всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ. Будучи безличнымъ, обычай не *имѣетъ опредѣленнаго* видимаго начала"... (Проф. Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣд.", стр. 76)[1]); другими словами, разница между обычнымъ правомъ и закономъ та, что обычное право устанавливается жизнью, а законъ опредѣленною властью. Не останавливаясь подробно на разборѣ упомянутыхъ только-что признаковъ отличія обычая отъ закона, замѣтимъ, однако, что для нашей цѣли совершенно недостаточно какого-либо указанія на различіе самаго источника происхожденія закона и обычнаго права, недостаточно—хотя бы уже потому, что дѣйствительное происхожденіе той или другой нормы можетъ остаться неизвѣстнымъ, благодаря, между прочимъ, замѣчаемому въ старину стремленію нормъ обычнаго права закрѣпиться въ законѣ; во всякомъ случаѣ ясно, что упомянутая попытка представить различіе между закономъ и обычнымъ правомъ вовсе не даетъ намъ искомаго, рельефнаго или легко распознаваемаго, признака отличія нормы закона отъ нормы обычая, законодательнаго памятника отъ памятника обычнаго права.

Несомнѣнно, что нужную намъ черту, черту отличія закона отъ обычая, надо искать не въ опредѣленіи источника происхожденія той или другой нормы (см. выше) и даже не въ указаніи на возможное отличіе закона отъ обычая по внутреннему содержанію (юридическій обычай, какъ норма, выработанная жизнью, всегда служитъ выраженіемъ правосознанія даннаго

---

[1]) Подобную же мысль высказываетъ и проф. Загоскинъ: „Методъ и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права славянъ", стр. 14.

народа, а законъ не всегда: онъ можетъ ввести норму, чуждую народу, чуждую его сознанію о правѣ), а лишь среди внѣшнихъ признаковъ той формы права, которая болѣе опредѣленна, а именно среди внѣшнихъ признаковъ юридической силы закона. Главнѣйшими же и наиболѣе постоянными изъ такихъ признаковъ являются: *санкція*, или утвержденіе закона компетентнымъ органомъ, и *публикація*, или обнародованіе его. Эти условія или внѣшніе знаки, удостовѣряющіе дѣйствительность закона и необходимые для его бытія, и составляютъ—особенно первый изъ нихъ—искомую отличительную черту закона отъ обычая. Поясннмъ и подкрѣпимъ сказанное примѣрами.

Нормы права могутъ быть собраны въ одинъ общій сборникъ частнымъ лицомъ по личной его иниціативѣ; сборникъ этотъ можетъ затѣмъ получить всеобщее признаніе и широкое практическое примѣненіе. Такимъ является, напр., юридическій сборникъ (Rechtsbuch), извѣстный подъ именемъ Саксонскаго Зерцала (Sachsenspiegel, Speculum Saxonicum) и составленный въ XIII в. (не позже 1235 г.) частнымъ лицомъ (шеффеномъ) Эйке фонъ Репковымъ или ф. Репгау. Какъ извѣстно, дѣйствіе этого сборника распространилось за предѣлы Саксоніи и др. нѣмецкихъ странъ и проникло во многія славянскія земли; всюду онъ дополнялся, истолковывался и примѣнялся въ судахъ, словомъ, игралъ роль закона, не будучи таковымъ. Подобными же неоффиціальными сборниками, пользовавшимися авторитетомъ закона и въ судахъ и внѣ судовъ, были: у нѣмцевъ, сверхъ Саксонскаго, еще два другихъ зерцала—Нѣмецкое (Deutschenspiegel) и Швабское (Schwabenspiegel), составленныя во 2-й половинѣ XIII в.; у чеховъ—Prawo země Ceské, или Книга стараго пана изъ Розенберга (пам. XIII—XIV в.), Rad prawa zemského (XIV в.), Wyklad prawa českeho Андрея изъ Дубы (ок. 1400 г.) и др.; у поляковъ—сборникъ польскаго обычнаго права XIII в., составленный неизвѣстнымъ лицомъ (памятникъ этотъ напечатанъ Фолькманомъ въ 1869 г. и Гельцелемъ въ 1870 г.) и т. д. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ и наша Русская Правда, которая также есть не что иное, какъ частный сборникъ или, точнѣе, рядъ сборниковъ, состоящихъ преимущественно изъ нормъ обычнаго права и княжескихъ уставовъ. Всѣ перечисленные нами юридическіе сборники, несмотря на ихъ всеобщее признаніе и практическое примѣненіе въ судахъ и внѣ судовъ, отнюдь нельзя назвать законами, законодательными памятниками, нельзя—не потому, что они являются главнымъ образомъ сборниками нормъ обычнаго права, а потому именно, что они исходили не отъ законодательной власти и не получали утвержденія, или санкціи, со стороны этой послѣдней. Съ другой стороны, норма или совокупность нормъ—законъ, можетъ быть составленъ по приказанію компетентной власти и даже разсмотрѣнъ ею и въ то же время не получить силы дѣйствующаго источника права: чтобы

получить таковую, чтобы стать закономъ, вошедшимъ въ силу, ему для этого не хватаетъ лишь утвержденія, или санкціи, со стороны надлежащей законодательной власти и публикаціи. Таковы, напримѣръ, многочисленные проекты кодексовъ различныхъ временъ и различныхъ странъ, составленные и разсмотрѣнные, но почему-либо не получившіе санкціи, а потому и не опубликованные. Подобную судьбу, между прочимъ, испыталъ кодексъ, извѣстный подъ именемъ Majestas Karolina, составленный въ Чехіи въ 1346 г., при Карлѣ IV и по его иниціативѣ, но не получившій силы закона. Исторія кодификаціи въ Россіи въ XVIII в. также богата примѣрами составленія проектовъ различныхъ кодексовъ, не получившихъ по тѣмъ или другимъ причинамъ законодательной санкціи. Такъ, напр., въ царствованіе Елизаветы Петровны, къ апрѣлю 1755 г., составлены были двѣ части новаго уложенія: „судная" и „криминальная", являющіяся проектами процессуальнаго и уголовнаго кодексовъ; оба эти кодекса были даже разсмотрѣны Сенатомъ, одобрены имъ и поднесены затѣмъ на утвержденіе императрицы, но ею, однако, не утверждены и возвращены въ коммиссію „о сочиненіи Уложенія" для новаго пересмотра; въ концѣ-концовъ проекты эти такъ и остались проектами...

Впрочемъ, что касается второго изъ названныхъ выше признаковъ— публикаціи, то она, по крайней мѣрѣ въ древне-русскомъ правѣ, не была непремѣннымъ условіемъ для дѣйствительности закона. Это объясняется общимъ ходомъ развитія древне-русскаго законодательства. При вѣчевомъ законодательствѣ въ публикаціи закона естественно не было надобности: моментъ публикаціи совпадалъ съ моментомъ составленія и утвержденія закона. Далѣе, въ періодъ движенія законодательства путемъ грамотъ и мѣстныхъ законовъ государству также не было нужды заботиться о публикаціи; публиковать (и какъ именно) или не публиковать мѣстный или частный законъ—было дѣломъ мѣстности или лица, въ интересахъ которыхъ давался законъ (грамота). При такомъ положеніи вещей вполнѣ понятно, что и въ періодъ изданія уже общихъ законовъ (судебниковъ и проч.) сознаніе о необходимости публикаціи явилось не сразу, а развилось постепенно. И дѣйствительно, всѣ наши законодательные памятники отъ Судебниковъ до Уложенія ц. Алексѣя Мих. хранятъ полное молчаніе о публикаціи и говорятъ о ней лишь по отношенію къ отдѣльнымъ, спеціальнымъ случаямъ; такъ, напр., Судебники предписываютъ „прокликати по торгамъ" статью о воспрещеніи брать посулы и лжесвидѣтельствовать. Впрочемъ, какъ Судебники, такъ и указы, вошедшіе въ составъ Указныхъ книгъ, и не нуждались въ особенной публикаціи, такъ какъ и тѣ и другіе составлялись не для населенія, а главнымъ образомъ для руководства судьямъ, правителямъ и приказамъ.

Итакъ, утвержденіе (санкція) или неутвержденіе юридической нормы или совокупности ихъ уполномоченнымъ на то органомъ, т. е. надлежащею

законодательною властью, и есть тотъ главнѣйшій признакъ, съ помощью котораго можно легко различить законъ отъ обычая, законодательный актъ отъ памятника обычнаго права: ***что дѣйствуетъ и примѣняется въ жизни, какъ обязательная норма, санкціонированная законодательною властью, то и есть законъ; что дѣйствуетъ, какъ обязательная норма, но санкціей не обладаетъ, то есть только юридическій обычай.*** **Лишь благодаря указанному признаку, мы безошибочно можемъ опредѣлить, въ какой категоріи источниковъ права слѣдуетъ отнести тотъ или другой юридическій памятникъ, ту или другую юридическую норму.**

4. Происхожденіе (образованіе) обычнаго права. Такъ какъ процессъ образованія обычнаго права происходилъ не на глазахъ исторіи и эта послѣдняя застаетъ отдѣльные народы уже съ болѣе или менѣе сложившеюся системой юридическихъ обычаевъ, то вопросъ о происхожденіи общеобязательныхъ нормъ обычнаго права является вполнѣ открытымъ. Вопросъ этотъ уже съ давнихъ поръ занималъ юристовъ, пытавшихся дать на него надлежащій отвѣтъ, и создалъ, такимъ образомъ, обширную литературу прежде всего, конечно, въ Западной Европѣ, преимущественно же въ Германіи. Литература эта, продолжающая пополняться новыми трудами, представляетъ рядъ довольно различныхъ воззрѣній на происхожденіе права вообще и обычнаго въ частности. По ученію однихъ (представителей индивидуалистической школы, возникшей еще въ прошломъ вѣкѣ), первоисточникомъ права слѣдуетъ признать *личную автономію*, т. е. волю и дѣйствія частнаго лица; по ученію другихъ (послѣдователей исторической школы), такимъ первоисточникомъ было *общенародное убѣжденіе* (народный духъ, воля народа), и, наконецъ, по позднѣйшему ученію третьихъ (органической и реалистической школъ и, вообще, такъ называемыхъ объективистовъ), право возникло и образовалось не въ силу одного какого-либо начала (воли частной или общенародной), бывшаго первоисточникомъ права, а подъ неотразимымъ вліяніемъ различныхъ объективныхъ условій, въ неизбѣжной зависимости отъ которыхъ находился какъ самый человѣкъ, такъ и тѣ общественные союзы (семья, родъ, община и проч.), а равно и та внѣшняя природа, среди которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать; отсюда, по ученію объективистовъ, къ факторамъ правообразованія относятся законы природы человѣка, условія человѣческаго общежитія и физическія свойства страны (ея климатъ, почва и пр.).

Всѣ эти разнообразныя воззрѣнія западно-европейскихъ ученыхъ нашли себѣ сторонниковъ и послѣдователей въ русской литературѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ историко-юридическихъ трудахъ, посвященныхъ обычному праву и въ частности интересующему насъ вопросу о его происхожденіи. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вни-

манія труды историковъ отечественнаго права В. И. Сергѣевича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Ѳ. И. Леонтовича.

По мнѣнію проф. Сергѣевича, въ основу котораго положено ученіе индивидуалистовъ, общія юридическія нормы, а слѣдовательно и обычное право, возникаютъ изъ индивидуальнаго усмотрѣнія или убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ: энергическіе и сильные люди поступаютъ извѣстнымъ образомъ не въ силу какой-либо отвлеченной идеи правды или справедливости, а руководствуясь исключительно своимъ *личнымъ усмотрѣніемъ* и личнымъ *интересомъ*, т. е. поступаютъ именно такъ, какъ имъ нравилось, какъ имъ угодно было поступить въ данномъ случаѣ; люди болѣе слабые въ аналогическихъ случаяхъ, слѣдуя примѣру этихъ энергическихъ людей, поступаютъ точно такъ же, и при томъ вовсе не изъ убѣжденія въ цѣлесообразности прецедента и не въ силу его соотвѣтствія съ ихъ воззрѣніями, а лишь вслѣдствіе *пассивнаго подчиненія и подражанія;* мало по малу, послѣ того какъ накопится значительное количество сходныхъ прецедентовъ, образуется инертная *привычка* поступать въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстнымъ образомъ; затѣмъ установившаяся практика переходитъ въ *повальный обычай*, изъ котораго, наконецъ, слагается *общее убѣжденіе* о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе (см. подр. Лекціи и изслѣдованія, 1883 г., стр. 80—86 и др.). Главное возраженіе, которое можно привести противъ этого мнѣнія и вообще противъ ученія послѣдователей индивидуалистической школы, заключается въ слѣдующемъ: если считать первоисточникомъ права личную автономію, т. е. личное усмотрѣніе и дѣйствія отдѣльнаго частнаго лица, то придется признать, что въ основѣ права лежитъ не идея правды и справедливости, а случайность или, что еще хуже, произволъ, и вмѣстѣ съ проф. Сергѣевичемъ придти къ заключенію, что „первоначальное обычное право—право сильнаго“ (ibid., 85), т. е., иными словами, не право, а результатъ произвола, или отрицанія всякаго права. Далѣе, хотя невозможно отрицать извѣстнаго значенія привычки въ процессѣ образованія права, нельзя, однако, приписывать ей роли одной изъ творческихъ силъ въ этомъ процессѣ: „привычка—какъ справедливо замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ—лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ“ (Обзоръ ист. рус. права, I, 63). Наконецъ, противъ приведеннаго ученія говоритъ еще то соображеніе, „что обычаи разныхъ народовъ, раздѣленныхъ пространствомъ и временемъ (не имѣвшихъ никакой возможности подражать одинъ другому), сходны, а часто и тождественны“ (ibid., 62).

По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, „первоисточникъ права есть *природа человѣка* (физическая и моральная), подчиненная такимъ же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является *чувствомъ* (инстинктомъ); такова—месть, защита дѣтей

родителями и обратно, таково первоначальное право владѣнія (вообще такой характеръ право сохраняетъ въ семейныхъ и родовыхъ союзахъ). Всѣ поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду, по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства; на второй ступени право проникается *сознаніемъ* (въ союзахъ общинныхъ и государственныхъ), превращаясь изъ явленій природы въ дѣйствія воли; то, что *есть* (фактъ), превращается въ то, что *должно быть* (право); но законы сознанія и воли у людей также одинаковы, какъ и законы природы; сознаніемъ освящаются тѣ-же самыя нормы, которыя были установлены природою; такимъ образомъ, личная творческая дѣятельность въ правѣ совершенно сливается съ общественною. Привычка лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ" (Обз. ист. рус. права, I, 62—63).—Къ приведенному только-что мнѣнію о происхожденіи обычнаго права присоединяется и проф. Леонтовичъ въ своемъ обширномъ и интересномъ трудѣ, посвященномъ древнему обычному праву [1]). Этого же, наконецъ, мнѣнія будемъ держаться также и мы, такъ какъ оно, съ одной стороны, въ значительной степени примиряетъ существующія теоріи о происхожденіи права, а съ другой, что самое главное, наиболѣе удачно и правдоподобно разрѣшаетъ темный вопросъ о первоисточникѣ права и уясняетъ дальнѣйшій послѣдовательный процессъ образованія обычнаго права.

5. Внѣшнія формы выраженія обычнаго права. Юридическіе обычаи проявляются въ разнообразныхъ внѣшнихъ формахъ, служившихъ (и служащихъ) источниками непосредственнаго познанія обычнаго права и придававшихъ ему внѣшнюю обязательность.—Наиболѣе примитивная форма выраженія обычнаго права—*юридическіе символы*, т. е. условные факты, извѣстнаго рода внѣшнія, формальныя дѣйствія, употреблявшіяся для выраженія правомѣрности даннаго явленія. Къ числу такихъ символовъ или обрядовъ принадлежатъ, напримѣръ, слѣдующіе: „посаженье князя на столѣ"—символъ законности пріобрѣтенія власти; „рукобитье"—символъ заключенія договора; „покора"—обрядъ примиренія убійцы съ родственниками убитаго и т. д. Символическая форма выраженія опредѣленныхъ юридическихъ понятій, представляющая интересъ во многихъ отношеніяхъ, является не только у русскихъ и другихъ славянъ, но у всѣхъ вообще народовъ, стоящихъ на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, первой и наиболѣе древней, хотя и наименѣе совершенной, попыткой облечь народныя юридическія понятія и правила во внѣшнюю, доступную пониманію всѣхъ форму.

Слѣдующей также древней, но болѣе совершенной (словесной) формой выраженія нормъ обычнаго права являются *юридическія формулы*, *пословицы* и *поговорки*. У насъ правовые обычаи выражались главнымъ обра-

---

[1]) Ѳ. И. Леонтовичъ: „Старый земскій обычай", Одесса, 1889 г.

зомъ въ этой излюбленной народомъ формѣ („Безъ пословицы не проживешь!“). Юридическія формулы, пословицы и поговорки, характеризующія народныя понятія о правѣ и представляющія собою краткія изреченія („Изъ поговорки слова не выкинешь“), готовыя рѣшенія и отвѣты на различные юридическіе вопросы („Пословица всему дѣлу порѣшница“, „На пословицу ни суда, ни расправы“), затрогиваютъ самыя разнообразныя стороны общественной и частной правовой жизни. Не мало древнихъ формулъ и пословицъ вошло въ видѣ готовыхъ юридическихъ правилъ въ составъ различныхъ памятниковъ права (Русской Правды, договоровъ, Псковской судной грамоты и др., а также такъ называемыхъ юридическихъ актовъ, преимущественно древнѣйшихъ: купчихъ, раздѣльныхъ грамотъ, кабальныхъ записей и пр.); многія же другія сохранились съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней въ народной памяти и тѣмъ оправдали ту изъ пословицъ, въ которой говорится: „Старая пословица во вѣкъ не сломится“. Благодаря послѣднему обстоятельству, мы обладаемъ цѣнными указаніями (въ видѣ пословицъ и поговорокъ) на нормы и институты древняго права, нерѣдко такіе, слѣды которыхъ мы тщетно бы искали въ письменныхъ памятникахъ законодательства и обычнаго права.—Приведемъ для иллюстраціи сказаннаго о юридическихъ формулахъ, пословицахъ и поговоркахъ нѣкоторыя изъ нихъ (лучшіе и наиболѣе полные сборники пословицъ принадлежатъ В. И. Далю и И. Снегиреву)[1]. Вотъ нѣсколько пословицъ и поговорокъ, относящихся къ различнымъ вопросамъ государственнаго права: „Молодъ князь, молода и дума“; „Дума на Великой, а сердце на Волховѣ“ (указаніе на тѣсную связь В.-Новгорода съ Псковомъ); „На что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же и пригороды станутъ“ (обязательность для пригородовъ вѣчевыхъ рѣшеній, принятыхъ на вѣчѣ старшаго города); „На одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи“ (требованіе единогласія); „Воеводою быть, безъ меду не жить“; „Воевода въ городѣ, что мышь въ коробѣ“; „Что намѣтитъ дьякъ, тому и быть такъ“ (роль дьяковъ въ приказахъ и пр.); „Умный, что староста губный: всякъ его боится“ (взглядъ народа на губныя учрежденія и значеніе ихъ); „На поле съѣзжаются, родствомъ не считаются“ (мѣстничество); „На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день“; „Вольному воля, а ходячему путь“ (обѣ о правѣ перехода крестьянъ); „На боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки“ (о кабалѣ) и др. Формулы и пословицы, относящіяся къ гражданскому праву: „Невѣста родится, а женихъ на конь садится“ (указаніе на обычное различіе въ возрастѣ брачущихся); „Мужъ женѣ отецъ, жена мужу вѣнецъ“; „Мужъ съ

---

[1]) В. И. Даль: „Пословицы русскаго народа“, Москва, 1862 г. и 2-е изд. СПБ., 1879 г.; И. Снегиревъ: „Русскіе въ своихъ пословицахъ“, Москва, 1831—34 гг. и „Русскія юридическія пословицы“, 1849.

женой ругайся, а третій не мѣшайся“; „Кто вѣнецъ надѣваетъ, тотъ и снимаетъ“ (о разводѣ); „Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу“ (ср. Русск. Пр., Кар. сп., 120 и Судебн. Царскій. ст. 76); „Меньшому сыну отцовскій дворъ, старшему новоселье“; „Чей дворъ, того и хоромы“; „Чья земля, того и хлѣбъ“; „Съ чужого коня середь грязи долой“; „Чья воля старѣе, та и правѣе“ (о старомъ владѣніи); „Куда плугъ, соха, топоръ и коса ходили“ (древняя формула опредѣленія границъ); „Уговоръ дороже денегъ“; „Даръ не купля: не хаятъ, а хвалятъ“; „Не сходно—не сходись, а на торгъ не сердись“; „Съ чѣмъ лошадь покупается, то съ нея не снимается“ и др. По уголовному праву и процессу: „Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“; „Повинную голову и мечъ не сѣчетъ“; „Это не покоръ, что за поясомъ топоръ: подумаютъ, что плотникъ, а не воръ“; „Худое дѣло тюрьма—а безъ нея нельзя!“ „Отъ сумы, да отъ тюрьмы не отрекайся“; „Братчина судитъ, какъ судьи“ (Пск. судн. грам., ст. 113); „А гдѣ ся тяжя родитъ, ту ю кончати“ (Догов. съ нѣмц., 1263 г.); „А татя, розбойника, грабежника, душегубца гдѣ имутъ, туто судятъ“ (изъ междукняж. догов.); „Воръ воруетъ, міръ горюетъ“; „Кинешма да Рѣшма кутятъ да мутятъ, а Сойдогда убытки платитъ“ (обѣ о круговой порукѣ при уплатѣ уголовныхъ штрафовъ); „Легко воровать, какъ семеро норовятъ“ (намекъ на число послуховъ, ср. Русск. Пр. Кар. сп., 15); „Послуха на послуха не берутъ“; „Холопъ на холопа послухъ“; „А холопу и робѣ вѣры не яти“ (уст. грам. Витебской и Полоцк. земель); „Желѣза и змѣя боится“; „Правда тяжеле золота, а на водѣ всплываетъ“ (въ обѣихъ намекъ на ордаліи); „Въ полѣ двѣ воли, кому Богъ поможетъ“ (о судебныхъ поединкахъ) и др.

Близкой къ пословицамъ формой выраженія обычнаго права служатъ различные памятники народной поэзіи: былины, легенды, сказки и пр., а главнымъ образомъ *юридическія пѣсни.* Въ древности весьма нерѣдко прибѣгали къ поэтической формѣ для выраженія между прочимъ юридическихъ правилъ, судебныхъ формулъ и т. д. Такъ, Солонъ изложилъ свои законы въ стихотворной формѣ; у римлянъ юридическія формулы, употреблявшіяся въ древнѣйшемъ римскомъ процессѣ, облекались въ ту же стихотворную форму (carmen), съ цѣлью предохранить ихъ отъ искаженія, пропусковъ и пр.; у западныхъ славянъ (напр., у Сербовъ) сохранилось не мало юридическихъ пѣсенъ, касающихся различныхъ вопросовъ древняго права. Впрочемъ, что касается въ частности русскаго народа, то онъ не создалъ юридическихъ пѣсенъ; былины же наши, сказки и т. д. даютъ немногія и лишь отдаленныя указанія на нѣкоторые нормы и институты древнѣйшаго обычнаго права.

Наконецъ, обычное право выражается въ *юридическихъ дѣйствіяхъ и нормахъ,* свѣдѣнія о которыхъ мы получаемъ изъ разнообразныхъ памятниковъ древней письменности: лѣтописей и др. однородныхъ съ ними

источниковъ (житія святыхъ, сказанія и пр.), юридическихъ актовъ, законодательныхъ памятниковъ и сборниковъ правовыхъ нормъ.

Лѣтописи и подобные имъ памятники являются важнымъ источникомъ для ознакомленія съ юридическими обычаями, такъ какъ въ нихъ изображены, между прочимъ, такіе факты, въ которыхъ выразилось дѣйствовавшее обычное право. Впрочемъ, факты, сообщаемые лѣтописцемъ, даютъ болѣе или менѣе неоспоримыя указанія на нормы обычнаго права, существовавшія во времена лѣтописца, лишь при условіи многочисленности однородныхъ фактовъ: лишь многократное повтореніе въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ единообразныхъ дѣйствій даетъ вѣрное указаніе на существовавшую норму обычнаго права и несомнѣнно доказываетъ, что сообщенный лѣтописцемъ фактъ не былъ нарушеніемъ права, а дѣйствительно вытекалъ изъ этого послѣдняго.

Акты юридическіе, т. е. акты судебные и акты юридическихъ сдѣлокъ, хотя служатъ одной изъ важнѣйшихъ формъ выраженія нормъ обычнаго права (гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго), требуютъ, однако (особенно акты юридич. сдѣлокъ), почти такого же осторожнаго къ нимъ отношенія, какъ и лѣтописи: лишь полное согласіе (по сущности содержанія) однородныхъ актовъ, взятыхъ въ значительномъ количествѣ, можетъ служить доказательствомъ, что выраженныя въ нихъ нормы дѣйствительно согласны съ дѣйствовавшимъ обычнымъ правомъ, а не являются нормами произвольными, созданными ad hoc соглашеніемъ двухъ или нѣсколькихъ лицъ.

Самымъ же важнымъ (письменнымъ) источникомъ обычнаго права, источникомъ, гдѣ нормы этого послѣдняго содержатся въ чистомъ ихъ видѣ, являются юридическіе памятники въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. законодательные акты и практическіе сборники права, подобные нашей Русской Правдѣ. И это вполнѣ понятно. Содержаніе всѣхъ законодательныхъ памятниковъ древняго періода нашей исторіи представляетъ собою не продуктъ творчества законодательной власти, а совокупность того, что существовало уже по обычаю; то же, лишь съ небольшими ограниченіями, можно сказать и о законодательныхъ памятникахъ второго періода. Явленіе это общечеловѣческое: у всѣхъ народовъ большая часть нормъ обычнаго права вошла въ содержаніе закона. Отсюда понятно, какое важное значеніе имѣютъ древніе законодательные памятники въ смыслѣ источниковъ познанія обычнаго права.

Въ заключеніе надо прибавить, что къ числу источниковъ древняго обычнаго права слѣдуетъ отнести также и *живое обычное право*, или современные народные юридическіе обычаи. Народъ и его обычное право отличаются большой консервативностью: многіе весьма древніе обычаи не утратили своей жизненности и доселѣ, другіе же сохранились въ памяти народа или въ различныхъ его обрядахъ. Отсюда вытекаетъ, что знакомство съ дѣйствующимъ обычнымъ правомъ можетъ быть весьма полезно не только

для уясненія старыхъ обычаевъ, но и для пополненія нашихъ свѣдѣній о тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ или же узнаемъ очень мало изъ другихъ источниковъ.

6. Свойства обычнаго права. Вопросъ о свойствахъ обычнаго права весьма важенъ: одни изъ нихъ объясняютъ долгое господство въ народной жизни этой формы права, а другія опредѣляютъ дальнѣйшую судьбу обычнаго права у разныхъ народовъ, а именно способствуютъ переходу отъ обычая къ закону.

Къ числу свойствъ обычнаго права, которыя придаютъ нормамъ этого права внутреннюю и внѣшнюю обязательность и тѣмъ объясняютъ долговременное ихъ господство, принадлежатъ нижеслѣдующія свойства. Во-первыхъ, *согласіе нормъ обычнаго права съ требованіями моральной природы человѣка,* что̀ объясняется происхожденіемъ самаго права: всѣ поступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинаковымъ образомъ не изъ подражанія наиболѣе энергическимъ людямъ и пассивной привычки, а вслѣдствіе законовъ и требованій моральной природы человѣка, которые у всѣхъ людей одинаковы.—Во-вторыхъ, *религіозный характеръ обычнаго права.* У всѣхъ народовъ въ древнѣйшія эпохи право, нравственность и религія находились въ тѣсной, почти неразрывной связи (обособленіе права отъ религіи—явленіе сравнительно позднѣйшее): нормы права, по воззрѣніямъ людей того времени, являлись непосредственнымъ произведеніемъ боговъ, были не что иное, какъ совокупность велѣній, завѣтовъ божества (таковыми, напр., считались законы Моисея, Ману, Конфуція), а потому нарушеніе ихъ—преступленіе противъ самого божества. Отсюда, т. е. вслѣдствіе приданія юридическимъ обычаямъ религіозной санкціи, месть за убійство составляла не только право, но и религіозную обязанность, ордаліи (испытаніе истины посредствомъ огня и воды) и поле (судебные поединки) назывались „судами Божьими“, „правдой Божьей“ и т. д.; отсюда же лѣтописецъ, восхваляя Полянъ, которые „своихъ отецъ обычаи имуть“, и сравнивая съ ними прочія славянскія племена, живущія „скотьски“, т. е. исключительно по инстинктамъ своей физической природы, говоритъ объ этихъ послѣднихъ, что они „не вѣдають закона Божія, но творять сами собѣ законъ“. Впрочемъ, убѣжденіе въ происхожденіи свыше, отъ самого Бога, правовыхъ нормъ того или другого народа существовало не только въ отдаленной древности, но и значительно позже, а именно не чуждо было даже людямъ конца XV в.[1]).—Въ-третьихъ, *національный характеръ развитія обыч-*

[1]) Такъ, Викторинъ изъ Вшегордъ, чешскій юристъ 2-й пол. XV в. и составитель одного изъ чешскихъ юридическихъ сборниковъ (извѣстнаго подъ назван. „De jure terrae Bohemiae libri novem“), удивляясь древности чешскаго обычнаго права и восторгаясь его справедливостью и совершенствомъ, восклицаетъ: „Часто и долго думалъ я объ этомъ, и мнѣ ничего другого на мысль не приходило, какъ

наго права. Несмотря на то, что обычаи разныхъ народовъ, стоящихъ на одной и той же ступени развитія, имѣютъ, вслѣдствіе единства первоисточника права, много общаго, т. е. во многихъ случаяхъ не только сходны, но и тождественны, тѣмъ не менѣе обычное право каждаго народа въ отдѣльности, на ряду съ общечеловѣческими началами, обладаетъ своеобразными чертами, своими національными особенностями, создавшимися подъ вліяніемъ различныхъ условій экономической, соціальной и политической жизни и являющимися, такимъ образомъ, достояніемъ не всего человѣчества, а лишь даннаго народа. Взглядъ, что у каждаго народа должно существовать *свое* право, т. е. право съ присущими ему національными особенностями, высказывался еще въ старину: „въ коейждо убо странѣ— говорится въ Стоглавѣ (памяти. XVI в.)—законъ и отчина, и не приходятъ другъ ко друзей, а своего обычая кійждо законъ держитъ". Этимъ сознаніемъ о національномъ характерѣ своего права, убѣжденіемъ, что данное право является какъ бы прирожденнымъ достояніемъ, полученнымъ отъ боговъ и предковъ, объясняется стремленіе, замѣчаемое еще въ древности у представителей всѣхъ націй, перенести на чужбину и сохранить тамъ за собою нормы своего отечественнаго права. Этимъ объясняется также стремленіе всѣхъ народовъ отстоять свои старинныя нормы, свои пошлины: русскіе, напр., при заключеніи договора съ нѣмцами въ 1270 г., не захотѣли включить въ текстъ договора предлагаемую ими и несогласную съ древне-русскимъ обычнымъ правомъ статью о наказаніяхъ за кражу, а настояли на томъ, чтобы виновный судился и наказывался „по его пошлинѣ". Этимъ же, наконецъ, можно объяснить и такія древнія наименованія юридическихъ сборниковъ и вообще мѣстныхъ системъ права, каковы—Русская Правда („Правда Роськая"), Псковская Правда (см. Ак. З. Р. I, 38) и т. д. (аналогич. примѣры: Lex Salica, Sachsenspiegel, Schwabenspiegel etc.).— Въ-четвертыхъ, *обычное право отличается консервативностью*. Это свойство обычаевъ находится въ тѣсной связи съ нѣкоторыми указанными выше свойствами; являясь выраженіемъ правды, правового порядка, созданныхъ волею божества и переданныхъ по наслѣдству отъ предковъ, юридическіе обычаи представлялись нормами строго обязательными, ненарушимыми и неизмѣнными. Отсюда обычаи свято хранились въ народной памяти и неизмѣнно передавались слѣдующимъ поколѣніямъ; отсюда для соблюденія стараго дѣдовскаго обычая не грѣхъ иногда совершить преступленіе (напримѣръ, для исполненія долга гостепріимства прибѣгнуть къ кражѣ); отсюда же поступать по старинѣ—все равно, что поступать по праву, нарушать

только то, что право земли чешской дано старымъ князьямъ самимъ Богомъ. Что не отъ Бога, то скоро исчезаетъ, а право земли чешской безъ всякой перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и доселѣ сохраняется".

же обычай, поступать противъ обычая или измѣнять его — это значитъ „забывать великую старину и законъ отецъ своихъ, и дѣдовъ своихъ, и прадѣдовъ", „неправду дѣлать", поступать „лукаво", „со лжею", совершать „кривду" и „беззаконіе". Этимъ же, наконецъ, объясняется и тотъ фактъ, что охраненіе и подтвержденіе старыхъ обычаевъ и пошлинъ составляетъ главную задачу верховной власти не только въ первый періодъ, но долго и позже; такъ, напр., западно-русскіе вел. князья въ своихъ многочисленныхъ „листахъ", или грамотахъ, постоянно ссылаются лишь на старину или пошлину: „нехай то будетъ по тому, какъ здавна было, бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ"; „а суды судити по старинѣ, какъ у васъ издавна пошло... а никоторыхъ пошлинъ новыхъ не вводити" и т. д. Вышеизложенный взглядъ на неизмѣнность обычая, его святость и ненарушимость высказывается также въ рядѣ русскихъ пословицъ: „Старая пословица во вѣкъ не сломится"; „Старинная пословица не мимо молвится"; „Что старѣе, то правѣе"; „Противъ обыка не спорь"; „Обычай крѣпче закона"; „Изъ поговорки слова не выкинешь"; „На пословицу ни суда, ни расправы" и др.

Если всѣ вышеуказанныя свойства обычнаго права, придавая ему значеніе религіозно-обязательныхъ единообразныхъ нормъ, отмѣченныхъ національной печатью, способствовали долгому его господству въ качествѣ единственнаго источника права и долгое время вполнѣ гарантировали его соблюдаемость и ненарушимость, то, съ другой стороны, обычное право обладало такими еще свойствами, которыя должны были раньше или позже заставить его уступить свое мѣсто—правда, не безъ борьбы—другой, болѣе совершенной формѣ права—закону.

7. Переходъ отъ обычая къ закону. Къ числу тѣхъ свойствъ обычнаго права, которыя подготовили переходъ отъ обычая къ закону, а затѣмъ и привели къ нему, относятся: 1), *разнообразіе началъ обычнаго права*, или способность его разнообразиться въ зависимости отъ мѣстныхъ и бытовыхъ условій, а 2), *недостаточно твердая, точная и опредѣленная формулировка его.* Остановимся на каждомъ изъ этихъ свойствъ въ отдѣльности.

Въ различныхъ мѣстахъ или частяхъ территоріи одного и того же государства могутъ существовать и одновременно дѣйствовать разнообразныя начала обычнаго права, т. е. можетъ случиться то, о чемъ говоритъ одна изъ русскихъ пословицъ: „Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай". Явленіе это, свойственное всѣмъ народамъ, объясняется степенью культуры отдѣльныхъ племенъ, населяющихъ обширную территорію, ихъ характеромъ, мѣстными и бытовыми особенностями и т. д. О различіи обычаевъ древнихъ восточныхъ славянскихъ племенъ говоритъ еще древнѣйшая лѣтопись: „имяху бо обычаи свои... и преданья, *кождо* свой нравъ". Различіе нормъ

обычнаго права замѣчается также и значительно позже (напр., въ XIV—XV вв.): въ отдѣльныхъ древне-русскихъ земляхъ (Псковѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ и др.) существуютъ свои системы мѣстнаго права, т. е. права, дѣйствіе котораго ограничивалось лишь одною данною областью. Пока люди живутъ мелкими замкнутыми союзами, разсѣянными по всей территоріи и потому рѣдко вступающими въ сношенія другъ съ другомъ, рознь обычаевъ не даетъ себя чувствовать; но какъ только сношенія, подъ вліяніемъ различныхъ условій, учащаются и оживляются, или когда мелкіе союзы сплочиваются въ крупные организованные союзы людей, ведущіе совмѣстную жизнь, тогда становится очевиднымъ все неудобство партикуляризма обычнаго права, тогда возникаетъ необходимость создавать новыя правовыя нормы, такъ какъ прежніе обычаи однихъ часто несогласны съ обычаями другихъ, а потому и необязалельны для этихъ послѣднихъ („Свой обычай въ чужой домъ не носи"). Указанное неудобство разнообразія обычнаго права выступаетъ съ особенною рельефностью вслѣдъ за объединеніемъ государственной территоріи; вотъ почему объединеніе дѣйствующаго права (объединеніе въ формѣ закона) становится съ этого времени одною изъ главныхъ заботъ государственной власти.

Кромѣ разнообразія обычаевъ, къ тѣмъ же послѣдствіямъ, т. е. къ установленію права въ формѣ закона, привело и второе изъ указанныхъ выше свойствъ обычнаго права: недостаточно твердыя, опредѣленныя и ясныя формы выраженія нормъ этого права. Пока живо сознаніе о внутренней и внѣшней обязательности нормъ обычнаго права, освященныхъ стариной и религіей, съ которой онѣ долго не разрываютъ тѣсной связи, пока эти нормы свято хранятся въ народной памяти, онѣ не нуждаются въ точной формулировкѣ, передаются путемъ устнаго преданія, и ознакомленіе съ ними (распознаваніе ихъ) не представляетъ особенной трудности. Въ это время обычное право довольствуется такими примитивными внѣшними формами своего выраженія, какъ символы, пословицы и пѣсни. Мало по малу, однако, право обособляется отъ религіи и человѣческій элементъ въ правѣ выступаетъ на первый планъ, и хотя вслѣдствіе этого право получаетъ способность къ дальнѣйшему и болѣе интенсивному развитію, но за то, какъ все человѣческое, оно становится болѣе измѣнчивымъ, преходящимъ, менѣе защищеннымъ отъ посягательствъ и нарушеній. Одновременно съ этимъ постепенно все труднѣе и труднѣе становится распознавать нормы обычнаго права при посредствѣ тѣхъ примитивныхъ, не для всѣхъ одинаково ясныхъ и опредѣленныхъ, формъ, въ которыхъ до той поры оно проявлялось, самыя формы его выраженія становятся и недостаточными и недостаточно объективными, т. е. не вполнѣ гарантированными со стороны ихъ твердости и неизмѣнности. Правда, говорилось, что „старая пословица во вѣкъ не сломится", но за то по словамъ другой

русской пословицы: „не дорога пѣсня (т. е. слова ея), а дорогъ уставъ“ (т. е. напѣвъ); между тѣмъ для правовой нормы важно не только то, чтобы ясно былъ выраженъ ея смыслъ, но также и то, чтобы ей была придана твердая внѣшняя форма, гарантированная отъ всякихъ произвольныхъ измѣненій (съ измѣненіемъ, напримѣръ, словъ закона можетъ измѣниться и внутренній смыслъ его).

Указанныя свойства обычнаго права, а именно неопредѣленность обычнаго права вслѣдствіе недостаточности внѣшнихъ формъ его выраженія и недостаточной ихъ объективности, а равно способность его видоизмѣняться и разнообразиться, мало по малу привели къ настоятельной необходимости выразить нормы права въ письменной формѣ, въ формѣ закона, которая устраняетъ всѣ вышеизложенныя неудобства, т. е. не только устанавливаетъ однообразныя нормы права, но придаетъ имъ твердую и вполнѣ опредѣленную форму выраженія и, наконецъ, дѣлаетъ ихъ для всѣхъ легко распознаваемыми [1]). Такъ совершился переходъ отъ обычая къ закону,— переходъ, которому въ значительной степени способствовали сначала рецепція чужого права, а затѣмъ объединеніе государственной территоріи.

8. Дальнѣйшая судьба обычнаго права. Законъ на первыхъ порахъ довольствовался узаконеніемъ, или подтвержденіемъ, господствующихъ обычаевъ и пошлинъ, при чемъ незаписанные и несанкціонированные законодательной властью обычаи являлись важнымъ вспомогательнымъ и дополнительнымъ источникомъ права, почти равносильнымъ съ закономъ. Затѣмъ въ XVI в. законъ вступаетъ въ борьбу съ обычаемъ, которая достигаетъ своего наибольшаго развитія къ концу XVII в., когда законъ начинаетъ относиться къ обычаямъ уже явно враждебно. Явленіе это объясняется консервативностью обычнаго права, а вслѣдствіе того несоотвѣтствіемъ его съ новыми воззрѣніями и порядками, получившими господствующую роль особенно съ конца XVII в., а также разнообразіемъ обычаевъ по мѣстностямъ, что также не могло быть терпимо съ установленіемъ единодержавія, т. е. съ объединеніемъ государственной территоріи. Борьба закона съ обычаемъ закончилась полнымъ торжествомъ перваго изъ нихъ и установленіемъ его исключительнаго господства. Произошло это уже въ періодъ имперіи (въ XVIII в.), когда обычное право оконча-

---

[1]) Мысль о важности письменной формы для выраженія юридическихъ нормъ была вполнѣ понятна уже людямъ начала XIII в.; такъ, въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ нѣмцами (1229 г.) читаемъ слѣд.: „Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то отиде то по вѣрьмьнемь; приказано боудѣте добрымъ людемъ, а любо грамотою оутвердять, како то боудѣте всѣмъ вѣдомъ, или кто посль живыи останѣться“ (т. е. что совершается во времени, то и исчезаетъ во времени; но если что приказано будетъ добрымъ людямъ (свидѣтелямъ) или грамотою утверждено, то будетъ всѣмъ вѣдомо, и тѣмъ, кто послѣ въ живыхъ останется).

тельно утратило свое былое значеніе, т. е. совершенно перестало вліять на содержаніе нормъ русскаго права, и это послѣднее стало развиваться единственно лишь въ формѣ закона.

ГЛАВА II.

Договоры.

Договоры и у насъ и у многихъ другихъ народовъ являются древнѣйшей, такъ сказать, первоначальной формой закона. Къ этой формѣ въ древнее время одинаково прибѣгали и частныя лица, и общественныя группы (территоріальныя общины между собою, отдѣльныя сословія или все населеніе данной территоріальной единицы съ государями и т. д.), и отдѣльные народы для опредѣленія своихъ взаимныхъ гражданскихъ, политическихъ и международныхъ отношеній; при этомъ въ формѣ договоровъ не только подтверждались и точнѣе формулировались уже существующія нормы обычнаго права, съ цѣлью придать имъ бо́льшую опредѣленность, предотвращающую всякій споръ, и внѣшнеобязательную силу, но нерѣдко устанавливалось новое право, т. е. создавались путемъ соглашенія новыя юридическія нормы. Это послѣднее имѣло мѣсто главнымъ образомъ въ договорахъ, заключенныхъ между двумя народами, особенно народами, стоявшими на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія: различіе обычаевъ обоихъ договаривающихся народовъ, обусловленное только что названнымъ обстоятельствомъ, при желаніи ихъ прійти къ обоюдному соглашенію, могло повлечь за собою, конечно, не подтвержденіе или примѣненіе существующаго уже права, а лишь созданіе новаго права, являющагося результатомъ компромисса между двумя народами и ихъ правомъ.

Въ памятникахъ нашей древней письменности договоры носятъ различныя наименованія: *ряда*, *порядa*, *докончанья*, *крестнаго цѣлованья*, *мира* и *правды*. Отъ земской эпохи и первой половины второго періода сохранилось не мало договоровъ, имѣющихъ значеніе не только важныхъ, но и наиболѣе древнихъ памятниковъ русскаго права. Къ числу таковыхъ относятся прежде всего древнѣйшіе международные трактаты, т. е. договоры русскихъ съ сосѣдними народами, а именно съ греками и позже съ нѣмцами, а затѣмъ договоры, заключенные внутри государства: a) русскими князьями съ отдѣльными областями и b) князьями между собою. Остановимся на каждомъ изъ этихъ видовъ договоровъ въ отдѣльности, а именно сперва на договорахъ съ греками и нѣмцами, а затѣмъ на договорахъ, опредѣляющихъ внутреннія государственныя отношенія.

I. Договоры Русскихъ съ Греками.

1. Число договоровъ съ греками и исторія возникновенія каждаго изъ нихъ. Первыми достовѣрными и древнѣйшими памятниками русскаго права являются договоры русскихъ князей съ греками, заключенные еще въ X вѣкѣ.

Греція, какъ страна культурная и богатая, издавна привлекала къ себѣ своими богатствами мало-культурныхъ, но воинственныхъ и жадныхъ къ воинской добычѣ сосѣдей своихъ, а въ томъ числѣ и русскихъ. Походы древнихъ русскихъ князей съ ихъ дружинами на Грецію или Византію не ограничивались, однако, взятіемъ выкупа и установленіемъ дани, но повлекли за собою заключеніе договоровъ. Эти послѣдніе были тѣмъ болѣе необходимы, что оба народа—русскіе и греки, уже съ древнихъ временъ, какъ о томъ можно судить на основаніи различныхъ данныхъ, вели между собою оживленную торговлю.

Договоровъ съ греками, по нашей начальной лѣтописи, было заключено четыре: два Олегомъ, въ 907 и 911 гг., одинъ Игоремъ въ 945 г. и одинъ Святославомъ въ 971 г. Не всѣ, однако, эти договоры дошли до насъ полностію: первый изъ нихъ сохранился лишь въ лѣтописномъ пересказѣ. Не всѣ также они имѣютъ одинаковое значеніе: послѣдній изъ названныхъ договоровъ (догов. 971 г.) не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ памятника права.

Остановимся подробнѣе на исторіи возникновенія каждаго изъ этихъ договоровъ, что особенно необходимо въ виду возникавшихъ въ литературѣ сомнѣній и споровъ какъ относительно числа договоровъ, такъ и относительно самой достовѣрности этихъ древнѣйшихъ памятниковъ нашихъ международныхъ сношеній.

Первый договоръ. Въ 907 г., по сказанію древнѣйшей русской лѣтописи, кн. Олегъ съ большими военными силами (тутъ были: варяги, славяне, чудь, кривичи, меря, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулѣбы и тиверцы,—словомъ, всѣ племена, которыя, по словамъ лѣтописца, назывались у грековъ однимъ собирательнымъ именемъ - Великая Скиѳія) вторгся въ предѣлы Византійской имперіи, подступилъ къ Константинополю, опустошилъ его окрестности и собирался уже по сухому пути перетащить свою флотилію въ гавань, запертую греками при приближеніи Олега. Тогда ужаснувшіеся греки послали сказать Олегу: „не губи города, мы соглашаемся платить дань, какую ты желаешь!" („не погубляй града, имемъ ти ся по дань, якоже хощеши!"). Олегъ потребовалъ выкупа съ грековъ по числу своихъ воиновъ (по 12 гривенъ на человѣка). Греки немедленно согласились на это условіе, но просили договора, которымъ Олегъ обязался бы не воевать греческой земли („и яшася Греци по се, и почаша Греци

мира просити, дабы не воевалъ грецкые земли"). Олегъ, отступивъ нѣсколько отъ города, началъ переговоры о договорѣ съ греческими царями Львомъ и Александромъ („Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити съ царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ"), для чего послалъ къ нимъ въ городъ пять своихъ пословъ съ соотвѣтствующей инструкціей Переговоры окончились заключеніемъ договора.

Таковы, по лѣтописи, обстоятельства, предшествовавшія заключенію договора 907 г. Полнаго текста этого послѣдняго лѣтописецъ, однако, не приводитъ, а ограничивается лишь пересказомъ его содержанія. Отчего это произошло: оттого ли, что лѣтописецъ не имѣлъ подъ рукой полнаго текста этого договора (текстъ этотъ ко времени составленія лѣтописи могъ уже и не сохраниться), или оттого, что договоръ 907 г. не былъ вовсе облеченъ въ письменную форму, а былъ „простословеснымъ" (нѣкоторый намекъ на это послѣднее обстоятельство имѣется во вступленіи къ договору 911 г.),— сказать съ точностью трудно. Замѣтимъ только, что словесная (а не письменная) форма нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ договоровъ не представляется чѣмъ-то невѣроятнымъ; такъ, напр., мы знаемъ, что многіе изъ договоровъ или рядовъ древне-русскихъ князей съ народомъ были словесными.

Главные пункты договора, потребованные русскими и принятые греками („и заповѣда Олегъ... и яшася Греци"), состояли: 1), въ обязательствѣ грековъ, сверхъ взноса единовременнаго выкупа по числу воиновъ Олега, платить ежегодную дань („уклады") русскимъ на каждый изъ старшихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья-подручники Олега (сначала на Кіевъ, а потомъ на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ и т. д.), и 2), въ обязательствѣ грековъ давать кормъ („хлѣбное") всѣмъ русскимъ, прибывающимъ въ Византію, а русскимъ купцамъ (гостямъ) ежемѣсячное содержаніе, состоящее изъ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей и выдаваемое въ теченіе полугода. Греки, съ своей стороны, настояли на включеніи въ договоръ пункта о томъ, чтобы русскіе, пріѣзжающіе въ Константинополь, поселялись лишь въ одномъ предмѣстіи св. Мамы, входили въ городъ черезъ одни только ворота, не болѣе 50 чел. одновременно, безъ оружія и въ сопровожденіи царскаго чиновника, а также, чтобы русскіе не разбойничали въ предѣлахъ Византійской имперіи.

Таково довольно скудное содержаніе Олегова договора 907 г., полный текстъ котораго, какъ уже было замѣчено, не дошелъ до насъ по той или другой причинѣ. Оба эти обстоятельства (отсутствіе полнаго текста договора и бѣдность его содержанія), въ связи съ критикой (впрочемъ, довольно придирчивой) всего лѣтописнаго разсказа объ этомъ договорѣ, привели нѣкоторыхъ ученыхъ или къ полному отрицанію самаго факта заключенія договора 907 г., или къ отрицанію самостоятельнаго значенія этого послѣдняго и признанію его лишь предварительнымъ неоформленнымъ со-

глашеніемъ. Такъ, Эверсъ (въ своемъ соч. „Древнѣйшее русское право"), а за нимъ и Тобинъ (Die ältesten Tractate Russlands) считаютъ договоръ 907 г. лишь предварительнымъ соглашеніемъ, на основаніи котораго позднѣе, а именно въ 911 г., былъ заключенъ формальный мирный договоръ. Изъ послѣдующихъ ученыхъ проф. Сергѣевичъ, хотя и не раздѣляетъ приведеннаго мнѣнія Эверса и Тобина, считая его очень искусственнымъ и несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, идетъ, однако, еще дальше: онъ сомнѣвается въ точности всего лѣтописнаго повѣствованія о мирѣ, отрицаетъ возможность какого-либо соглашенія о договорѣ и въ частности переговоровъ объ ограничительныхъ статьяхъ его и приходитъ къ выводу, что въ 907 г. все дѣло ограничилось лишь взятіемъ Олегомъ съ грековъ богатаго выкупа за прекращеніе набѣга и очищеніе греческой территоріи отъ Олеговыхъ полчищъ (Лекціи и изслѣд., стр. 101—104).

Напротивъ, др. ученые: Карамзинъ, Срезневскій, Н. А. Лавровскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, С. В. Пахманъ, В. В. Сокольскій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Д. Я. Самоквасовъ, защищаютъ дѣйствительность договора 907 г. и признаютъ его во всемъ составѣ, какъ онъ изложенъ въ лѣтописномъ разсказѣ, самостоятельнымъ международнымъ актомъ.

Несомнѣнно, что мнѣніе послѣднихъ ученыхъ болѣе справедливо и его слѣдуетъ принять, и не потому только, что на ихъ сторонѣ численный перевѣсъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ критику всего лѣтописнаго разсказа и въ частности объ успѣхахъ и результатахъ Олегова похода,— разсказа, не заключающаго въ себѣ ничего невѣроятнаго и явно неправдоподобнаго, нельзя не обратить вниманія на то, что въ повѣствованіи лѣтописца о заключеніи договора 907 г. можно различить по отношенію къ этому послѣднему два момента: 1), предварительные переговоры: „Олегъ же... нача миръ (т. е. договоръ) творити со царьма грецкими, со Леономъ и Александромъ, посла къ нимъ въ градъ"... и т. д., и 2), формальное заключеніе договора и его санкція: „Царь же Леонъ со Олександромъ миръ *сотвориста* (т. е. заключили договоръ) со Олгомъ, имшеся по дань (согласившись платить дань), и ротѣ заходивше межы собою, и цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по русскому закону... и утвердиша миръ (и поклялись взаимно другъ другу: цари цѣловали крестъ, а Олега и его мужей привели къ присягѣ по русскому закону... и подтвердили договоръ)." Ясно, такимъ образомъ, что мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ договоромъ, договоромъ, принятымъ послѣ предварительныхъ переговоровъ обѣими сторонами и ими надлежащимъ образомъ санкціонированнымъ или подтвержденнымъ. Да было бы и странно, если бы Олегъ не воспользовался своею побѣдой, не выговорилъ себѣ даней и всякихъ льготъ, а удовольствовался бы лишь взятіемъ одного выкупа; еще болѣе было бы странно, если бы Олегъ, приступивъ, по предложенію грековъ, къ предвари-

тельнымъ переговорамъ, ограничился этими послѣдними и ушелъ домой, отложивъ заключеніе самаго договора на цѣлыхъ 4 года. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы и греки не воспользовались случаемъ гарантировать себя на будущее время отъ повторенія набѣговъ русскихъ полчищъ, а этого если не вполнѣ, то до нѣкоторой степени можно было достигнуть лишь путемъ заключенія мирнаго договора.

Ничего также нѣтъ невѣроятнаго, вопреки мнѣнію проф. Сергѣевича (ibid., 102), и въ томъ, что Олегъ согласился принять нѣкоторыя ограничительныя условія, предложенныя ему греками. Эти послѣднія, по сравненію съ выгодными условіями, предъявленными Олегомъ и покорно принятыми греками относительно выкупа, даней и различныхъ льготъ для русскихъ, могли казаться столь незначительными, что, вѣроятно, едва ли встрѣтили возраженіе со стороны Олега. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что обѣ договаривающіяся стороны, какъ ни блестяще было настоящее для однихъ и какъ ни грустно оно было для другихъ, не могли не имѣть и несомнѣнно имѣли въ виду будущія мирныя торговыя сношенія, выгодныя для обѣихъ сторонъ. Отсюда, предложеніе греками нѣсколькихъ ограничительныхъ условій и принятіе ихъ русскими — вполнѣ понятно и естественно.

Краткость и сравнительная бѣдность содержанія договора 907 г. также неудивительна. Обѣимъ сторонамъ было не до того, чтобы заняться выработкой болѣе подробнаго договора и включеніемъ въ него болѣе обстоятельныхъ и сложныхъ правилъ для разрѣшенія могущихъ возникнуть въ будущемъ недоразумѣній и споровъ. На первыхъ порахъ русскіе могли вполнѣ удовольствоваться полученнымъ выкупомъ, а равно установленіемъ дани и нѣкоторыхъ льготъ для прибывающихъ въ Византію русскихъ вообще и купцовъ въ частности; греки же, въ расчеты которыхъ, конечно, не входило затягивать переговоры и удлинять всю вообще процедуру заключенія договора, считали себя пока достаточно огражденными тѣми условіями, которыя они изъ предосторожности выговорили себѣ (пребываніе русскихъ въ одномъ изъ предмѣстій, входъ въ городъ безъ оружія и въ количествѣ не свыше 50-ти человѣкъ), а также пунктомъ договора слѣд. общаго содержанія: „русскій князь обязуется запретить русскимъ, приходящимъ къ намъ, творить вредъ („пакости") въ селахъ страны нашей." Означенная краткость договора 907 г. станетъ еще болѣе понятной, если допустить (предположеніе весьма вѣроятное), что договоръ этотъ, хотя и былъ, несомнѣнно, окончательно формулированъ, принятъ обѣими сторонами и даже подтвержденъ взаимной присягой, не былъ, однако, облеченъ въ письменную форму, а оставался словеснымъ впредь до болѣе благопріятнаго времени (значеніе письменной формы понятно было, конечно, лишь грекамъ, а потому настаивать на ней могли только они).

Второй договоръ. Опытъ ближайшихъ годовъ показалъ недостаточность заключеннаго договора и убѣдилъ въ необходимости установленія болѣе подробныхъ правилъ. Это и было, вѣроятно, ближайшимъ поводомъ для заключенія новаго (дополнительнаго) договора, состоявшагося четыре года спустя послѣ описаннаго похода, а именно въ 911 году.

Лѣтописный разсказъ о заключеніи второго договора (911 г.) начинается такъ: „Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью"... Далѣе слѣдуетъ вступительная часть названнаго договора, затѣмъ самый текстъ его и, наконецъ, заключеніе, въ которомъ обозначены порядокъ написанія и санкціи договора, а также время этой послѣдней. Составленіе текста договора состоялось, какъ это видно изъ вступительной формулы, послѣ предварительныхъ словесныхъ совѣщаній; санкціонированъ же онъ въ Константинополѣ 2 сентября 911 г., въ царствованіе трехъ императоровъ: Льва, Александра и Константина (подроб. см. ниже).

Договоръ 911 г., не представляющій никакихъ явныхъ слѣдовъ порчи или пропусковъ въ текстѣ (см. стр. 51—52), своимъ содержаніемъ значительно богаче предыдущаго, дополненіемъ котораго онъ служитъ: кромѣ нормъ публичнаго международнаго права, онъ содержитъ въ себѣ также и нормы частнаго международнаго права, а именно постановленія, относящіяся къ уголовному и гражданскому праву.

Третій договоръ былъ заключенъ Игоремъ съ греческими царями Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ въ 945 г., по иниціативѣ этихъ послѣднихъ. Этому договору предшествовали и его вызвали слѣдующія событія, описанныя нашимъ лѣтописцемъ подъ 941 и 944 годами. 34-хъ лѣтній, безпрерывный повидимому, миръ, въ теченіе котораго отношенія между русскими и греками регламентировались обоими договорами, заключенными Олегомъ, прервался новымъ походомъ русскихъ на Византію. Причинъ такого, повидимому, внезапнаго открытія враждебныхъ дѣйствій со стороны русскихъ мы въ лѣтописи не находимъ. Лѣтописное повѣствованіе объ этомъ (подъ 941 г.) начинается ex abrupto: „Иде Игорь на Греки"... Походъ этотъ былъ, однако, неудаченъ: греки были предупреждены болгарами и успѣли, вѣроятно, приготовиться и собраться съ силами; въ результатѣ—флотъ Игоря было сожженъ греческимъ огнемъ, и Игорь принужденъ былъ вернуться домой. Три года Игорь готовился къ новому походу и въ 944 г. снова двинулся противъ грековъ съ „вои многи", въ лодкахъ и на коняхъ, желая отомстить за прошлое свое пораженіе. Корсунцы и болгары извѣстили императора Романа о движеніи русскихъ и смутили его своими тревожными вѣстями. Царь выслалъ къ Игорю посольство, которое встрѣтило князя при устьяхъ Дуная и передало слова императора: „не ходи сѣмо (сюда), но возьми дань, южеималъ Олегъ,

придамъ и еще къ той дани". Послѣ совѣщанія со своею дружиною Игорь согласился взять предложенный греками значительный выкупъ („самъ веземъ у Грекъ злато и паволоки, и на вся воя") и прекратить походъ на Грецію; затѣмъ, поручивъ сопровождавшимъ его печенѣгамъ опустошить Болгарскую землю, Игорь со своимъ войскомъ вернулся въ Кіевъ.

На основаніи этого разсказа можно предположить: во 1-хъ, что съ 941 г., т. е. со времени неудачнаго Игорева похода (а можетъ быть, и раньше). Олеговы договоры были нарушены греками, а во 2-хъ, что греки, испуганные новымъ походомъ 944 г., предложили Игорю возобновить эти договоры, т. е. возстановить ихъ силу. И дѣйствительно, вслѣдъ за приведеннымъ разсказомъ о походѣ Игоря, въ лѣтописи подъ 945 г. говорится слѣд.: „Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви *построити мира первого* (подтвердить прежній миръ, договоръ); Игорь же глагола с ними о мирѣ" .. и т. д. Затѣмъ въ лѣтописи приводится текстъ заключеннаго договора, съ его вступительной и заключительной частями, но безъ datum. Во вступленіи и заключеніи указана вся процедура заключенія трактата 945 г., начиная съ предварительныхъ переговоровъ до ратификаціи его обѣими сторонами включительно. Въ договорѣ этомъ повторены Олеговы договоры 907 и 911 гг. съ нѣкоторыми измѣненіями (отчасти не въ пользу русскихъ), съ опущеніемъ нѣкоторыхъ статей трактата 911 г. и съ добавленіями, вызванными новыми условіями и обстоятельствами.

По нѣкоторымъ соображеніямъ, Эверсъ, а изъ позднѣйшихъ изслѣдователей проф. Самоквасовъ (Ист. рус. пр., с. 186—87) полагаютъ, что договоръ 945 г. игралъ роль дополнительнаго только трактата къ договору 911 г., и что, такимъ образомъ, этотъ послѣдній продолжалъ сохранять свою силу на ряду съ позднѣйшимъ (945 г.). Но этому, не говоря уже о другихъ возраженіяхъ, противорѣчитъ, по справедливому замѣчанію проф. Сокольскаго, то обстоятельство, „что въ Игоревъ договоръ включены нѣкоторыя статьи цѣликомъ изъ Олеговыхъ договоровъ безъ всякаго измѣненія, что не могло бы быть, если бы договоръ Игоря имѣлъ только значеніе трактата дополнительнаго, заключающаго въ себѣ лишь добавочныя статьи къ договору 911 г.; тогда бы внесли въ него только измѣненныя статьи Олеговыхъ договоровъ" (О догов. русскихъ съ греками, стр. 5; см. также пр. Сергѣевича: Лекціи и изсл., 130—131). Такимъ образомъ, всѣ статьи, не вошедшія въ текстъ договора Игоря, нужно считать отмѣненными, или, говоря опредѣленнѣе, слѣдуетъ признать, что договоры 907 и 911 г. во всякомъ случаѣ утратили свою силу съ появленіемъ договора позднѣйшаго, заключеннаго при Игорѣ въ 945 г.

Четвертый договоръ заключенъ былъ въ іюлѣ 971 г. кн. Святославомъ съ греческимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ. Въ промежутокъ съ 945 по 967 г. былъ прочный и ничѣмъ непоколебленный миръ между греками

и русскими; въ этотъ же промежутокъ, а именно въ 957 г., Ольга приняла въ Византіи крещеніе. Но съ 967 г. начинаются авантюры безпокойнаго Святослава. Такъ, въ этомъ году по приглашенію имп. Никифора Святославъ отправился на Дунай усмирять болгаръ и завоевалъ тамъ, по нашей лѣтописи, около 80 городовъ. Когда же имп. Никифоръ былъ убитъ Іоанномъ Цимисхіемъ и этотъ послѣдній былъ провозглашенъ императоромъ византійскимъ, то Святославъ получилъ предложеніе очистить Болгарію. Святославъ, однако, отказался исполнить означенное требованіе; это повело къ войнѣ его съ Цимисхіемъ, которая окончилась пораженіемъ Святослава и заключеніемъ договора 971 г. Договоръ этотъ (полный текстъ его приводитъ наша лѣтопись, византійская же хроника Льва Діакона передаетъ содержаніе договора лишь вкратцѣ) не имѣетъ, впрочемъ, никакого значенія въ смыслѣ источника права: почти все его содержаніе ограничивается обязательствомъ Святослава быть въ вѣчномъ мирѣ съ греками и не посягать на ихъ владѣнія.

Такова исторія возникновенія всѣхъ 4-хъ извѣстныхъ намъ договоровъ русскихъ съ греками, т. е. время и поводъ ихъ составленія. Въ добавленіе къ вышеизложенному слѣдуетъ остановиться еще на вопросѣ о порядкѣ составленія и подтвержденія этихъ договоровъ. Остановиться на данномъ вопросѣ нужно между прочимъ для того, чтобы убѣдиться, что при заключеніи означенныхъ трактатовъ были соблюдены всѣ формальности, необходимыя для полученія договорами законной силы, силы состоявшихся международыхъ актовъ.

2. Порядокъ заключенія договоровъ. Всѣ договоры русскихъ съ греками заключены, съ одной стороны, отъ имени императоровъ византійскихъ, а съ другой, или отъ имени вел. князя русскаго и князей-подручниковъ его (таковы договоры Олеговы), или отъ имени великаго князя, прочихъ князей русскихъ и всѣхъ людей земли русской (таковъ договоръ Игоря), или, наконецъ, отъ имени одного только вел. князя (договоръ Святослава). Представителями же тѣхъ, отъ чьего имени договоры заключались, т. е. лицами, которыя непосредственно вели переговоры о трактатѣ и участвовали въ его составленіи, были: со стороны грековъ греческіе бояре и сановники, а со стороны русскихъ: а) „слы" или „мужи", т. е. послы и в) „гости"— купцы. Въ послѣднемъ случаѣ главную роль, повидимому, играли первые изъ нихъ, т. е. „слы", „мужи". Они раздѣлялись на 1) „словъ" великокняжескихъ, 2) „словъ" отъ князей-подручниковъ и 3) „словъ опчихъ". При заключеніи договора 907 г., Олегъ отправилъ изъ своего лагеря въ Константинополь 5 пословъ: Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида; для заключенія второго договора (въ 911 г.), Олегъ, посылая въ Византію „мужей своихъ построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью", отправилъ въ числѣ таковыхъ 5 вышеназванныхъ мужей, участвовавшихъ

уже въ заключеніи перваго договора, и присоединилъ къ нимъ еще 9-ть (а по друг. спискамъ лѣтописи 10) новыхъ пословъ; наконецъ, при заключеніи договора 945 г., со стороны русскихъ было 26 „словъ" и 26 гостей-купцовъ. Повидимому, большинство изъ этихъ „словъ" или „мужей" были не только представителями лицъ, пославшихъ ихъ, но и лучшими дипломатами между своими соотечественниками, а равно лучшими знатоками своего національнаго обычнаго права. Кромѣ того, тѣ пять пословъ, которые участвовали въ переговорахъ о мирномъ соглашеніи 907 года, были отправлены и для заключенія договора 911 года, очевидно, именно потому, что они лучше другихъ знали содержаніе перваго изъ названныхъ договоровъ.

Обычный порядокъ заключенія договоровъ между греками и русскими (объ особенностяхъ заключенія договора 907 г., состоявшагося подъ стѣнами Царьграда, упоминалось выше) состоялъ, какъ это видно изъ нашей лѣтописи и въ частности изъ текста договоровъ 911 и особенно 945 г., изъ слѣдующихъ трехъ моментовъ: 1) предварительныхъ переговоровъ, которые заканчивались извѣстнымъ соглашеніемъ относительно предмета договора, 2) составленія пунктовъ договора и написанія текста этого послѣдняго, и 3) ратификаціи, т. е. окончательнаго принятія и подтвержденія договора.

Наиболѣе полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ моментовъ находятся въ текстѣ договора 945 г., а равно въ предшествующемъ ему и послѣдующемъ за нимъ разсказѣ лѣтописца. Прежде всего отсюда мы узнаемъ, что инипіатива заключенія означеннаго договора принадлежала византійскимъ императорамъ Роману, Константину и Стефану, которые отправили къ Игорю своихъ пословъ для предварительныхъ съ нимъ переговоровъ. Переговоры эти въ Кіевѣ привели, очевидно, къ извѣстному соглашенію, а потому Игорь, отпуская византійскихъ пословъ, отправилъ съ ними въ Константинополь также и своихъ уполномоченныхъ. Здѣсь, въ Царьградѣ, бояре и сановники императоровъ и русскіе послы установили окончательно пункты соглашенія и изложили ихъ письменно. Договоръ былъ изготовленъ въ двухъ экземплярахъ, т. е. написанъ на двухъ хартіяхъ (*„на двою харатью"*), изъ которыхъ одна, несомнѣнно, была на греческомъ, другая же на древне-русскомъ языкѣ. Послѣ изготовленія означенныхъ экземпляровъ договора, одинъ изъ нихъ, предназначонный для русскихъ, былъ скрѣпленъ печатью и подписями императоровъ, а другой, предназначавшійся для грековъ, снабженъ подписями (или замѣняющими ихъ значками) русскихъ пословъ (*„на ней же*—т. е. на одной хартіи—*есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши"*). Кромѣ того, договоръ былъ подтвержденъ еще присягой византійскихъ императоровъ, что видно изъ дальнѣйшаго (послѣ текста договора)

лѣтописнаго разсказа, гдѣ въ уста греческихъ пословъ влагаются слѣд. обращенныя къ Игорю слова: „твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ“. Присяга императоровъ и была послѣднимъ актомъ ратификаціи договора 945 г. со стороны грековъ. Ратификація же со стороны русскихъ совершилась такимъ образомъ. Тотчасъ послѣ подтвержденія договора императорами были снаряжены ими и отправлены въ Кіевъ византійскіе послы, которымъ поручено было вручить Игорю подписанный греческими императорами экземпляръ договора и присутствовать при ратификаціи договора Игоремъ и его „мужами“. Эта послѣдняя состояла въ томъ, что послѣ оффиціальнаго пріема греческихъ пословъ Игорь и его „мужи“ или „люди“ отправились на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, и тамъ, въ присутствіи пословъ Византіи и по формулѣ присяги, изложенной въ концѣ договора, дали клятву соблюдать этотъ послѣдній; тѣ же изъ русскихъ, которые были уже христіанами, принесли присягу въ церкви св. Иліи. Послѣ этого Игорь, одаривъ византійскихъ пословъ, отпустилъ ихъ.

Бѣднѣе наши свѣдѣнія о порядкѣ заключенія договора 911 г. Изъ тѣхъ сравнительно немногихъ данныхъ, которыми мы располагаемъ по этому вопросу, видно, однако, что процедура заключенія договора 911 г. была нѣсколько проще той, какой держались при составленіи и утвержденіи договора 945 г., хотя въ то же время выполнены были всѣ существенныя формальности и обрядности. Объясняется это тѣмъ, что вся процедура заключенія договора 911 г., отъ предварительныхъ переговоровъ до ратификаціи включительно, происходила, какъ это видно изъ самаго текста договора и краткаго лѣтописнаго разсказа, въ одномъ мѣстѣ, а именно въ Константинополѣ. Дѣло было такъ. Для заключенія договора Олегъ отправилъ своихъ пословъ въ Византію; послѣ предварительныхъ переговоровъ, происходившихъ между греческими сановниками и русскими послами, былъ написанъ договоръ въ двухъ экземплярахъ *(„на двою харатью“)*, на греческомъ и древне-русскомъ языкѣ; изъ этихъ экземпляровъ одинъ предназначался для грековъ, а другой долженъ былъ быть врученъ русскимъ посламъ. Самая ратификація договора состояла въ томъ, что императоры, съ одной стороны, и русскіе послы, какъ уполномоченные Олега и его князей-подручниковъ, съ другой, поклялись исполнять заключенный договоръ и не нарушать „уставленныхъ главъ (т. е. статей) мира и любве (т. е. договора)“. Вотъ все, что мы узнаемъ о порядкѣ заключенія договора 911 г. изъ самаго текста этого послѣдняго. За текстомъ договора лѣтописецъ сообщаетъ о почетѣ, оказанномъ русскимъ посламъ въ Царьградѣ (о дарахъ, полученныхъ русскими послами отъ имп. Льва, и пр.), и это сообщеніе является въ лѣтописи такимъ же финальнымъ словомъ о договорѣ 911 г., какимъ по отношенію къ договору 945 г. служитъ разсказъ лѣто-

писца о почетѣ, оказанномъ Игоремъ византійскимъ посламъ въ Кіевѣ послѣ ратификаціи имъ договора 945 г. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что актъ ратификаціи договора 911 г. послѣ конфирмаціи его греческими императорами и русскими уполномоченными считался обѣими сторонами (а позже и лѣтописцемъ) вполнѣ законченнымъ, а самый договоръ признавался пріобрѣвшимъ полную, законную силу,—такую же силу, какую, 34 года спустя, получилъ договоръ 945 г. лишь послѣ ратификаціи его Игоремъ.

3. Вопросъ о подлинности договоровъ. Текстъ договоровъ Олега, Игоря и Святослава съ греками сохранился во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ нашей первоначальной лѣтописи, древнѣйшими изъ которыхъ являются списки *Лаврентьевскій* (конца XIV в.) и *Ипатьевскій* (конца XIV или начала XV в.). Византійскія же лѣтописи не сохранили не только текста упомянутыхъ договоровъ, но даже опредѣленныхъ и ясныхъ указаній на нихъ (за исключеніемъ, впрочемъ, договора 971 г.); съ другой стороны, эти лѣтописи упоминаютъ о договорѣ, который совершенно неизвѣстенъ нашей лѣтописи, а именно о договорѣ Святослава съ имп. Никифоромъ (о военной помощи перваго послѣднему). Такимъ образомъ, списки первоначальной русской лѣтописи являются единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о договорахъ Олега 907 и 911 гг. и Игоря 945 г. Обстоятельство это, въ соединеніи съ нѣкоторыми друг. соображеніями, породило первую мысль о неподлинности или подложности названныхъ договоровъ.

Первый, кто усомнился въ подлинности этихъ договоровъ и обрушился на нихъ съ придирчивой критикой, это—знаменитый Августъ *Шлецеръ* († 1809 г.), посвятившій свои труды критической обработкѣ и истолкованію первоначальной нашей лѣтописи [1]). Результатомъ Шлецерова разбора договоровъ было полное отрицательное къ нимъ отношеніе со стороны этого ученаго: онъ объявилъ ихъ измышленіемъ лѣтописца и притомъ измышленіемъ довольно поздняго происхожденія. Мнѣніе свое Шлецеръ основывалъ на различныхъ соображеніяхъ и фактахъ. Главнѣйшія изъ его основаній были слѣдующія: 1) молчаніе византійскихъ лѣтописей о договорахъ съ Олегомъ и Игоремъ, и 2) хронологическія несообразности въ этихъ договорахъ (между проч. несоотвѣтствіе показаній русской лѣтописи о совмѣстномъ, во время заключенія договора 911 г., правленіи импер. Льва, Александра и Константина съ показаніями греч. хроникеровъ о времени царствованія тѣхъ же императоровъ).

Труды многихъ другихъ ученыхъ доказали, однако, всю неосновательность доводовъ Шлецера противъ подлинности договоровъ. Такъ, противъ перваго изъ доводовъ Шлецера возражаютъ тѣмъ, во 1-хъ, что пропуски

---

[1]) Позже къ мнѣнію Шлецера о подложности договоровъ русскихъ съ греками присоединился и проф. Каченовскій.

и перерывы въ византійскихъ хроникахъ IX и X вв.—фактъ доказанный и небезызвѣстный даже самому Шлецеру, а, во 2-хъ, тѣмъ, что хотя изъ греческихъ лѣтописей 2-ой половины X-го вѣка сохранилась лишь хроника Льва Діакона, въ ней, однако, неоднократно упоминается о договорахъ съ греками предковъ Святослава, а таковыми, очевидно, только и могли быть договоры Олега и Игоря. Второе основаніе Шлецера, а именно, что имп. Александръ никогда не царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ, что Левъ умеръ раньше времени составленія 2-го Олегова договора (договоръ заключенъ, по мнѣнію Шлецера, въ сентябрѣ 912 г.), что Константинъ вступилъ на престолъ послѣ своего дяди Александра, а также и всѣ другія указанія Шлецера на хронологическія якобы несообразности въ договорахъ,—все это блистательно ниспровергнуто академикомъ Кругомъ, который обнаружилъ, что хронологическія соображенія Шлецера явились результатомъ его полнаго незнакомства съ византійской хронологіей и въ частности доказалъ: во 1), что договоръ заключенъ въ сентябрѣ 911 г., а императоръ Левъ умеръ лишь въ маѣ 912 года и, во 2), что Левъ, Александръ и Константинъ правили вмѣстѣ въ 911 г., такъ какъ послѣдній изъ нихъ былъ коронованъ еще ребенкомъ.—Въ равной мѣрѣ всѣ прочіе доводы Шлецера противъ подлинности договоровъ (темнота отдѣльныхъ мѣстъ договоровъ, странности языка и несоотвѣтствіе содержанія договоровъ духу времени) опровергнуты возраженіями и разъясненіями, представленными Кругомъ, Погодинымъ, Лавровскимъ и др.

Такимъ образомъ, за опроверженіемъ всѣхъ доводовъ Шлецера, подлинность договоровъ русскихъ съ греками не должна нынѣ вызывать сомнѣній и не нуждается въ новыхъ доказательствахъ, тѣмъ болѣе, что никакіе обычные при поддѣлкахъ историческихъ актовъ и другихъ древнихъ документовъ мотивы (практическіе или патріотическіе) не могли имѣть мѣста въ отношеніи къ договорамъ русскихъ съ греками.

4. Языкъ, форма, система и содержаніе договоровъ. Мы уже знаемъ, что договоры 911 и 945 гг. писались на двухъ хартіяхъ, т. е. составлялись въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ былъ на греческомъ, а другой, являющійся оффиціальной переводной копіей перваго, на древне-русскомъ языкѣ. Дошедшіе и сохранившіеся въ нашей лѣтописи договоры представляютъ собою, какъ то доказано уже Н. А. Лавровскимъ и на что имѣются указанія въ самомъ текстѣ этихъ договоровъ (въ словахъ: „равно другого свѣщанія“, которыя, по мнѣнію проф. Лавровскаго, являются буквальнымъ переводомъ греческихъ—τὸ ἴσον (копія) τοῦ συμβολαίου), воспроизведеніе оффиціальныхъ переводовъ съ греческихъ подлинниковъ. Можно, однако, думать, что переводы эти, или переводныя копіи съ греческихъ оригиналовъ (оба текста, и греческій и древне-русскій, составлялись въ Константинополѣ и, очевидно, подъ главнымъ руководствомъ

греческихъ дипломатовъ), дѣлались довольно неискусно; по крайней мѣрѣ, этимъ только и можно объяснить неправильное согласованіе словъ и другія подобныя погрѣшности, замѣчаемыя въ текстѣ договоровъ, сохранившихся въ нашей лѣтописи. Отсюда также—темнота или неясность нѣкоторыхъ мѣстъ обозрѣваемыхъ памятниковъ, которыя отчасти уясняются при обратномъ переводѣ ихъ на языкъ греческій, т. е. при попыткѣ возстановить текстъ греческихъ подлинниковъ, что довольно удачно и дѣлалъ проф. Лавровскій.

Внѣшняя форма разсматриваемыхъ договоровъ однообразна и, какъ то неоднократно указывалось различ. изслѣдователями, вполнѣ напоминаетъ форму прочихъ международныхъ трактатовъ, заключенныхъ греками съ другими народами (персами, болгарами, венеціанцами) приблизительно въ ту же эпоху (въ VII–XII вв.). Это вполнѣ понятно. Русскіе, конечно, не могли къ тому времени (къ X в.) выработать своихъ собственныхъ дипломатическихъ формъ и пріемовъ, а, потому, естественно, должны были принять тѣ, какіе уже вполнѣ и издавна установились въ дипломатической практикѣ Византіи, и вообще принуждены были играть несамостоятельную, пассивную роль въ дѣлѣ внѣшней формулировки текста договоровъ, предоставивъ таковую византійскимъ дипломатамъ.—Каждый изъ обозрѣваемыхъ памятниковъ (мы говоримъ именно о договорахъ 911 и 945 гг.) состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ основныхъ частей: 1) вступленія, гдѣ перечисляются послы, принимавшіе участвіе въ переговорахъ и въ составленіи договора, и выражается клятвенное увѣреніе въ соблюденіи этого послѣдняго, 2) договорныхъ пунктовъ, содержащихъ постановленія по различнымъ вопросамъ, и 3) заключенія, гдѣ, какъ и въ введеніи, выражается увѣреніе въ вѣчности мира, а затѣмъ обозначается порядокъ написанія и ратификаціи договора. Сохранившіеся въ нашей лѣтописи тексты договоровъ не раздѣлены на главы или статьи, между тѣмъ подлинники этихъ договоровъ несомнѣнно были расчленены на главы или перенумерованныя статьи. На это есть прямое указаніе во вступленіи къ договору 911 г., гдѣ опредѣленно сказано, что договоръ состоитъ изъ главъ: „*Суть*, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, *главы таковыя*: *По первому слову* да умиримся съ вами, Греки“... Кромѣ того, ясные слѣды дѣленія этого договора на главы или статьи находятся въ первой же, непосредственно слѣдующей за вступленіемъ, статьѣ договора („А о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице“... или по другому варіанту: „А *во главахъ* урядили сице: аще ключится проказа“...), а равно и въ самомъ концѣ его (ст. 15), гдѣ договаривающіяся стороны клянутся „не перестyпати... отъ *уставленныхъ главъ* мира и любве“. Руководствуясь этими указаніями, а также смысломъ отдѣльныхъ постановленій, ученые издатели договоровъ 911 и 945 гг. раздѣляютъ ихъ на перенумерованныя статьи съ цѣлью облегчить пользованіе означенными

памятниками. Въ такомъ видѣ, т. е. съ раздѣленіемъ ихъ на соотвѣтствующія статьи (а также съ объяснительными примѣчаніями), договоры 911 и 945 гг. напечатаны проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ 1-мъ вып. его „Христоматіи по исторіи русскаго права".

Со стороны *системы* договоръ Олега 911 г. [1]) представляетъ собою нѣчто болѣе или менѣе стройное. Такъ, въ немъ вслѣдъ за обычнымъ вступленіемъ идутъ статьи договора, касающіяся такъ называемаго частнаго международнаго права, а именно постановленія по процессуальному, уголовному и гражданскому праву; затѣмъ слѣдуютъ статьи, опредѣляющія публичныя международныя отношенія грековъ и русскихъ (о помощи при кораблекрушеніи, о выкупѣ плѣнныхъ и проч.), и, наконецъ, все это завершается заключительной частью договора, гдѣ обозначенъ порядокъ и время его санкціи. Совсѣмъ не то приходится сказать о договорѣ Игоря (945 г.): въ противоположность предыдущему, этотъ послѣдній страдаетъ отсутствіемъ сколько бы то ни было правильной системы [2]). Такъ, въ этомъ договорѣ вслѣдъ за постановленіями публичнаго международнаго права (о мирѣ, о пріѣздѣ и пребываніи русскихъ въ Царьградѣ и пр.) идутъ статьи, относящіяся къ уголовному праву (о грабежѣ и кражѣ), которыя въ свою очередь смѣняются группой международныхъ постановленій (о выкупѣ плѣнныхъ, о Корсунской странѣ и пр.), а послѣднія вновь прерываются статьями о судопроизводствѣ, объ убійствѣ, побояхъ и ранахъ.

Оба разсматриваемые договора (911 и 945 гг.) не только во вниманіе къ ихъ древности, но и вообще слѣдуетъ признать весьма богатыми по своему *содержанію:* они заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ свѣдѣній по международному, государственному, уголовному, гражданскому и процессуальному праву [3]). Что касается въ отдѣльности тѣхъ нормъ, которыя

---

[1]) Подъ системой разумѣется болѣе или менѣе правильное, въ извѣстной логической послѣдовательности, распредѣленіе въ памятникѣ отдѣльныхъ постановленій.

[2]) Для сравненія обоихъ договоровъ со стороны системы прекраснымъ пособіемъ можетъ служить сравнительная таблица статей договоровъ Олега и Игоря, помѣщенная въ Христоматіи проф. В.-Буданова.

[3]) Замѣтимъ здѣсь, что содержаніе договоровъ, а равно и всѣхъ прочихъ памятниковъ, обозрѣваемыхъ въ настоящихъ очеркахъ по внѣшней исторіи права, излагается, согласно съ сказаннымъ выше (см. стр. 10), по возможности кратко (и между проч. болѣе кратко, чѣмъ то дѣлается на изустныхъ лекціяхъ, когда изложеніе содержанія памятниковъ иллюстрируется чтеніемъ и разборомъ ихъ), а именно въ томъ лишь объемѣ, въ какомъ это необходимо для общей характеристики каждаго изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и выясненія его значенія въ ряду другихъ. Болѣе подробное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ сознательное знакомство съ постановленіями памятниковъ права достигается слушателями главнымъ образомъ путемъ участія ихъ въ практическихъ занятіяхъ по исторіи русскаго права и вообще самостоятельнымъ и непосредственнымъ изученіемъ важнѣйшихъ памятниковъ права. Безъ этого послѣдняго самое подробное какъ на устныхъ

установлены договорами по различнымъ сторонамъ права, то среди этихъ нормъ слѣдуетъ различать постановленія, относящіяся къ публичному международному праву, отъ нормъ частнаго международнаго права. Къ первой категоріи относятся постановленія: о мирѣ между обоими народами, о военной помощи, о выкупѣ плѣнныхъ, о помощи при кораблекрушеніяхъ, о порядкѣ торговли, о выдачѣ преступниковъ и т. п. Ко второй же и наиболѣе важной для исторіи права категоріи постановленій принадлежатъ всѣ статьи договоровъ, относящіяся къ уголовному, гражданскому и процессуальному праву.

Обращаясь въ частности къ договору Олега 911 г., мы находимъ, что изъ 12 статей, на которыя его можно раздѣлить (не считая 2-хъ вступительныхъ и 1-й заключительной), пять статей, или третья часть всего договора, относится къ праву уголовному. Въ этихъ пяти статьяхъ (4—7 и 12 ст.) заключаются постановленія о всѣхъ важнѣйшихъ преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ: объ убійствѣ (ст. 4), о ранахъ и побояхъ (ст. 5), о татьбѣ или кражѣ (ст. 6 и отчасти ст. 12, гдѣ говорится о частномъ видѣ кражи—похищеніи и укрывательствѣ бѣглаго раба) и, наконецъ, о грабежѣ и разбоѣ (ст. 7).—Гораздо беднѣе разсматриваемый договоръ нормами процессуальнаго и гражданскаго права; тому и другому посвящено лишь по одной статьѣ, а именно: процессуальному праву статья 3-я, о судебныхъ доказательствахъ, и гражданскому—статья 13-я, о наслѣдствѣ (собственно о порядкѣ храненія и передачи наслѣдникамъ имущества русскихъ, умершихъ въ Греціи).

Къ публичному международному праву въ этомъ договорѣ относятся слѣд. пять статей: ст. 8-я, трактующая объ отмѣнѣ такъ называемаго берегового права, т. е. о воспрещеніи всякаго посягательства противъ личности или имущества потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, а равно о помощи этимъ послѣднимъ; ст. 9—11 — о выкупѣ плѣнныхъ и о военной службѣ русскихъ у грековъ, и ст. 14—о выдачѣ бѣжавшихъ преступниковъ. Такимъ образомъ среди этой послѣдней группы постановленій мы совершенно не находимъ тѣхъ постановленій, которыя составляли сущность договора 907 г. и которыя, въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, вошли въ договоръ послѣдующій, заключенный Игоремъ въ 945 г., а именно: о дани грековъ русскимъ, о нѣкоторыхъ льготахъ, предоставленныхъ первыми послѣднимъ, о порядкѣ пріѣзда и пребыванія русскихъ въ Царьградѣ и о торговлѣ ихъ тамъ.

Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ нашимъ ученымъ (Н. А. Лавровскому и проф. Сергѣевичу) утверждать, что договоръ 911 г. дошелъ

лекціяхъ, такъ и въ печатныхъ курсахъ изложеніе содержанія памятниковъ останется, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ, безпочвеннымъ и вообще не достигающимъ своей цѣли.

4

до насъ не въ полномъ видѣ, а съ пропускомъ нѣсколькихъ статей (по винѣ, какъ думаетъ проф. Лавровскій, переписчика лѣтописи, желавшаго сократить свой трудъ посредствомъ опущенія того, о чемъ говорилось уже въ договорѣ 907 г.) и вообще съ отступленіями отъ оригинала. Особенно на этомъ (точнѣе, на слѣдахъ порчи въ договорѣ 911 г., а также и въ договорѣ 945 г.) настаиваетъ В. И. Сергѣевичъ (Лекціи и изслѣд., 104—109). Но противъ такого предположенія совершенно основательно возражаютъ (В. В. Сокольскій, М. Ф. В.-Будановъ и проф. Самоквасовъ), что указанный пробѣлъ (отсутствіе вышеназванныхъ статей въ договорѣ 911 г.) объясняется тѣмъ, что на ряду съ договоромъ 911 г. оставался во всей своей силѣ и договоръ 907 г., гдѣ указанныя статьи и имѣли свое мѣсто. Послѣднее соображеніе подтверждается еще тѣмъ, что названныя статьи находятся въ договорѣ 945 г., который, какъ было уже сказано раньше, отмѣнилъ своимъ появленіемъ оба предыдущіе договора, а слѣдовательно и всѣ тѣ постановленія, которыя не попали въ его текстъ; до тѣхъ же поръ, пока этого не случилось, не было никакой надобности въ договорѣ 911 г. повторять статьи договора 907 г.

Что касается содержанія договора 945 г., состоящаго изъ 16 статей (включая сюда вступленіе и заключеніе), то число постановленій этого договора по частному международному праву осталось, по сравненію съ договоромъ 911 г., почти безъ всякаго измѣненія, исключая, впрочемъ, статьи о наслѣдствѣ, которой въ договорѣ Игоря уже нѣтъ. Измѣненія коснулись главнымъ образомъ внутренняго содержанія соотвѣтствующихъ статей по предмету уголовнаго и процессуальнаго права, а также ихъ редакціи: однѣ изъ этихъ статей имѣютъ совершенно новое содержаніе (сравн. ст. 12 догов. Игоря со ст. 3 догов. Олега), другія же — прежнее (ср., напр., ст. 14 догов. Игоря со ст. 5 догов. Олега), но изложенное болѣе полно (ст. 12 догов. Олега дала матеріалъ для двухъ статей догов. Игоря: 3 и 4-ой) или, наоборотъ, болѣе кратко (ср. 6-ю ст. обоихъ договоровъ), а иногда и съ существенными дополненіями и видоизмѣненіями (напр., ср. ст. 13 догов. Игоря съ 4 ст. Олега), при томъ съ измѣненіями не всегда въ пользу русскихъ и ихъ обычнаго права. За то договоръ 945 г. безусловно богаче договора 911 г. постановленіями по части собственно международнаго права. Такъ, кромѣ статей, которыя содержатся и въ договорѣ 911 г., а именно: 1) о помощи при кораблекрушеніи, 2) о выкупѣ плѣнныхъ и 3) о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ, въ договорѣ Игоря находимъ еще: во 1-хъ, статьи изъ договора 907 г. (съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями) о пріѣздѣ русскихъ въ Царьградъ, о пребываніи и торговлѣ ихъ тамъ (ст. 2); а во 2-хъ, слѣдующія совершенно новыя международныя постановленія: а) объ отказѣ русскихъ отъ притязаній на Корсунскую страну (ст. 8), в) объ обязательствѣ русскихъ не причинять вреда корсунянамъ при ловлѣ ими

рыбы въ устьяхъ Днѣпра и не оставаться тамъ на зимовлю (ст. 10), c) объ обязанности русскихъ защищать Корсунскую страну отъ Черныхъ болгаръ (ст. 11) и d) общее постановленіе о военной помощи грекамъ со стороны русскихъ (ст. 15).

Таково вкратцѣ содержаніе обоихъ договоровъ.

5. Значеніе договоровъ съ греками (вопросъ о пространствѣ дѣйствія договоровъ и національности правовыхъ нормъ, содержащихся въ нихъ). По связи съ вопросомъ о содержаніи разсматриваемыхъ памятниковъ возникаютъ и требуютъ разрѣшенія для общей оцѣнки значенія этихъ послѣднихъ два слѣдующіе вопроса: во 1-хъ, гдѣ должно было дѣйствовать частное международное право договоровъ, т. е. ихъ постановленія по уголовному, гражданскому и процессуальному праву,—въ Греціи ли только, или одинаково и въ Греціи и на Руси? а во 2-хъ, какое право содержится въ этихъ договорахъ,—русское ли, греческое ли, или, наконецъ, какое-либо другое, болѣе или менѣе чуждое праву русскому?

Что касается перваго вопроса, или вопроса о пространствѣ дѣйствія договоровъ, то всѣ изслѣдователи, начиная съ Эверса, обыкновенно полагаютъ, что всѣ или большая часть постановленій договоровъ по предмету уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго права должны были дѣйствовать въ обѣихъ странахъ: и въ Греціи и на Руси. Совершенно иного мнѣнія держится проф. Сергѣевичъ: онъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ доказываетъ, что „статьи частнаго международнаго права предназначались для дѣйствія только въ предѣлахъ греческой территоріи и при томъ въ столкновеніяхъ русскихъ съ греками...“ (Лекц. и изслѣд., 110—113).

По вопросу же о національности или народности нормъ права, содержащихся въ договорахъ русскихъ съ греками, и прежде и въ наше время существовали и существуютъ различныя мнѣнія.

Въ прежнее время вопросъ о народности права договоровъ рѣшался въ связи съ вопросомъ о народности и происхожденіи варяго-руссовъ, призванныхъ ильменскими славянами. Доказывая, что варяги были скандинавскаго или германскаго происхожденія, такъ назыв. нѣмецкая школа русскихъ историковъ (Байеръ, Шлецеръ, Кругъ, Эверсъ и Погодинъ) утверждала, что договоры содержатъ въ себѣ скандинавское или германское право, а не славянское. Такое мнѣніе было господствующимъ до 60-хъ годовъ, когда самое значеніе вопроса о происхожденіи и вліяніи варяговъ совершенно упало по тому простому соображенію, что „горсть варяговъ, выражаясь словами извѣстнаго историка Соловьева, поселившаяся среди славянъ, легко слилась съ большинствомъ“, т. е. съ славянами, и не могла потому оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на обычаи и право этихъ послѣднихъ.

Въ наше время въ другую крайность, совершенно противоположную вышеприведенной, впалъ проф. Самоквасовъ, объявившій содержаніе договоровъ чисто русскимъ или, какъ онъ выражается, славяно-русскимъ (Исторія русск. пр., 225—226). Это мнѣніе, какъ равно и всякая другая попытка видѣть въ договорахъ право одного какого-либо народа и притомъ въ чистомъ его видѣ совершенно неосновательны. Противъ подобнаго рода мнѣній говоритъ то простое, но неотразимое соображеніе, что при столкновеніи двухъ націй, при необходимости согласовать ихъ право неизбѣжно является компромиссъ, соглашеніе права съ двухъ сторонъ, сліяніе двухъ правъ въ одно нѣчто среднее. Конечно, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе культурное различіе, существующее между двумя данными народами, тѣмъ больше различій въ ихъ правѣ, а слѣдовательно тѣмъ труднѣе установить компромиссъ, добиться соглашенія. Но обоюдная потребность, обоюдная выгода заставляютъ прійти къ этому соглашенію.

Результатомъ такого соглашенія права двухъ народовъ и являются договоры русскихъ съ греками. Такого мнѣнія держатся позднѣйшіе изслѣдователи этихъ договоровъ: проф. Сокольскій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и В. И. Сергѣевичъ. Всѣ они согласны въ томъ, что договоры устанавливаютъ право, новое для обоихъ народовъ, нѣчто среднее между правомъ того и другого народа. Все различіе въ ихъ взглядахъ заключается лишь въ рѣшеніи вопроса о томъ, чье право—греческое или русское—оставило въ договорахъ больше слѣдовъ, больше своихъ національныхъ началъ. Проф. Сергѣевичъ склоняется больше въ пользу греческаго права и, сообразно съ этимъ, полагаетъ, что договоры содержатъ въ себѣ „новое право, проникнутое греческими понятіями"; проф. же В.-Будановъ, наоборотъ, утверждаетъ, что „въ договорахъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права, чѣмъ византійскаго". Но еще въ 1870 г. проф. Сокольскій совершенно основательно замѣтилъ, что если греки сильно повліяли на воззрѣнія нашихъ предковъ относительно международнаго права и научили ихъ проникнуться сознаніемъ извѣстныхъ международныхъ обязанностей, то „на гражданское и уголовное право, равно какъ и на судопроизводство они (греки) не могли имѣть такого всеобъемлющаго вліянія, потому что необразованный человѣкъ неохотно отказывается отъ своихъ воззрѣній на эти части права,—воззрѣній, такъ тѣсно съ нимъ сроднившихся". Да и самъ проф. Сергѣевичъ согласенъ съ тѣмъ, что „если извѣстный русскій обычай могъ быть терпимъ въ Греціи, его надо было оставить; полезно было даже прямо сослаться на „русскій законъ", какъ это договоры не разъ и дѣлаютъ, чтобы сѣверные варвары видѣли, что въ договорахъ содержится ихъ право" (Лекціи и изслѣд., 114).

Итакъ, по вопросу о правѣ договоровъ слѣдуетъ прійти къ слѣдующему окончательному выводу: право это составлено по соглашенію, а по-

тому оно не есть ни право греческое, ни право русское въ чистомъ ихъ видѣ, а нѣчто среднее, такъ сказать, право ассимилированное; тѣмъ не менѣе, по указаннымъ выше соображеніямъ, въ немъ содержится больше чертъ русскаго, нежели греческаго права.

II. Договоры Русскихъ съ Нѣмцами.

1. Общія замѣчанія о количествѣ, времени и причинахъ составленія договоровъ русскихъ съ нѣмцами. Подъ общимъ именемъ договоровъ русскихъ съ нѣмцами разумѣются договоры, заключенные различными русскими городами, землями и государствами (В.-Новгородомъ, Псковомъ, Смоленской, Витебской, Полоцкой и Галицкой землями, Литовско-Русскимъ и Московскимъ великими княжествами) съ различными нѣмецкими городами, вошедшими въ составъ Ганзейскаго торговаго союза, о. Готландомъ, Ливоніей (т. е., въ частности, съ г. Ригою и Нѣмецкимъ орденомъ) и Швеціей. Такихъ договоровъ, заключенныхъ въ періодъ съ конца XII до начала XVII в., дошло до насъ свыше 200. Но не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе въ смыслѣ источниковъ національнаго права: многіе изъ нихъ (а именно всѣ позднѣйшіе) такого значенія не имѣютъ, такъ какъ являются исключительно лишь актами дипломатическихъ сношеній. Кромѣ того, по времени своего составленія громадное большинство этихъ договоровъ относится къ XV и XVI вв., т. е. далеко выходитъ за предѣлы перваго періода исторіи, и лишь сравнительно небольшое число ихъ (около 25-ти) принадлежитъ XII—XIV вв., при чемъ къ XII и XIII вв., въ частности, относится не болѣе 10-ти договоровъ.

Древнѣйшими изъ дошедшихъ до насъ договоровъ съ нѣмцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе важными въ указанномъ выше смыслѣ являются договоры, заключенные въ XII и XIII вв. различными западно-русскими землями, а именно: Новгородской (въ 1195, 1263 и 1270 гг.), Смоленской (въ 1229—30, 1240 гг. и др.) и Полоцкой (въ 1264, 1265 гг., и др.).

Общей причиной, вызывавшей необходимость какъ для русскихъ, такъ еще въ большей степени для нѣмцевъ опредѣлять уже съ XII в. свои взаимныя отношенія путемъ договоровъ, были, несомнѣнно, тѣ оживленныя торговыя сношенія, которыя издавна установились между обоими народами. Географическое положеніе Россіи, какъ страны, лежащей между Западной Европой и Азіей, которыя издавна вели между собою торговлю, послужило причиной того, что нѣкоторые пункты ближайшихъ къ Балтійскому морю и Германіи русскихъ областей сдѣлались складочнымъ мѣстомъ товаровъ дальняго Востока и Запада, а самое населеніе этихъ пунктовъ привлечено къ участію въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей. Главными посредни-

ками въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ уже съ XII в. были жители шведскаго о. Готланда и въ частности г. Висби, а также жители различныхъ торговыхъ нѣмецкихъ городовъ: Любека, Бремена, Мюнстера и нѣкот. др. Всѣ эти города въ XIII в. объединились въ одинъ торговый союзъ съ г. Висби во главѣ, который оставался центромъ балтійской торговли до второй половины XIV в. (до 1361 г., когда онъ былъ завоеванъ датчанами). Кромѣ того, со времени основанія епископомъ Альбертомъ г. Риги (въ 1201 г.) и учрежденія вслѣдъ затѣмъ (въ 1202г.) ордена Меченосцевъ (слившагося вскорѣ съ Нѣмецкимъ или Тевтонскимъ орденомъ) нынѣшнія Лифляндія и Курляндія, привлекавшія и раньше нѣмецкихъ купцовъ, подверглись широкой и быстрой нѣмецкой колонизаціи; вскорѣ жители Риги, подобно жителямъ древняго Гданска или Данцига, уже вели оживленныя торговыя сношенія съ Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ, откуда они вывозили воскъ, различныя издѣлія изъ дерева и проч. сырые продукты. Нѣмецкіе купцы не только посѣщали Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ и др. русскіе города по своимъ торговымъ дѣламъ, но даже, въ интересахъ торговли, селились тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время, сооружали въ этихъ городахъ свои торговые дворы, свои храмы и т. д. Въ свою очередь, русскіе ѣздили въ Ригу, Данцигъ, Кенигсбергъ и другіе нѣмецкіе города и нерѣдко оставались тамъ по торговымъ дѣламъ довольно долго. Такое положеніе вещей создавало необходимость опредѣлить взаимныя отношенія, т. е. какъ положеніе нѣмцевъ въ русскихъ земляхъ, такъ въ равной мѣрѣ и положеніе русскихъ въ нѣмецкихъ. Въ этихъ видахъ, а равно съ цѣлью предоставить другъ другу различныя торговыя льготы для развитія и укрѣпленія торговыхъ сношеній и заключались тѣ договоры, о которыхъ идетъ рѣчь.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ непосредственному обозрѣнію древнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшихъ договоровъ съ нѣмцами, каковыми являются договоры, заключенные Новгородомъ въ 1195, 1263 и 1270 гг. и Смоленскомъ (совмѣстно съ Полоцкомъ и Витебскомъ) въ 1229—30 г.

2. Договоры Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1195, 1263 и 1270 гг. а) *Исторія этихъ договоровъ*. Полагаютъ, что торговыя сношенія Новгорода съ нѣмцами начались съ XI в., со временъ Ярослава Мудраго. Если это такъ, то есть основаніе предполагать, что уже въ XI в. или въ нач. XII в. явилась и была осуществлена мысль о необходимости заключить торговый договоръ. Древнѣйшій, однако, изъ дошедшихъ до насъ договоровъ Новгорода съ нѣмцами относится лишь къ концу XII в. Впрочемъ, въ самомъ началѣ этого акта говорится, что онъ есть только подтвержденіе „стараго мира“, т. е. стараго договора. Отсюда слѣдуетъ, что древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ договоровъ не есть первый и самый ранній изъ трактатовъ Новгорода съ нѣмцами, что ему

предшествовали одинъ или нѣсколько договоровъ, до насъ не дошедшихъ.— Названный договоръ конца XII в. найденъ въ исходѣ первой половины текущаго столѣтія Напьерскимъ въ рижскомъ городскомъ архивѣ среди многихъ другихъ древнихъ документовъ. Къ сожалѣнію, памятникъ этотъ дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ оффиціальной копіи, а именно въ видѣ приписки къ позднѣйшему подлинному договору временъ Александра Невскаго (ок. 1263 г.), при чемъ оба документа писаны на древне-русскомъ языкѣ [1]). Повидимому, означенная копія древнѣйшаго изъ сохранившихся договоровъ передаетъ не весь памятникъ, а только существеннѣйшую его часть, а именно предполагаютъ, что въ копію не попала заключительная статья, а быть можетъ, и нѣсколько др. предшествующихъ ей статей, имѣвшихся въ подлинномъ договорѣ. Изъ текста обозрѣваемой договорной грамоты видно, что она составлена при новгородскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, при посадникѣ Мирошкѣ и тысяцкомъ Яковѣ. Благодаря этимъ даннымъ, явилась возможность опредѣлить довольно близко годъ составленія договора, который въ самомъ текстѣ его не обозначенъ. На основаніи того, что въ Новгородѣ, какъ это видно изъ лѣтописи, названныя лица были одновременно лишь между 1189 и 1199 гг., редакторъ-издатель собранныхъ Напьерскимъ актовъ акад. Куникъ полагаетъ, что къ этому періоду и слѣдуетъ отнести время составленія договора. Въ дополненіе къ этому Срезневскій доказалъ, что въ промежутокъ съ 1195 по 1197 г. посадникъ Мирошко не находился въ Новгородѣ. Такимъ образомъ время заключенія разсматриваемаго договора должно быть отнесено къ одному изъ годовъ въ періодъ 1189—95 или 1198—99 гг. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи находятъ возможнымъ указывать вполнѣ опредѣленно годъ составленія этого договора. Такъ, Бѣляевъ относитъ его къ 1188 г., а Соловьевъ и Костомаровъ—къ 1195 г., что гораздо правдоподобнѣе. Для краткости и мы будемъ именовать обозрѣваемый договоръ договоромъ 1195 г.

Договоръ этотъ впервые напечатанъ Археографической коммиссіей въ 1857 г. въ изданіи подъ заглавіемъ: „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII—XIV вв.“ Затѣмъ онъ былъ перепечатанъ: въ 1868 г. въ „Русско-Ливонскихъ актахъ“, въ 1870 г. Аристовымъ въ его „Христоматіи по русской исторіи“ и еще позже проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ 1 вып. „Христоматіи по исторіи рус. права“, гдѣ договоръ раздѣленъ на статьи и снабженъ объяснительными примѣчаніями.

---

[1]) Пергаментный листъ, на которомъ помѣщены оба упомянутые договора, исписанъ съ обѣихъ сторонъ, при чемъ $^3/_4$ лицевой стороны листа занимаетъ договоръ временъ Александра Невскаго, а все остальное пространство—копія грамоты конца XII в.

Слѣдующимъ дошедшимъ до насъ договоромъ Новгорода съ нѣмцами является упомянутая выше договорная грамота временъ Александра Невскаго. Эта послѣдняя сохранилась, однако, не въ копіи, подобно сопровождающему означенную грамоту договору конца XII в., а въ подлинникѣ, на что ясно указываютъ привѣшенныя къ пергаментному листу (въ началѣ котораго, т. е. на первомъ мѣстѣ, помѣщена, какъ было уже пояснено, грамота временъ Александа Невскаго) шесть печатей, каковыя въ старину обыкновенно употреблялись взамѣнъ собственноручныхъ подписей на документахъ. Къ сожалѣнію, и эта договорная грамота, подобно предыдущей, писана безъ обозначенія года. Вслѣдствіе этого изслѣдователямъ пришлось опредѣлять время составленія договора по различнымъ историческимъ даннымъ и лишь съ приблизительной точностью. Трудъ этотъ взялъ на себя акад. Срезневскій. Такъ какъ въ началѣ грамоты сказано, что она составлена при новгородскомъ князѣ Александрѣ (Невскомъ), сынѣ его Димитріи, посадникѣ Михаилѣ и тысяцкомъ Жирославѣ („Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии с посадникомь Михаилъмь и съ тысяцькымь Жирославомь“...), а изъ лѣтописи видно: 1) что Михаилъ посадникомъ, а Жирославъ тысяцкимъ были избраны въ 1257 г., 2) что Александръ Невскій замѣнилъ себя въ Новгородѣ своимъ сыномъ Димитріемъ не ранѣе 1259 г. и 3), наконецъ, что самъ Александръ Н. умеръ въ 1263 г., а вскорѣ послѣ этого сынъ его былъ изгнанъ новгородцами,—то на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Срезневскій полагалъ, что разсматриваемый договоръ былъ составленъ не ранѣе 1259 и не позже 1263 г. Затѣмъ путемъ дальнѣйшихъ соображеній этотъ ученый пришелъ къ заключенію, что договоръ былъ составленъ именно въ 1263 г. Впрочемъ, нѣкоторые др. изслѣдователи (акад. Куникъ и проф. Сергѣевичъ) съ этимъ послѣднимъ выводомъ акад. Срезневскаго не согласны. Во всякомъ случаѣ указанный памятникъ можетъ быть пріуроченъ къ 1262 или 1263 г. лишь условно.

Договоръ этотъ напечатанъ впервые въ 1857 г. (въ томъ же, названномъ выше изданіи,что и предыдущій), а затѣмъ перепечатанъ въ „Русско-Ливонскихъ актахъ“(подъ № 16)

Наконецъ, третій изъ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ договоровъ новгородцевъ съ нѣмцами былъ заключенъ также во 2-ой половинѣ XIII в.. при кн Ярославѣ Ярославичѣ. Русскій текстъ этого договора, однако, не сохранился; онъ дошелъ до насъ лишь въ переводѣ на нижне-нѣмецкій языкъ, писанномъ на большомъ пергаментномъ свиткѣ, безъ указанія времени составленія и безъ печатей. Послѣднее обстоятельство (отсутствіе печатей или подписей), а также отсутствіе заключенія заставляетъ думать, что означенная рукопись—не подлинная грамота, а только копія, при чемъ копія эта представляетъ собою, по мнѣнію Сарторіуса, переводъ съ подлинника, писаннаго на русскомъ языкѣ. Рукопись эта была открыта въ город-

скомъ архивѣ г. Любека въ первой четверти настоящаго столѣтія извѣстнымъ нѣмецкимъ историкомъ Сарторіусомъ. Тотъ же Сарторіусъ, а также рядъ другихъ изслѣдователей (Кругъ, Славянскій, Тобинъ, Энгельманъ и Андреевскій), на основаніи указаній самаго текста грамоты, а именно упоминанія въ немъ кн. Ярослава Ярославича, посадника Павши и тысяцкаго Ратибора, и при помощи сопоставленія различныхъ лѣтописныхъ извѣстій, старались опредѣлить время заключенія означеннаго договора. Первые изслѣдователи этого памятника (Кругъ и др.) отнесли его составленіе къ 1269 г. или, точнѣе, къ зимѣ 1269—70 г., Тобинъ же, Андреевскій и Авг. Энгельманъ къ 1270 г., при чемъ послѣдній изъ нихъ доказалъ, что договоръ этотъ былъ заключенъ въ началѣ 1270 г., а именно не позже весны означеннаго года.

Договоръ 1270 г. былъ напечатанъ многократно какъ нѣмецкими, такъ и русскими изслѣдователями. Въ Россіи онъ былъ напечатанъ: Тобиномъ (въ Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, B. II), Славянскимъ (въ 1847 г. въ переводѣ на рус. языкъ, впрочемъ не полномъ и не вполнѣ правильномъ), Бунге (въ 1853 г. въ Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. I) и Андреевскимъ (въ 1855 г. въ соч.: О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 г.). Послѣднее изданіе слѣдуетъ признать самымъ лучшимъ и наиболѣе полнымъ: И. Андреевскій напечаталъ не только текстъ на нижненѣмецкомъ языкѣ, но и переводъ его на современные нѣмецкій и русскій языки, при чемъ договоръ раздѣленъ на соотвѣтствующія статьи, или параграфы, и обильно снабженъ объяснительными примѣчаніями.

Кромѣ 3-хъ указанныхъ, до насъ дошли еще и другіе, болѣе поздніе договоры Новгорода съ нѣмцами, относящіеся уже къ XIV в., а именно договоры 1322, 1323, 1326 г. (два послѣднихъ съ шведскимъ королемъ Магнусомъ), 1385, 1392 гг. и др.

Что касается порядка составленія разсмотрѣнныхъ 3-хъ древнѣйшихъ договоровъ, то онъ состоялъ, какъ въ томъ легко убѣдиться изъ сопоставленія вступительныхъ статей всѣхъ трехъ договорныхъ грамотъ, изъ 1) предварительнаго соглашенія на счетъ предмета договора, 2) формулировки и написанія договорной грамоты и 3) окончательнаго подтвержденія, или ратификаціи ея. Предварительныя совѣщанія о предметѣ договоровъ и самое составленіе послѣднихъ происходило, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ 1195 и 1270 гг., въ Новгородѣ; ратификація же составленныхъ договоровъ обыкновенно имѣла мѣсто въ одномъ изъ городовъ Нѣмецкаго торговаго союза (см. начало грам. 1195 г.). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вся процедура заключенія договора до ратификаціи его включительно совершалась въ одномъ и томъ же мѣстѣ; такъ, договоръ 1270 г., повиди-

мому, былъ не только составленъ въ его окончательной формѣ въ Новгородѣ, но тамъ же и ратификованъ (см. вводную статью къ договору 1270 г.).

По вопросу же о томъ, кто именно и по чьему полномочію участвовалъ въ составленіи договора, находимъ въ самомъ текстѣ обозрѣваемыхъ договорныхъ грамотъ весьма подробныя указанія. Такъ, первый договоръ (1195 г.) заключенъ кн. Ярославомъ Владиміровичемъ, посадникомъ Мирошкою, тысяцкимъ Яковомъ и „всѣми новгородьци“ съ посломъ Арбудомъ, который дѣйствовалъ отъ имени Нѣмецкаго торговаго союза: жителей г. Висби на о. Готландѣ и нѣмецкихъ торговыхъ городовъ. Еще подробнѣе эти указанія относительно лицъ, участвовавшихъ въ составленіи второго (1263 г.) и третьяго (1270 г.) договоровъ.

Въ одномъ изъ этихъ памятниковъ находимъ, кромѣ того, интересное указаніе на то, какъ смотрѣли лица, заключающія эти договоры, на продолжительность обязательной силы этихъ послѣднихъ, а именно: въ началѣ договорной грамоты 1195 г. говорится, между прочимъ, что если умретъ князь новгородскій или нѣмецкій, т. е. кто-либо изъ тѣхъ, отъ имени которыхъ заключенъ данный договоръ, то послѣдній отъ этого не теряетъ своей силы. Такое указаніе тѣмъ болѣе интересно, что въ древнія времена международные трактаты обыкновенно считались обязательными не для народовъ или государствъ, вступившихъ въ договорныя отношенія, а только для тѣхъ правителей, отъ имени которыхъ трактаты эти были заключены.

b) *Форма, система и содержаніе древнѣйшихъ договоровъ Новгорода съ нѣмцами.* Древніе договоры обыкновенно состояли изъ трехъ главныхъ частей: вступленія, самаго договора (основной или центральной части его) и заключенія. Эти главныя части, какъ мы уже видѣли, можно ясно различить въ самыхъ древнихъ договорахъ нашихъ, а именно въ договорахъ съ греками. Эти же три составныя части были обычны и въ договорныхъ грамотахъ русскихъ съ нѣмцами. На этомъ между проч. основаніи изслѣдователи, не находя въ рукописи того или иного изъ дошедшихъ до насъ договоровъ вступительной или заключительной части, обыкновенно считаютъ таковой актъ лишь проектомъ договора, а не дѣйствительнымъ договоромъ. Можно, однако, думать, что вступленіе и заключеніе не считались въ древности необходимыми частями договоровъ. Къ такому заключенію приводитъ между проч. слѣд. фактъ. Изъ числа договоровъ, заключенныхъ Смоленскомъ съ нѣмцами въ XIII в., сохранился одинъ такой [1]), который не имѣетъ ни вступленія, ни заключенія (а слѣд. является безъ обозначенія лицъ, его заключившихъ, и времени его составленія), но начинается ex abrupto: „А рядъ мой съ Немьци таковъ,“ и также совершенно неожиданно заканчи-

---

[1]) Актъ этотъ напечатанъ въ прибавленіи къ Русско-Ливонскимъ актамъ, подъ № II (стр. 451—453) и отнесенъ издателемъ къ 1240—1250 г.

вается. Между тѣмъ несомнѣнно, что актъ этотъ не проектъ, а дѣйствительный, формальный договоръ (въ подлинникѣ или оффиціальной копіи), такъ какъ къ нему привѣшена печать, которая никогда не привѣшивалась къ проекту или копіи съ этого послѣдняго.—Впрочемъ, всѣ три древнѣйшихъ договора Новгорода съ нѣмцами состоятъ не менѣе. какъ изъ двухъ частей: 1) вступленія и 2) самаго договора. Во вступительной или вводной части этихъ договоровъ, сверхъ наименованія договаривающихся сторонъ, указывается или на взаимныя обязательства хранить миръ, или на подробности составленія даннаго договора. Въ частности, во вступленіи къ договору 1263 г. указывается, что ближайшимъ поводомъ къ его составленію былъ новый миръ, заключенный послѣ происшедшихъ между новгородцами и нѣмцами непріязненныхъ отношеній. Вслѣдъ за вступленіемъ идетъ во всѣхъ трехъ памятникахъ основная или центральная часть договора безъ всякаго дѣленія ея на параграфы или статьи. Вторая изъ договорныхъ грамотъ (1263 г.) имѣетъ, кромѣ того, еще и заключительную статью слѣд. содержанія: „А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ; на томь крестъ цѣлуемъ“. Предполагаютъ, однако, что подлинники двухъ другихъ договоровъ (1195 и 1270 г.) также содержали въ себѣ заключительныя статьи, которыя по неизвѣстной въ точности причинѣ не попали въ дошедшія до насъ копіи названныхъ грамотъ.

Обращаясь затѣмъ къ системѣ и содержанію обозрѣваемыхъ памятниковъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить. что въ нихъ невозможно найти какой-либо не только правильной, но даже болѣе или менѣе опредѣленной системы: постановленія, относящіяся къ уголовному, процессуальному и гражданскому праву, не только перемѣшаны между собою, но весьма часто перерываются постановленіями, относящимися къ торговымъ распорядкамъ. Что касается содержанія договора 1195 г., то, хотя въ немъ нѣтъ постановленій матеріальнаго гражданскаго права и различныхъ торговыхъ правилъ (къ числу таковыхъ относится лишь одна статья, опредѣляющая плату въ пользу лоцмана), за то онъ чрезвычайно богатъ постановленіями, относящимися къ уголовному праву и процессу: тому и другому посвящено 12 статей изъ всѣхъ 15-ти, имѣющихся въ этомъ договорѣ. Въ частности, по предмету уголовнаго права мы находимъ здѣсь постановленія о посягательствѣ на жизнь, здоровье, свободу и честь. Такимъ образомъ для исторіи уголовнаго права, а отчасти и процесса разсматриваемая договорная грамота является актомъ весьма важнымъ и цѣннымъ, особенно въ виду его древности.

Не то приходится сказать о второмъ договорѣ (1263 г.). Впрочемъ, строго говоря, это даже и не новый договоръ, а подтвержденіе стараго (повидимому, только-что разсмотрѣннаго), къ которому добавлено лишь нѣсколько новыхъ подробностей и частныхъ правилъ. Вообще самостоятельное

значеніе договора 1263 г. весьма ограничено. Немногочисленныя постановленія этой грамоты столь лаконичны, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ характеръ какихъ-то неясныхъ намековъ, и при томъ такъ часто ссылаются на предыдущій договоръ (на „старый миръ", „старую правду и грамоту"), что требуютъ постоянныхъ справокъ съ текстомъ этого послѣдняго, безъ каковыхъ они не могутъ быть правильно поняты. Этимъ между прочимъ объясняется, вѣроятно, и тотъ фактъ, почему на дошедшемъ до насъ подлинникѣ грамоты 1263 г., вслѣдъ за ея текстомъ, приводится въ видѣ приписки или прибавленія копія грамоты 1195 г.,—обстоятельство, благодаря которому мы не только узнаемъ о существованіи договора 1195 г., но и имѣемъ возможность ознакомиться съ его содержаніемъ.

Самой полной по содержанію изъ всѣхъ трехъ договорныхъ грамотъ слѣдуетъ признать послѣднюю, т. е. грамоту 1270 г. Значительная часть (почти половина) этого договора, состоящаго изъ введенія и 26 статей, посвящена подробнымъ правиламъ, касающимся торговыхъ сношеній, производства торговли и т. д.; а именно, здѣсь мы находимъ постановленія и правила: 1) о проѣздѣ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородъ по р. Невѣ и Волхову, 2) о послѣдствіяхъ кораблекрушеній, 3) о пошлинахъ съ приходящихъ судовъ, 4) о платѣ лоцманамъ за доставленіе судна отъ Новгородской пристани къ Нѣмецкому и Готландскому дворамъ, туда и обратно. 5) о вѣсахъ и гиряхъ, 6) о различныхъ льготахъ въ пользу иріѣзжихъ купцовъ и проч. Кромѣ того, грамота содержитъ въ себѣ также постановленія по гражданскому праву и особенно полныя и довольно многочисленныя статьи, относящіяся къ процессуальному и уголовному праву. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. по части количества нормъ матеріальнаго уголовнаго права, договоръ 1270 г. нѣсколько уступаетъ договорной грамотѣ 1195 г.

3. Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229—30 г. а) *Исторія этого договора.* Древнѣйшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ Смоленска съ нѣмцами былъ заключенъ смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1229 г. Несомнѣнно, однако, что этотъ договоръ—едва ли не самый замѣчательный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ договоровъ русскихъ съ нѣмцами—не есть старѣйшій изъ трактатовъ Смоленска съ нѣмцами: имѣется опредѣленное указаніе, что Смоленскъ вступалъ въ договорныя отношенія съ нѣмцами и ранѣе 1229 г. Такое указаніе находится въ одной изъ смоленскихъ договорныхъ грамотъ половины XIII в., напечатанной во 2-мъ приложеніи къ Русско-Лив. актамъ (объ этомъ документѣ упоминалось уже на стр. 60-й). Отсюда видно, что предшествовавшій договоръ Смоленска съ нѣмцами, до насъ не дошедшій, былъ заключенъ при смоленскомъ князѣ Мстиславѣ Романовичѣ (онъ пра-

вилъ Смоленскомъ съ 1197 по 1212 г.), т. е. или въ самомъ концѣ XII, или въ первые годы XIII в.

Означенный смоленскій договоръ 1229 г. дошелъ до насъ въ семи спискахъ на древне-русскомъ языкѣ. Извѣстно также, что въ рижскомъ городскомъ архивѣ хранились нѣкогда два списка этого же договора на нижне-нѣмецкомъ языкѣ и одинъ на латинскомъ; къ сожалѣнію, однако, всѣ три упомянутые списка или утрачены, или не могли быть доселѣ отысканы [1]. Изъ 7-ми русскихъ списковъ 5 найдены въ рижскомъ городскомъ архивѣ, гдѣ они хранятся и нынѣ, а 6-й—въ пергаментномъ сборникѣ конца XIV в., находящемся въ настоящее время въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ; что же касается 7-го списка, то онъ извѣстенъ только по печатному тексту, имѣющемуся въ III т. „Исторія государства Россійскаго" Карамзина, которому принадлежитъ честь перваго печатнаго изданія обозрѣваемаго памятника (въ 1818 г.). Всѣ упомянутые списки смоленскаго договора 1229 г. напечатаны въ 1-мъ приложеніи къ Русско-Ливонскимъ актамъ, изданнымъ въ 1868 г. Это изданіе—единственное, гдѣ одновременно отпечатаны всѣ извѣстные списки разсматриваемаго договора и при томъ параллельно, что значительно облегчаетъ сравнительное изученіе ихъ. Отдѣльные же списки договора 1229 г. напечатаны во многихъ изданіяхъ [2] и между прочимъ въ 1-мъ вып. Христоматіи проф. В.-Буданова; здѣсь отпечатанъ одинъ изъ лучшихъ списковъ этого памятника въ такъ называемой *готландской* редакціи (списокъ подъ лит. А), съ раздѣленіемъ его на статьи и съ объяснительными примѣчаніями.

Хотя всѣ дошедшіе до насъ списки договора 1229 г. совершенно сходны между собою по сущности своего содержанія, однако, одни изъ нихъ отличаются отъ другихъ правописаніемъ и разстановкой отдѣльныхъ словъ, формулировкой отдѣльныхъ статей, а, главное, числомъ и послѣдовательностью этихъ послѣднихъ и, наконецъ, даже годомъ написанія: такъ, одни изъ списковъ помѣчены однимъ, а другая часть ихъ—другимъ годомъ [3]. На основаніи этихъ различій, а именно преимущественно на основаніи различій въ числѣ и послѣдовательности статей, а также въ годѣ написанія (нѣкоторыя изъ другихъ различій, существующія между всѣми списками, не такъ важны, ибо ихъ можно объяснить разновременностью написанія

[1] Имѣется, впрочемъ, извѣстіе, что въ числѣ документовъ, вывезенныхъ въ 1621 г. изъ архива Ливонскаго ордена въ Швецію, была и договорная грамота 1229 г., писанная въ г. Висби на о. Готландѣ. См. Р.-Л. Ак., стр XXII и 408—410.

[2] Перечень этихъ изданій напечатанъ м. п. въ Христоматіи проф. В.-Буданова, в. 1, стр. 111--112.

[3] Не говоримъ уже о такомъ чисто внѣшнемъ различіи между отдѣльными списками, какъ способъ написанія на пергаментѣ текста договора, а именно: одни изъ списковъ написаны въ два столбца или въ двѣ колонны (напр., списки лит. В и D), а другіе сплошь (списокъ лит. А).

отдѣльныхъ списковъ, небрежностью переписчиковъ и т. д.), издатель Русско-Ливонскихъ актовъ раздѣляетъ—и совершенно правильно—всѣ списки на двѣ основныхъ редакціи. Къ первой онъ относитъ три списка, напечатанные имъ подъ литерами A, B и C; въ нихъ, при нѣкоторыхъ въ большинствѣ случаевъ несущественныхъ грамматическихъ и редакціонныхъ отличіяхъ, одинаковы—число и послѣдовательность статей, годъ написанія и заключительная фраза, гдѣ сказано: „Ся грамота есть выдана на Гочкомь (или „Готьскомь", т. е. Готландскомъ) берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинскими коупци". На основаніи этого упоминанія о мѣстѣ выдачи грамоты редакція трехъ указанныхъ списковъ названа *готландской*. Вторая редакція, къ которой относятся списки, напечатанные подъ лит. D, E и F, названа *рижской*. Эта редакція отличается отъ предыдущей не только отсутствіемъ приписки о выдачѣ грамоты на готландскомъ берегу, но также иной послѣдовательностью статей и инымъ обозначеніемъ года; кромѣ того, списки этой редакціи обладаютъ нѣкоторыми добавочными статьями, которыхъ нѣтъ въ спискахъ готландской редакціи. Къ числу списковъ рижской редакціи слѣдуетъ отнести также и списокъ (онъ отпечатанъ въ Русско-Ливонскихъ актахъ подъ лит. G), напечатанный впервые Карамзинымъ; въ этомъ послѣднемъ спискѣ, почти тождественномъ со спискомъ подъ лит. F, не сохранились, однако, или не разобраны вступительная формула и то мѣсто текста, гдѣ былъ обозначенъ годъ написанія грамоты.

Указанныя различія, замѣчаемыя въ обѣихъ редакціяхъ разсматриваемаго памятника, преимущественно же различіе въ послѣдовательности статей, а также нѣкоторыя дополненія и поясненія, находящіяся въ одной и не имѣющія мѣста въ другой редакціи,—все это побудило нѣкоторыхъ ученыхъ считать, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительнымъ договоромъ, т. е. договоромъ, надлежаще утвержденнымъ и вступившимъ въ силу, а лишь съ проектомъ его. Такъ, извѣстный изслѣдователь въ области русской и ливонской исторіи XIII—XIV вв. Авг. Энгельманъ предполагаетъ, что двѣ редакціи договора 1229 г. представляютъ собою лишь два разныхъ перевода одного и того же проекта, составленнаго первоначально на нѣмецкомъ языкѣ, а затѣмъ уже переведеннаго на русскій, и что появленіе второго перевода было вызвано неудовлетворительностью перваго. Но противъ основательности такого предположенія говоритъ слѣд. соображеніе. Новый переводъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, исправивъ ошибки стараго, во 1-хъ, сохранилъ бы послѣдовательность статей, т. е. не прибѣгалъ бы къ иному ихъ расположенію (такъ какъ это не дѣло переводчика), а во 2-хъ, не измѣнилъ бы обозначенія года, а между тѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ выставлены два различные года ихъ составленія. Но и помимо этого соображенія, мы имѣемъ ясныя дока-

зательства того, что обѣ редакціи — не проекты одного или двухъ различныхъ договоровъ, а дѣйствительные, т. е. своевременно утвержденные и получившіе надлежащую силу, договоры. Это видно, во 1-хъ, изъ того, что два списка (лит. A и B) готландской редакціи и одинъ (лит. D) рижской сохранились до нашего времени съ прикрѣпленными къ нимъ печатями, которыя, какъ извѣстно, привѣшивались или къ подлиннымъ документамъ (оригиналамъ), или къ оффиціальнымъ копіямъ съ нихъ, но во всякомъ случаѣ не къ проектамъ, а тѣмъ болѣе переводамъ съ этихъ послѣднихъ. Другой фактъ, говорящій въ пользу своевременнаго утвержденія означеннаго договора, это приписка, стоящая въ началѣ одного изъ списковъ (лит. B) готландской редакціи и гласящая слѣд.: „Се язъ князь Смоленьскій Олександръ [1]) докончалъ есмь съ Немьци по давному докончанью, како то докончали отци наши, дѣди наши; на техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать (далѣе слѣдуетъ текстъ договора 1229 г.).“ Отсюда ясно видно, что смоленскій кн. Александръ Глѣбовичъ въ самомъ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. подтвердилъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, договорную грамоту 1229 г., что, конечно, онъ могъ сдѣлать лишь по отношенію къ договору, дѣйствительно состоявшемуся и своевременно получившему надлежащую силу, но никакъ не по отношенію къ проекту договора, не получившему въ свое время утвержденія. Наконецъ, фактъ своевременной ратификаціи обѣихъ редакцій, какъ окончательно состоявшихся договоровъ, подтверждается ясными указаніями, находящимися въ самомъ текстѣ дошедшихъ до насъ списковъ договора 1229 г. Итакъ несомнѣнно, что обѣ редакціи — и готландская и рижская — не оставались только проектами, а своевременно были утверждены и получили силу дѣйствующаго договора.

Остается теперь рѣшить, являются ли обѣ извѣстныя намъ редакціи двумя разными и самостоятельными договорами, или онѣ представляютъ собою одинъ по существу и времени своего первоначальнаго составленія договоръ? Рѣшеніе этого вопроса находится между прочимъ въ связи съ тѣми хронологическими датами, которыя находятся въ обѣихъ редакціяхъ и которыя, хотя и весьма близки, но, повидимому, нетождественны. Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, мы въ текстѣ списковъ готландской редакціи находимъ слѣдующее обозначеніе времени ея написанія: „коли ся грамота псана, ишлъ былъ (въ нѣк. др. спискахъ: „ишло было“) отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 8 лѣтъ и 20“; въ спискахъ же рижской редакціи стоитъ иная дата: „а си грамота написана бысть отъ

---

[1]) Т. е. Александръ Глѣбовичъ, какъ это видно изъ грамоты № 47, напечат. въ Рус.-Ливон. актахъ и относящейся приблизительно къ 1300 г. Князь этотъ правилъ Смоленскомъ съ 1297 по 1313 г.

распятья было 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 30 лѣтъ безъ лета“. На основаніи этихъ указаній Тобинъ первую редакцію относитъ къ 1228 г., а вторую къ 1229 г. Но это не вѣрно. Въ спискахъ готландской редакціи ясно сказано, что ко времени написанія грамоты истекло („было *до сего лѣта*“) 1228 лѣтъ отъ Р. Х., т. е. наступилъ 1229-й годъ, въ теченіе котораго, слѣдовательно, означенная грамота и была составлена. Правильность такого толкованія даты списковъ готландской редакціи можно подтвердить также примѣрами, взятыми изъ другихъ смоленскихъ грамотъ XIII в., гдѣ употребленъ аналогическій способъ датировки [1]). Независимо отъ этого, доказательствомъ того, что разсматриваемый договоръ составленъ былъ не въ 1228, а именно въ 1229 г., служитъ хронологическая справка, имѣющаяся въ началѣ всѣхъ списковъ договора 1229 г., гдѣ опредѣленно говорится, что кн. Мстиславъ Давидовичъ отправилъ своихъ пословъ для заключенія договора по полученіи извѣстія о смерти епископа Альберта („того лѣта, коли Алъбрахтъ, владыка Ризкий, оумьрлъ, уздоумалъ князѣ Смольнескый Мьстиславъ, Давидовъ сынъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея“... и т. д.), а этотъ послѣдній, какъ извѣстно, скончался лишь 17 янв. 1229 г. Также точно изъ списковъ рижской редакціи видно, что грамота написана по истеченіи 1229 лѣтъ, т. е. слѣдовательно не въ 1229, а въ 1230 году. Въ послѣднемъ случаѣ одно остается непонятнымъ—это необычный способъ лѣтосчисленія въ спискахъ рижской редакціи, а именно не отъ Р. Х., а отъ распятія Христова. Предполагаютъ, однако, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ опиской. Итакъ, во всякомъ случаѣ обѣ редакціи относятся (по времени ихъ ратификаціи, какъ то мы увидимъ ниже) къ двумъ различнымъ (мартовскимъ) годамъ, а именно: готландская къ 1229, а рижская къ 1230 г. Это дало поводъ тому же Тобину видѣть въ названныхъ двухъ редакціяхъ два различныхъ, самостоятельныхъ договора. Но этому противорѣчитъ не только весьма близкое сходство, почти тождественность обѣихъ редакцій по содержанію, но и полное тождество упоминаемыхъ во всѣхъ спискахъ обѣихъ редакцій лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи договора (различно только правописаніе именъ этихъ лицъ). Все это (а равно и нѣкоторыя другія соображенія) заставляетъ прійти къ тому заключенію, что, во 1-хъ, въ обѣихъ редакціяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ по существу договоромъ, а во 2-хъ, что различіе въ формѣ и хронологическихъ датахъ обѣихъ редакцій, изъ которыхъ редакція 1229 г. есть первоначальная, объясняется

---

[1]) Такъ, грамота 1284 г., содержащая въ себѣ судебное рѣшеніе Смоленскаго князя Ѳедора по дѣлу между смоленскимъ и нѣмецкимъ купцами, датирована слѣдующимъ образомъ: „Си же грамота псана бысть, ищьло было отъ рожества Господня *до сего лѣта*, 1000 лѣтъ и 200 летъ и 80 лѣтъ и 3 лѣта, а на четвьртое лѣто псана“. Р.-Лив. Ак., № 37. Подобнымъ же образомъ датирована и присяжная грамота того же кн. Ѳедора. См. Сбор. Госуд. Грам. и Догов., II, № 3.

главнымъ образомъ различіемъ времени ихъ ратификаціи, или утвержденія, т. е., другими словами, что первая редакція, или такъ назыв. готландская, есть списокъ договора 1229 г., утвержденный на о. Готландѣ, а вторая, или рижская, списокъ того же самаго договора, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, утвержденный въ слѣдующемъ году въ г. Ригѣ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, промежутокъ времени между моментами ратификаціи договора, сначала на о. Готландѣ, а затѣмъ въ г. Ригѣ, равнялся, повидимому, лишь 1—3 мѣсяцамъ.

Что касается порядка составленія обозрѣваемаго договора, то онъ, подобно тому, какъ это было при заключеніи всѣхъ прочихъ раньше разсмотрѣнныхъ договоровъ, состоялъ изъ трехъ главныхъ моментовъ: 1) предварительнаго соглашенія на счетъ предмета договора, 2) редактированія договорной грамоты и 3) окончательнаго утвержденія, или ратификаціи, этой послѣдней. О каждомъ изъ этихъ моментовъ мы находимъ прямыя или косвенныя указанія въ самомъ текстѣ договора 1229—30 г., хотя, къ сожалѣнію, указанія эти не всегда достаточно полныя и опредѣленныя. Инициатива разсматриваемаго договора принадлежала, какъ это видно изъ вступленія къ нему, смоленскому князю Мстиславу Давидовичу, который, получивъ извѣстіе о смерти рижскаго епископа Альберта († 17 янв. 1229 г.), отправилъ въ Ригу и на о. Готландъ посольство, а именно „своего лоучьшего попа Ерьмея и съ нимь оумньна моужа Пантелья“ (въ рижской редакціи пояснено: „Пантелея сотьского“). Посольство это, несомнѣнно, снабжено было подробными инструкціями и необходимыми полномочіями какъ для предварительнаго соглашенія съ нѣмцами объ условіяхъ будущаго договора, такъ и для формальнаго заключенія этого послѣдняго. По прибытіи въ Ригу уполномоченные смоленскаго князя вступили въ переговоры съ мѣстными властями и въ томъ числѣ съ магистромъ ордена Меченосцевъ, а также съ представителями рижскихъ купцовъ. Переговоры эти, повидимому, привели не только къ словесному соглашенію относительно содержанія договора, но и къ составленію письменнаго проекта этого послѣдняго; во всякомъ случаѣ безспорно одно, что какъ бы успѣшно ни шли предварительные переговоры, однако завершить ихъ формальнымъ заключеніемъ договора съ Ригою пока не представлялось возможнымъ, такъ какъ преемникъ умершаго епископа Альберта еще не былъ избранъ, а безъ подписи рижскаго епископа, какъ главы Ливоніи, договоръ едва ли могъ получить законную силу. Къ тому же предстояло еще войти въ соглашеніе съ готландскими купцами и представителями прочихъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, для чего посламъ Мстислава Давидовича необходимо было отправиться въ г. Висби на Готландѣ, который въ ту пору стоялъ во главѣ Ганзейскаго союза. Такъ именно смоленскіе послы, священникъ Еремѣй и сотскій Пантелей, и поступили, о чемъ опредѣленно говорится въ текстѣ договорной грамоты:

„изъ Риги ѣхали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ“. Здѣсь, на о. Готландѣ, проектъ соглашенія подвергся новому обсужденію, которое и привело къ окончательной выработкѣ пунктовъ договора и къ формальному заключенію этого послѣдняго. Текстъ договора (или, быть можетъ, только упомянутаго проекта его) былъ редактированъ двумя лицами, изъ которыхъ одинъ—рыцарь духовнаго ордена Раульфъ изъ Касселя, былъ представителемъ со стороны нѣмцевъ, а другой—Тумашъ Смольнянинъ (по рижской редакціи: Тумашъ Михайловичъ), представителемъ со стороны русскихъ. Договоръ на о. Готландѣ былъ изготовленъ въ двухъ экземплярахъ: на нѣмецкомъ и на русскомъ языкѣ. Что оригиналъ готландской редакціи договора составленъ былъ сперва на нѣмецкомъ языкѣ, языкѣ наиболѣе доступномъ для всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, это видно прежде всего изъ текста дошедшихъ до насъ списковъ этой редакціи договора,—текста, который носитъ ясные слѣды того, что онъ представляетъ собою переводъ съ нѣмецкаго; предположеніе это подтверждается также извѣстіемъ о существованіи списковъ договора на нижне-нѣмецкомъ языкѣ (см. стр. 63). Редакція договора, принятая на о. Готландѣ, здѣсь же была и ратификована, по крайней мѣрѣ со стороны нѣмцевъ. Ратификація состояла въ томъ, что подлинники договора скрѣплялись печатями, привѣшенными къ нимъ, и подписями представителей сторонъ. Въ частности экземпляръ, предназначенный для русскихъ, былъ, какъ о томъ говорится въ концѣ договорной грамоты, скрѣпленъ подписями и печатями представителей Ганзейскаго союза, а затѣмъ торжественно врученъ посламъ смоленскаго князя („ся грамота есть выдана на Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинскими коупци“). Другой же экземпляръ договора, предназначенный для нѣмцевъ, вѣроятно, былъ отправленъ съ нѣмецкимъ посольствомъ въ Смоленскъ для ратификаціи его смоленскимъ княземъ. Составленіе и ратификація договора въ его готландской редакціи происходили въ самомъ концѣ 1229 (мартовскаго) года, т. е. не позже февраля; это видно какъ изъ даты договорной грамоты (помѣченной 1229 г.), такъ равно и изъ того, что въ заключительной части ея не обозначено имя рижскаго епископа (очевидно потому, что таковой еще не былъ избранъ), между тѣмъ какъ въ концѣ позднѣйшей—рижской—редакціи уже упоминается епископъ Николай, избранный въ мартѣ или апрѣлѣ, т. е. въ первые мѣсяцы слѣдующаго 1230 (мартовскаго) года. Такъ была составлена и ратификована готландская редакція договора 1229—30 г. Что же касается рижской редакціи, то о ней, о ея составленіи и ратификаціи, наши свѣдѣнія болѣе скудны. По всей вѣроятности дальнѣйшій ходъ событій былъ таковъ. По окончаніи своей миссіи на о. Готландѣ русскіе послы вернулись въ Ригу; вскорѣ послѣ ихъ прибытія туда состоялось избраніе упомянутаго выше еп. Николая, и, такимъ образомъ, явилась возможность довести дѣло заключенія договора съ нѣмцами до конца. Здѣсь, въ Ригѣ, было изготов-

лено два новыхъ экземпляра договора, ратификованнаго на Готландѣ (при чемъ въ текстѣ договора сдѣланы были кое-какія измѣненія и дополненія), но на этотъ разъ одинъ изъ экземпляровъ былъ составленъ уже на латинскомъ языкѣ, другой же попрежнему на русскомъ. Доказательствомъ того, что одинъ изъ экземпляровъ-подлинниковъ договора въ рижской его редакціи былъ составленъ на латинскомъ языкѣ, служитъ не только текстъ дошедшихъ до насъ списковъ этой редакціи на древне-русскомъ языкѣ, гдѣ можно указать не мало явныхъ слѣдовъ латинской конструкціи и вообще перевода съ латинскаго, но и свидѣтельство о томъ ливонскаго лѣтописца Генриха Латыша (см. Рус.-Лив. акты, стр. 408). Послѣ изготовленія экземпляровъ рижской редакціи договора онъ былъ ратификованъ въ Ригѣ, вѣроятно, тѣмъ же порядкомъ, какъ и на о. Готландѣ.

Договоръ 1229—30 г., какъ это видно изъ его текста, заключенъ, съ одной стороны, отъ имени не только Смоленской земли, но также Полоцкой и Витебской [1]), т. е. всей Сѣверо-Западной Руси, въ лицѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича, а съ другой, отъ имени всего Ганзейскаго союза, а въ частности: 1) Ливоніи, т. е. г. Риги и ордена Меченосцевъ, 2) о. Готланда и 3) нѣмецкихъ городовъ (Любека, Бремена, Жата (Сеста), Касселя, Гренингена, Мюнстера и Дортмунда), входившихъ въ составъ торговаго союза.

Дальнѣйшая судьба договора 1229—30 г., т. е. сила и дѣйствіе его въ послѣдующія эпохи, также не осталась для насъ вполнѣ неизвѣстной: на этотъ счетъ нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ актовъ сохранили не мало довольно опредѣленныхъ свѣдѣній. Такъ, во 1-хъ, мы имѣемъ позднѣйшую, приблизительно половины XIII в., договорную грамоту Смоленска съ нѣмцами (она напечатана въ прибавленіи къ Рус.-Лив. акт. подъ № II, и хотя этотъ актъ не имѣетъ даты и не упоминаетъ имени князя, при которомъ онъ былъ составленъ, однако по нѣкоторымъ даннымъ его слѣдуетъ пріурочить ко времени 1240—50 г.), которая настолько близка по своему содержанію къ грамотѣ 1229 г., что ее смѣло можно назвать по отношенію къ этой послѣдней подтвердительной. Во 2-хъ, до насъ дошла и напечатана въ Рус.-Лив. актахъ (подъ № XLVII) грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича, относящаяся ко времени около 1300 г., изъ которой видно, что какой-то договоръ Смоленска съ нѣмцами, подтвержденный уже кн. Глѣбомъ Ростиславичемъ (княжилъ въ Смоленскѣ съ 1270 по 1277 г.),

---

[1]) О распространеніи дѣйствія договора также на Полоцкую и Витебскую земли говорится въ концѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ грамоты 1229—30 г., а именно въ спискахъ готландской ред.: „Тая правда Латинескомоу възяти оу Роуской земли: оу вълъсти князя Смольнеского, и оу Полотьского князя вълъсти, и оу Витьбеского князя вълъсти“, и въ спискахъ рижской ред.: „Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, и Нѣмчичю въ Смолѣньскои волости и въ Полотьской и вь Витебьской“.

а затѣмъ его братомъ и преемникомъ кн. Ѳеодоромъ (княжилъ съ 1280 по 1297 г.), подтверждается вновь кн. Александромъ Глѣбовичемъ. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ именно о договорѣ 1229 г. Такое предположеніе подкрѣпляется по отношенію къ кн. Ѳеодору тѣмъ, что на одной изъ двухъ серебряныхъ печатей, привѣшенныхъ къ одному изъ списковъ готландской редакціи (напечатанному подъ лит. А), имѣется надпись: „Велікого княз.... Ѳедо... печат"; кромѣ того, въ пользу этого же предположенія говоритъ грамота смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича къ рижскимъ властямъ отъ 1284 г., напечатанная въ „Сборникѣ госуд. грам. и договоровъ" (II т., № 3). По отношенію же къ преемнику кн. Ѳеодора, смоленскому кн. Александру Глѣбовичу († 1313 г.), мы имѣемъ еще болѣе ясное и неопровержимое доказательство того, что этотъ князь дѣйствительно подтвердилъ договоръ 1229 г. въ готландской его редакціи. Такое доказательство находимъ въ той, упомянутой выше припискѣ, которая имѣется во главѣ списка, напечатаннаго подъ лит. В: „Сє язъ князь Смеленьский Олексанъдръ докончалъ есмь съ Немьци по давному докончанью etc"...

Такимъ образомъ несомнѣнно, что договоръ 1229—30 г. подтверждался позднѣйшими князьями и сохранялъ силу дѣйствующаго трактата почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, такъ какъ послѣднее опредѣленно извѣстное намъ подтвержденіе относится ко времени княженія Александра Глѣбовича, т. е. къ началу XIV в. Впрочемъ, существуютъ нѣкоторыя указанія, что договоръ этотъ подтверждался и позже, а именно въ теченіе всего XIV в., т. е. почти до прекращенія самостоятельности Смоленскаго княжества.

b) *Форма, система и содержаніе договора 1229—30 г.* По формѣ своей договоръ 1229 г. въ обѣихъ редакціяхъ является нормальнымъ типомъ договорной грамоты: въ немъ, кромѣ центральной или основной части, имѣются также вступленіе и заключеніе. Во вступленіи указанъ составъ посольства смоленскаго князя въ Ригу и на о. Готландъ, изложенъ порядокъ обсужденія и составленія договора и объяснена цѣль, побудившая договаривающихся не только прійти къ извѣстному соглашенію, но и облечь это послѣднее въ письменную форму. За вступленіемъ идетъ центральная, или основная часть договора, начинающаяся въ готландской редакціи словами: „здѣ починаеться правда", а въ рижской—„а се починокъ правдѣ"; за этимъ заголовкомъ слѣдуютъ статьи договора, безъ нумераціи, а съ половины текста (начиная съ 24-й ст. по изд. проф. В.-Буданова или съ 16-й по дѣленію на статьи, принятому въ Р.-Лив. актахъ) и не въ одинаковомъ для обѣихъ редакцій порядкѣ; самое число статей, на которыя можно раздѣлить данный договоръ, также различно въ обѣихъ редакціяхъ: въ рижской ихъ двумя больше, нежели въ готландской (см. Р.-Л. Ак., стр. 420—443). Наконецъ, договоръ завершается заключительными статьями, содержащими въ себѣ поясненіе о пространствѣ дѣйствія постановленій договора, обозна-

ченіе года его написанія, указаніе на утвержденіе грамоты печатями, перечень лицъ, бывшихъ послухами, и осужденіе нарушителямъ договора. Послѣ всего этого въ готландской редакціи стоитъ упомянутая выше статья о выдачѣ грамоты на Готландѣ, а въ рижской (въ двухъ ея спискахъ: D и E)—дополнительная (очевидно, позднѣйшаго происхожденія) статья о нѣмецкомъ дворѣ въ Смоленскѣ.

Прочитавъ одну за другой всѣ 44 статьи, на которыя, сверхъ вступленія и заключенія, распадается договоръ 1229 г. [1]), мы замѣтимъ, что въ памятникѣ этомъ нѣтъ никакой болѣе или менѣе опредѣленной и строго выдержанной системы. Такъ, напр., рядъ статей, относящихся къ матеріальному уголовному праву, прерывается постановленіями процессуальнаго и гражданскаго права, за которыми вновь слѣдуютъ статьи, относящіяся къ уголовному праву и т. д.; кромѣ того, статьи, посвященныя торговлѣ, также неоднократно прерываются постановленіями гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права.

По своему содержанію договоръ 1229—30 г. является едва ли не самымъ важнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ древняго, или земскаго, періода русской исторіи и вообще занимаетъ почетное мѣсто среди памятниковъ права этого періода. Въ самомъ дѣлѣ, въ обозрѣваемомъ договорѣ мы находимъ обильныя по количеству и весьма обстоятельныя и подробныя по своему содержанію постановленія изъ области уголовнаго, гражданскаго, процессуальнаго и публичнаго права; сверхъ того многія изъ этихъ постановленій касаются такихъ вопросовъ, о которыхъ мы ничего не находимъ въ другихъ памятникахъ той же эпохи (напр., о судебныхъ поединкахъ, которымъ посвящено въ договорѣ двѣ статьи). Въ частности уголовному праву въ договорѣ 1229 г. удѣлено 12 статей (1—7, 17—20 и 32 ст.); здѣсь мы находимъ постановленія объ убійствѣ, увѣчьѣ, ранахъ, побояхъ, оскорбленіи дѣйствіемъ, самовольномъ и незаконномъ лишеніи свободы, о прелюбодѣяніи и изнасилованіи и, наконецъ, о кражѣ. Скуднѣе отдѣлъ гражданскаго права: сюда относится лишь нѣсколько статей объ обязательствахъ и, въ частности, о договорахъ займа и купли-продажи. За то довольно многочисленны постановленія, касающіяся судопроизводства по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ: сюда принадлежитъ рядъ статей о подсудности, объ арестѣ по дѣламъ уголовнымъ и вообще о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда, о порядкѣ взысканія

[1]) Мы придерживаемся раздѣленія на статьи, принятаго въ Христоматіи проф. В.-Буданова. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ готландскую редакцію договора, какъ первоначальную и основную. Впрочемъ, обѣ редакціи, несмотря на указанныя различія между прочимъ въ числѣ и послѣдовательности статей, столь близки по содержанію, что все существенное, сказанное о содержаніи одной редакціи, въ равной мѣрѣ относится и къ другой.

долговъ, о судебныхъ доказательствахъ и о судебныхъ рѣшеніяхъ. Наконецъ, почтенное, какъ и слѣдовало того ожидать, мѣсто (около 20-ти статей) отведено въ этомъ договорѣ правиламъ, относящимся къ торговлѣ, и постановленіямъ публичнаго международнаго права. Къ этому послѣднему относятся статьи: 31-я—о непринужденіи русскихъ и нѣмецкихъ пріѣзжихъ гостей (купцовъ) къ участію въ военныхъ походахъ; ст. 43-я—о безпрепятственномъ для нѣмцевъ и русскихъ, занимающихся торговлею, проходѣ по р. Двинѣ, отъ верху до устья, и 44-я—о потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Многочисленныя же постановленія, относящіяся къ торговлѣ, трактуютъ о различныхъ взаимныхъ торговыхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ и нѣмцевъ, о перегрузкѣ и доставкѣ товаровъ, о перевозкѣ гостей, о вѣсахъ и мѣрахъ и особенно о налогахъ на товары, а именно: мытѣ, вѣсчемъ и помѣрномъ.

Таково вкратцѣ богатое содержаніе договора 1229 г., тѣмъ болѣе важнаго для насъ, что дѣйствіе его простиралось на всю Сѣверо-Западную Русь, и что многія постановленія его или совершенно согласны съ соотвѣтствующими постановленіями Русской Правды, или же дополняютъ эту послѣднюю.

4. Значеніе договоровъ русскихъ съ нѣмцами. Для выясненія вопроса о значенія договоровъ съ нѣмцами, какъ источниковъ русскаго права, слѣдуетъ по отношенію къ нимъ разрѣшить тѣ же два вопроса, какіе мы ставили, завершая обзоръ болѣе древнихъ договоровъ—договоровъ русскихъ съ греками. Вопросы эти слѣдующіе: во 1-хъ, о пространствѣ дѣйствія постановленій договоровъ, заключенныхъ различными русскими областями съ нѣмцами, а, во 2-хъ, о національности правовыхъ нормъ, содержащихся въ этихъ договорахъ.

Что касается перваго вопроса, то отвѣтить на него не трудно, благодаря прямымъ и яснымъ указаніямъ, находящимся въ текстѣ обозрѣваемыхъ памятниковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній:

Изъ догов. 1195 г.: „А оже оубьють Новгородца посла *за моремъ* (т. е. въ нѣмецкой землѣ) или нѣмецкыи посолъ *Новѣгородѣ*, то за ту головоу 20 гривенъ серебра“ (ст 2); „Оже родится тяжа *въ Нѣмцехъ* Новгородцю, любо Нѣмчину *Новѣгородѣ*, то рубежа (т. е. препятствія къ выѣзду) не творити...“ (ст. 11) и др.;

Изъ договора 1270 г.: „Если Новгородецъ сдѣлаетъ долгъ въ *Готландіи*, то его нельзя посадить въ погребъ (т. е. тюрьму); равнымъ образомъ не должно дѣлать сего въ *Новѣгородѣ* Нѣмцамъ или Готландцамъ...“ (ст. 10); „Если Новгородскій посолъ будетъ убитъ *за моремъ*, то за него должно заплатить 20 марокъ серебра; такъ и за Нѣмецкаго посла въ *Новѣгородѣ и его области* платится столько же“ (ст. 22);

Изъ догов. 1229—30 г. „Аже боудѣте холъпъ оубить, 1 гривна серьбра заплатити: оу Смольнѣскь, тако платити и оу Ризе и на Готскомь берьзѣ" (ст. 2); „Аже кого оуранять, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте без вѣка (т. е. безъ увѣчья): тако платити *оу Смолѣнеске и оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ*" (ст. 7) и мног. др.

Если ко всѣмъ приведеннымъ цитатамъ мы присоединимъ, наконецъ, то весьма опредѣленное указаніе, которое находится въ концѣ рижской редакціи договора 1229—30 г., а именно: „*Таже правда* (т. е. постановленія договора) *буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ и Нѣмчичю въ Смольньскои волости и въ Полотьской и въ Витебьской*", то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что обозрѣваемые договоры въ равной степени опредѣляли какъ положеніе нѣмцевъ въ русскихъ областяхъ, такъ и положеніе русскихъ въ нѣмецкихъ земляхъ, т. е. дѣйствовали и примѣнялись одинаково на территоріяхъ обоихъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, *какое*, какого народа, право содержится въ разсмотрѣнныхъ нами договорахъ. Мы уже знаемъ, что древніе международные договоры, предназначенные служить руководствомъ для опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей и для разбора взаимныхъ жалобъ и споровъ, представляютъ собою по общему правилу результатъ соглашенія или компромисса права двухъ народовъ, а потому въ нихъ не слѣдуетъ искать юридическихъ нормъ того или другого народа въ чистомъ ихъ видѣ. Выводъ этотъ подлежитъ, однако, значительному ограниченію по отношенію къ договорамъ русскихъ съ нѣмцами. Дѣло въ томъ, что у народовъ, стоящихъ на одной или близкой ступени культурнаго развитія, правовыя нормы не представляютъ существенныхъ отличій; русскіе же и нѣмцы въ XII и XIII вв. стояли въ культурномъ и правовомъ отношеніи почти на одномъ уровнѣ. Вотъ почему право договоровъ съ нѣмцами, т. е. юридическія нормы, содержащіяся въ нихъ, почти тождественно съ русскимъ обычнымъ правомъ того времени.

Что русскіе стойко оберегали нормы своего обычнаго права и нелегко уступали требованіямъ нѣмцевъ и ихъ права, это видно изъ сличенія новгородскаго договора 1270 г. съ тѣмъ проектомъ, который нѣсколько ранѣе 1270-го г. нѣмецкіе города предложили новгородцамъ и который, писанный на латинскомъ языкѣ, сохранился въ архивѣ гор. Любека [1]). Такъ, въ проектѣ устанавливаются различныя наказанія за воровство, смотря по цѣнѣ украденнаго, и между прочимъ въ одномъ случаѣ (за кражу вещи стоимостью свыше $1/2$ гривны кунъ) назначается наказаніе розгами съ заклейменіемъ щеки (virgis decorietur et ad maxillam cauteria-

---

[1]) Проектъ этотъ напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ договору 1270 г. въ названномъ выше изданіи И. Е Андреевскаго.

bitur) и взысканіе съ вора 10-ти гривенъ серебра, а въ другомъ (при кражѣ вещи стоимостью свыше полугривны серебра)—смертная казнь. Но такъ какъ древнему русскому праву было несвойственно подобное рѣзкое различіе наказаній по цѣнѣ украденнаго [1]) и во всякомъ случаѣ этому праву неизвѣстны добавочное (сверхъ денежнаго штрафа и вознагражденія потерпѣвшаго) уголовное наказаніе за кражу, а равно указанные виды этого послѣдняго (наказанія болѣзненныя, членовредительныя и смертная казнь впервые упоминаются русскими законодательными памятниками лишь въ концѣ XIV в.), то новгородцы не приняли упомянутой статьи проекта: соотвѣтствующая статья договора 1270 г. (ст. 3) довольствуется лишь лаконическимъ указаніемъ, что преступникъ долженъ быть судимъ „по его пошлинѣ", т. е. по закону своего народа. Въ нѣкоторыхъ же другихъ случаяхъ противорѣчія между нѣмецкимъ и русскимъ правомъ это послѣднее беретъ явный перевѣсъ, какъ, напр., въ 17-й ст. договора 1229 г., о прелюбодѣяніи: здѣсь назначенъ штрафъ въ 10 гривенъ серебра, между тѣмъ какъ по средневѣковому нѣмецкому праву, какъ это видно изъ Саксонскаго Зерцала, прелюбодѣяніе наказывалось смертной казнью (обезглавленіемъ). Наконецъ, благодаря тому обстоятельству, что до насъ дошло два памятника, современныхъ нашимъ договорамъ: одинъ русскій—Русская Правда, а другой нѣмецкій—такъ называемая Новгородская скра XIII в. [2]),—мы имѣемъ возможность еще съ большей точностью опредѣлить мѣру вліянія въ договорахъ нѣмецкаго права на русское. А именно, сличая договоры 1195, 1229 и 1270 гг. съ Русской Правдой и Новгородской скрой XIII в., можно наглядно убѣдиться въ справедливости того, что право названныхъ договоровъ почти тождественно съ обычнымъ правомъ, господствовавшимъ въ XII и XIII в.в. во всей Руси, говоримъ *почти* потому, что нѣкоторое, впрочемъ довольно слабое, вліяніе права нѣмецкаго все-таки замѣчается въ этихъ договорахъ.

Указанная черта договоровъ съ нѣмцами (почти полное тождество права этихъ договоровъ съ правомъ русскимъ) составляетъ не только ихъ

---

[1]) Правда, слѣды нѣкоторой, но не столь рѣзко проведенной, матеріальной оцѣнки преступленія находятся и въ Русской Правдѣ, но тамъ, однако, цѣнность украденнаго не является единственнымъ масштабомъ для опредѣленія тяжести татьбы и наказанія за нее.

[2]) *Скрами* назывались нѣкоторыя изъ тѣхъ обязательныхъ постановленій (статутовъ), которыя составлялись на съѣздахъ или собраніяхъ (на такъ назыв. ганзатагахъ) представителей различныхъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, происходившихъ въ г. Любекѣ для обсужденія внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Ганзейскаго союза. Упомянутая скра составлена была въ Любекѣ для Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ въ XIII в. и позже неоднократно дополнялась. Какъ эта древнѣйшая скра, такъ и позднѣйшія прибавленія къ ней напечатаны (съ переводомъ) въ приложеніи къ изслѣдованію проф. Андреевскаго о договорѣ 1270 г.

отличіе отъ договоровъ съ греками, но и прямое ихъ преимущество предъ этими послѣдними. Вотъ почему договоры съ нѣмцами еще важнѣе договоровъ съ греками, и вотъ почему первые изъ нихъ имѣютъ значеніе прямыхъ и непосредственныхъ источниковъ древне-русскаго права,—права, которое не только примѣнялось въ международныхъ сношеніяхъ, но и дѣйствовало внутри Россіи.

III. Договоры, опредѣляющіе внутреннія государственныя отношенія.

1. Предварительныя замѣчанія. Кромѣ договоровъ русскихъ князей и земель съ сосѣдними народами—греками и нѣмцами,—договоровъ, являющихся международными трактатами въ точномъ смыслѣ, до насъ также дошло значительное количество договоровъ, заключенныхъ внутри русскаго государства между отдѣльными составными его элементами съ цѣлью опредѣлить внутреннія государственныя отношенія. Таковы—договоры отдѣльныхъ русскихъ земель или волостей съ русскими князьями и договоры этихъ послѣднихъ между собою. И тѣ и другіе являются весьма важными и при томъ единственными законодательными памятниками государственнаго права. Но, заключая въ себѣ важный матеріалъ для исторіи государственнаго права и отчасти процесса, договоры русскихъ земель съ князьями, а равно и междукняжескіе, которые во многихъ отношеніяхъ приближаются къ типу международныхъ сдѣлокъ, не даютъ однако ничего или даютъ очень мало для исторіи другихъ сторонъ права, а потому, въ смыслѣ памятниковъ права вообще, договоры эти не имѣютъ для насъ такого значенія, какое представляютъ договоры со иностранцами (съ греками и особенно съ нѣмцами), содержаніе которыхъ и богаче и разнообразнѣе. Кромѣ того, хотя составленіе названныхъ договоровъ вошло въ обычай еще съ XII в., тѣмъ не менѣе большинство изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ этого рода и въ томъ числѣ всѣ сохранившіеся договоры междукняжескіе по времени своего появленія выходятъ за предѣлы 1-го періода и относятся уже къ слѣдующему періоду.

2. Договоры русскихъ земель съ своими князьями. Территорія русскаго государства дѣлилась въ древній періодъ на самостоятельныя государственныя единицы—*земли*, представлявшія собою союзъ волостей и пригородовъ, во главѣ которыхъ стоялъ старшій городъ (земли: Кіевская, Полоцкая, Новгородская, Сѣверская, Ростовско-Суздальская и др.). Верховная власть въ каждой такой землѣ принадлежала князю (съ его боярской думой) и вѣчу. Княжеская власть или переходила по наслѣдству, отъ одного члена княжескаго рода данной земли къ другому, по порядку стар-

шинства, но всякій разъ съ согласія народа, или же она пріобрѣталась, независимо отъ начала наслѣдственнаго преемства, исключительно въ силу народнаго избранія (б. ч. пожизненнаго); послѣдній способъ пріобрѣтенія княжеской власти съ XII вѣка сдѣлался господствующимъ. Каждая земля при избраніи новаго князя заключала съ нимъ рядъ или порядъ, т. е. договоръ, опредѣлявшій условія, на которыхъ народъ предоставлялъ своему избраннику княжескую власть, и этотъ договоръ скрѣплялся взаимной присягой народа и новаго князя.

Первое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое подробное лѣтописное извѣстіе о такомъ рядѣ относится къ 1146 г., когда, за смертью Всеволода Ольговича, былъ избранъ, по просьбѣ этого послѣдняго, княземъ кіевскимъ его братъ Игорь. Изъ этого лѣтописнаго разсказа мы узнаемъ, что рядъ былъ заключенъ на вѣчѣ и состоялъ въ томъ, что князь Игорь черезъ своего брата и уполномоченнаго—Святослава Ольговича, принялъ условія (о смѣщеніи прежнихъ тіуновъ и водвореніи правосудія), предложенныя кіевлянами, а эти послѣдніе, въ свою очередь, обѣщали не измѣнять новому князю („и на томъ цѣловаша вси Кіяне хрестъ и съ дѣтьми, оже подъ Игоремъ не льстити“); состоявшійся договоръ былъ скрѣпленъ взаимнымъ крестнымъ цѣлованіемъ народа и Святослава (послѣдній присягалъ: „азъ цѣлую крестъ съ братомъ своимъ, яко не будеть вы насилья никоторого же, а се вамъ и тіунъ, а по вашей воли“), а затѣмъ соглашеніе Святослава съ народомъ принято было и кн. Игоремъ и подтверждено его присягою („Игорь же... цѣлова къ нимъ—т. е. кіевлянамъ—крестъ на всей ихъ воли и на братьни“).

Насколько рядъ народа со всякимъ новымъ княземъ считался не только обычнымъ, но и необходимымъ актомъ, это лучше всего видно изъ другого лѣтописнаго разсказа. Когда въ 1154 г. умеръ кіевскій князь Изяславъ, а вскорѣ затѣмъ скончался его дядя и соправитель Вячеславъ, то племянникъ послѣдняго Ростиславъ Мстиславичъ, избранный кіевлянами въ князья еще при жизни своего дяди (на мѣсто умершаго Изяслава), хотѣлъ было тотчасъ же послѣ похоронъ Вячеслава продолжать прерванный его смертью походъ противъ суздальскаго князя Юрія и его союзниковъ (черниговскихъ князей) и съ этой цѣлью прибылъ уже къ войску; бояре (мужи), однако, сочли нужнымъ предостеречь неопытнаго князя и посовѣтовали ему возвратиться въ Кіевъ для заключенія ряда съ народомъ: „се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, *а ты ся еси еще съ людми Кіевъ неутвердилъ;* а поѣди лепле въ Кіевъ, то же *съ людми утвердися*“. Кромѣ того, имѣются указанія, что князья заключали рядъ съ народомъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда они приглашались на княженье самимъ народомъ, но даже и тогда, когда они занимали столъ независимо отъ воли народа и даже вопреки ей. Такъ, напр., Густынская лѣтопись сообщаетъ слѣдующій фактъ: когда въ 1199 г. князь Романъ Мстиславичъ пожелалъ занять вакант-

ный, за смертью кн. Владиміра, столъ въ Галичѣ, а галичане этому воспротивились, то предпріимчивый князь добился своей цѣли силою оружія; однако, побѣдивъ галичанъ и „сѣдъ на княжствѣ", Романъ все-таки „Галичанамъ цѣлова крестъ, еже любити ихъ и никого же обидѣти". Ясно такимъ образомъ, что князья хорошо понимали, что безъ обычнаго ряда или поряда съ народомъ имъ трудно было расчитывать на продолжительное и спокойное обладаніе властью.

Неизвѣстно, излагались ли древнѣйшіе договоры народа съ своими князьями въ письменной формѣ, или, быть можетъ, договоры эти, оставаясь устными (какъ упомянутый рядъ кіевлянъ съ кн. Игоремъ), вполнѣ довольствовались однимъ лишь скрѣпленіемъ ихъ взаимной присягой договаривающихся сторонъ; послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно. Можно думать, однако, что уже съ конца XII в. стало входить въ обычай изложеніе княжескихъ рядовъ въ письменной формѣ. Къ этому заключенію приводитъ лѣтописное извѣстіе о договорѣ Ярополка Ростиславича съ владимірцами, составленномъ въ 1175 г. по поводу признанія ими Ярополка своимъ княземъ: рядъ былъ не только записанъ, но и положенъ на храненіе въ соборную церковь св. Богородицы. Но ни этотъ древнѣйшій изъ письменныхъ рядовъ, ни другіе подобные же договоры XII и первой половины XIII в. до насъ не дошли. Поэтому о содержаніи ихъ мы можемъ судить лишь приблизительно, тѣмъ болѣе, что лѣтописныя извѣстія о договорахъ этого рода по большей части весьма кратки и обыкновенно сводятся лишь къ указанію на взаимную присягу народа и новаго князя, которою скрѣплялся предшествовавшій ей договоръ; если же изрѣдка и упоминаются въ лѣтописяхъ условія происшедшаго соглашенія, то, къ сожалѣнію, только въ общихъ или неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Повидимому, содержаніе всѣхъ этихъ рядовъ было весьма несложно: оно ограничивалось взаимнымъ обязательствомъ народа и князя не дѣлать другъ другу зла, къ каковому обязательству обыкновенно присоединялось нѣсколько частныхъ условій, предложенныхъ народомъ и принятыхъ княземъ, которыя имѣли въ виду предупредить какія-либо злоупотребленія и вообще нарушеніе старины или пошлины въ области суда и управленія,—старины, во всякомъ случаѣ обязательной для князя такъ же, какъ и для народа.

Изъ всего весьма значительнаго, какъ слѣдуетъ предполагать, количества рядовъ князей съ народомъ до нашего времени дошли только договоры одного Новгорода съ своими князьями и то, очевидно, далеко не всѣ, такъ какъ древнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ относится лишь ко второй половинѣ XIII в., а именно къ 1265 г. Всѣхъ договорныхъ грамотъ Новгорода, заключенныхъ имъ какъ съ тѣми князьями, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ на княженіе, такъ и съ сосѣдними князьями и государствами, дошло около 25-ти (напечатаны онѣ преимущественно въ 1-мъ томѣ „Со-

бранія Госуд. грамотъ и договоровъ", а также въ „Актахъ Археогр. Экспедиціи", „Актахъ Историческихъ" и „Актахъ Западн. Россіи". Изъ этого числа 5 договоровъ заключено новгородцами съ вел. кн. московскими (древнѣйшій изъ нихъ относится къ 1372 г.), 1—съ литовскимъ вел. кн. Свидригайломъ (1431 г.), 2—съ вел. кн. литовскимъ и королемъ польскимъ Казиміромъ (около 1440 и въ 1470—71 гг.) и всѣ остальные, а въ томъ числѣ и наиболѣе древніе, съ вел. кн. тверскими (самый ранній изъ этихъ договоровъ, а именно договоръ съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ, относится къ 1265 г.).

По формѣ своей ряды новгородцевъ съ князьями не отличаются отъ другихъ извѣстныхъ намъ договорныхъ грамотъ: они состоятъ изъ трехъ обычныхъ частей,—вступленія, статей и заключенія; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключенія вовсе нѣтъ, въ другихъ же вслѣдъ за этимъ послѣднимъ идутъ еще добавочныя статьи. Что же касается содержанія, то большинство изъ перечисленныхъ договоровъ составлено по поводу призванія Новгородомъ къ себѣ на княженіе того или другого князя и состоитъ поэтому изъ опредѣленія его правъ и обязанностей; другая же, меньшая, часть новгородскихъ грамотъ представляетъ собою не что иное, какъ или трактаты Новгорода съ сосѣдними вел. князьями объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, или же договоры о рубежахъ, т. е. границахъ, и вообще о пограничныхъ дѣлахъ.

Въ договорныхъ грамотахъ новгородцевъ съ избираемыми ими князьями опредѣляются взаимныя отношенія между двумя составными элементами верховной власти—вѣчемъ и княземъ. Договоры эти, относящіеся къ XIII, XIV и XV вв. и скрѣпленные обоюдной присягой сторонъ и цѣлованіемъ креста, устанавливаютъ, съ одной стороны, фактъ признанія новгородцами даннаго князя своимъ княземъ, а, съ другой, опредѣляютъ его права и обязанности. Въ послѣднемъ случаѣ главное вниманіе удѣлено изложенію ограниченій законодательной, административной и судебной власти новгородскаго князя, которую онъ долженъ раздѣлять съ посадникомъ; сверхъ того договоры содержатъ въ себѣ опредѣленіе дохода князя и его чиновниковъ и нѣкоторыя частныя постановленія о производствѣ суда. Этимъ исчерпывается все содержаніе договорныхъ грамотъ Новгорода съ своими князьями, такъ какъ о различныхъ вопросахъ матеріальнаго гражданскаго и уголовнаго права въ этихъ грамотахъ не говорится ничего, а о процессѣ весьма мало. Послѣднее обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что всѣ перечисленные вопросы находили отвѣтъ въ существовавшей и выработанной вѣками системѣ мѣстнаго новгородскаго обычнаго права, въ той новгородской старинѣ и пошлинѣ, соблюденіе которой новгородцы въ рядахъ своихъ съ приглашенными князьями вмѣняли имъ въ непремѣнную обязанность: „Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ". Такимъ образомъ

весь интересъ разсматриваемыхъ договоровъ заключается въ томъ, что они въ значительной степени уясняютъ намъ особенности Новгородскаго государственнаго устройства.

3. Договоры русскихъ князей между собою. Подобно тому, какъ народъ каждой древне-русской земли опредѣлялъ права и обязанности своего князя путемъ договора съ нимъ, также точно князья отдѣльныхъ русскихъ земель или областей прибѣгали къ формѣ ряда или договора для опредѣленія своихъ взаимныхъ отношеній. Отношенія же между собою владѣтельныхъ русскихъ князей, какъ представителей самостоятельныхъ государственныхъ единицъ—земель или областей, въ сущности мало чѣмъ отличались отъ международныхъ отношеній, т. е. такихъ, какія существуютъ между различными независимыми другъ отъ друга иноземными государствами и ихъ правителями, а потому междукняжескіе договоры или ряды съ нѣкоторымъ основаніемъ могутъ быть отнесены къ числу международныхъ трактатовъ. Договоры эти, называвшіеся сначала крестными грамотами, а позже рядами, цѣлованьемъ, докончаньемъ, „миромъ и любовью“, представляютъ собою мирные или союзные трактаты, заключенные различными русскими князьями между собою съ цѣлью прекратить или предупредить междоусобныя войны и вообще опредѣлить свои взаимныя отношенія.

По свидѣтельству лѣтописи, междукняжескіе договоры и при томъ въ письменной формѣ заключались еще въ XII и XIII вв. и тогда назывались обыкновенно „крестными грамотами“. Но эти древнѣйшіе договоры до насъ не дошли: самый ранній изъ сохранившихся договоровъ этого рода относится лишь къ первой половинѣ XIV в. Въ XIV вѣкѣ Сѣверо-восточная Русь [1]) дѣлилась на два вѣчевыхъ государства (Новгородъ и Псковъ), три великихъ княжества (Московское, Тверское и Рязанское) и множество удѣльныхъ. Несмотря на независимость одного отъ другого всѣхъ перечисленныхъ княжествъ, несмотря на то, что въ дѣлахъ внутренняго управленія и вообще въ своемъ удѣлѣ всякій владѣтельный князь былъ вполнѣ самостоятеленъ, тѣмъ не менѣе сѣверно русскіе князья ясно сознавали потребность въ извѣстномъ единеніи между собою и стремились къ нему: къ этому побуждали и внѣшняя политика и общія нужды, связанныя съ нѣкоторыми вопросами внутренняго управленія. Эта то потребность въ единеніи между собою, потребность въ извѣстнаго рода союзныхъ дѣйствіяхъ и побуждала древне-русскихъ князей вступать

---

[1]) Кромѣ договоровъ сѣверно-русскихъ князей, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, до насъ отъ конца XIV в. дошло также нѣсколько договоровъ западно-русскихъ или литовскихъ князей, но всѣ эти договоры (за исключеніемъ договора Ольгерда съ Кейстутомъ, 1372 г.) касаются лишь „послушанія“ и „службы“ различныхъ литовско-русск. (въ томъ числѣ и смоленскихъ) князей вел. кн. Ягеллѣ, избранному въ 1385 г. королемъ польскимъ.

другъ съ другомъ въ договорныя отношенія. Благодаря этому обстоятельству, въ періодъ съ XII до первой половины XVI в. было составлено, какъ о томъ можно судить по лѣтописнымъ извѣстіямъ, огромное количество договоровъ, заключенныхъ великими князьями какъ другъ съ другомъ, такъ и съ удѣльными, а равно этими послѣдними между собою. Но изъ всего этого огромнаго количества дошло до нашего времени сравнительно не много, а именно не болѣе 60—70-ти договоровъ, которые и напечатаны въ различныхъ изданіяхъ, главнымъ же образомъ въ 1-мъ томѣ Румянцевскаго „Собранія государств. грамотъ и договоровъ".

Всѣ сохранившіеся междукняжескіе договоры, за исключеніемъ лишь 8-ми, составленныхъ безъ участія вел. князей московскихъ (а именно: между князьями рязанскими, суздальскими, можайскими и серпуховскими, съ одной стороны, и рязанскими же, можайскими, галицкими и вел. кн. литовскимъ Витовтомъ, съ другой), заключены этими послѣдними съ своими (московскими же) удѣльными князьями, а также съ вел. князьями рязанскими, тверскими и литовскими. Изъ этихъ договоровъ древнѣйшій относится къ 1341 г. (онъ составленъ послѣ смерти вел. кн. Ивана Калиты его сыновьями; Симеономъ, Иваномъ и Андреемъ), а самый поздній къ 1531 г. Только-что названный договоръ былъ и въ дѣйствительности послѣднимъ изъ междукняжескихъ договоровъ: онъ былъ заключенъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ (отцомъ царя Іоанна IV) съ своими братьями (Юріемъ и Андреемъ), которые были послѣдними на Руси удѣльными князьями.

Способъ составленія или написанія междукняжескихъ договоровъ былъ довольно разнообразенъ: или весь договоръ, т. е. перечень правъ и обязанностей договаривающихся князей, излагался въ одной общей грамотѣ, отъ имени обѣихъ сторонъ (на ней и происходило крестное цѣлованіе этихъ послѣднихъ); или договоръ облекался въ форму двухъ отдѣльныхъ грамотъ, изъ которыхъ первая представляла собою перечень обязательствъ одной, а вторая – другой изъ договаривающихся сторонъ; или, наконецъ, договоръ составлялся также въ формѣ двойныхъ грамотъ, но уже такъ, что каждая изъ нихъ, хотя и писалась отъ имени одной лишь данной стороны, представляла однако собою полный договоръ, т. е. заключала въ себѣ перечень обязательствъ не одной только, а обѣихъ договаривающихся сторонъ. Два послѣднихъ способа составленія междукняжескихъ договоровъ (въ обоихъ случаяхъ стороны послѣ крестнаго цѣлованія обмѣнивались грамотами) практиковался чаще перваго. Это объясняется, конечно, какъ желаніемъ каждой изъ сторонъ имѣть въ своихъ рукахъ подлинникъ обязательства противной стороны, такъ равно и тѣмъ, что договаривающіеся князья при составленіи договора и его подтвержденіи (крестномъ цѣлованіи) обыкновенно находились не въ одномъ, а въ различныхъ мѣстахъ.

Междукняжескіе договоры, подобно другимъ разсмотрѣннымъ нами договорамъ, состоятъ обыкновенно изъ трехъ составныхъ частей: 1) введенія, гдѣ обозначаются имена князей, заключившихъ между собою договоръ; 2) договорныхъ пунктовъ, т. е. перечня взаимныхъ правъ и обязанностей обѣихъ сторонъ (или обязанностей каждой изъ договаривающихся сторонъ), при чемъ статьи договора идутъ безъ всякой нумераціи, и 3) заключенія, гдѣ упоминается о скрѣпленіи договора взаимнымъ крестнымъ цѣлованьемъ, а также указывается (но не всегда) мѣсто и время составленія договора.

Несмотря на нѣкоторыя отличія, которыя замѣчаются при сравненіи договоровъ, заключенныхъ князьями московскаго дома (великими и удѣльными) между собою, съ договорами этихъ послѣднихъ съ князьями тверскими и рязанскими, содержаніе всѣхъ дошедшихъ до насъ междукняжескихъ договоровъ вообще болѣе или менѣе однообразно. Обыкновенно каждый изъ этихъ договоровъ посвященъ опредѣленію взаимныхъ правъ и обязанностей князей, во 1-хъ, относительно внѣшнихъ сношеній, а, во 2-хъ, касательно ихъ внутреннихъ отношеній. Первую категорію договорныхъ пунктовъ составляютъ условія, направленныя къ установленію полнаго единенія въ области внѣшней политики; сюда въ частности относятся условія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) объ отношеніяхъ договаривающихся сторонъ къ другимъ князьямъ, не участвовавшимъ въ заключеніи даннаго союзнаго договора, или, иными словами, условія по вопросу о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ относительно заключенія новыхъ союзовъ; 2) о порядкѣ сношеній съ Ордой и уплаты ей дани, и 3) о полномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ договаривающихся на случай войны, т. е. о взаимной военной помощи. Къ числу постановленій второй категоріи, т. е. посвященныхъ опредѣленію взаимныхъ правъ и обязанностей въ сферѣ внутреннихъ отношеній, относятся правила, гарантирующія неприкосновенность владѣній договаривающихся князей, ихъ наслѣдственныя права на свои удѣлы и, наконецъ, ихъ полную самостоятельность и независимость въ дѣлахъ внутренняго управленія и суда. Кромѣ общихъ положеній, направленныхъ къ подтвержденію независимости князей одного отъ другого въ своихъ владѣніяхъ, а равно ихъ союза мира и любви, мы въ междукняжескихъ договорахъ находимъ не мало болѣе подробныхъ правилъ, опредѣляющихъ детально взаимныя отношенія князей въ области внутреннихъ отношеній и касающихся различныхъ сторонъ не только публичнаго, но и частнаго права. Сюда принадлежатъ прежде всего статьи договоровъ, относящіяся къ судоустройству и судопроизводству, а именно: a) объ общемъ или третейскомъ судѣ для рѣшенія распрей между князьями (и подданными различныхъ князей), b) о выдачѣ преступниковъ, должниковъ и холоповъ, c) объ исковой давности, d) объ однообразіи судебныхъ пошлинъ и e) о ненарушимости судебныхъ рѣшеній. Сюда же относятся затѣмъ: a) правила

относительно вотчинъ однихъ князей (и ихъ бояръ) въ предѣлахъ владѣній другихъ, b) постановленія о правахъ служилыхъ князей, бояръ и вольныхъ слугъ и c) постановленія о правахъ торговыхъ людей и торговыхъ пошлинахъ и нѣкот. др.

Таково вкратцѣ содержаніе междукняжескихъ договоровъ, прекрасно уясняющихъ намъ взаимныя отношенія русскихъ владѣтельныхъ князей, ихъ взаимныя права и обязанности, съ древнѣйшихъ временъ до полнаго установленія единодержавія, и дающихъ обильный матеріалъ особенно для исторіи государственнаго права. Что же касается оцѣнки междукняжескихъ договоровъ съ точки зрѣнія ихъ источниковъ, то вообще довольно трудно сказать, въ какой мѣрѣ постановленія этихъ договоровъ заимствованы изъ дѣйствовавшаго тогда обычнаго права и въ какой созданы путемъ взаимнаго соглашенія князей.

ГЛАВА III.

Церковные уставы.

Единственные памятники уставной дѣятельности древнѣйшихъ русскихъ князей сохранились въ видѣ церковныхъ уставовъ, которые, впрочемъ, дошли до насъ не въ подлинникахъ, а лишь въ многочисленныхъ спискахъ позднѣйшаго происхожденія. Подъ церковными уставами разумѣются акты, опредѣляющіе положеніе церкви и духовенства среди свѣтскаго общества, предоставляющіе средства для ихъ содержанія и указывающіе предѣлы церковнаго суда по предметамъ и лицамъ. Своимъ появленіемъ эти законодательные акты обязаны тому важному событію, которое произошло въ первые же вѣка историческаго существованія Россіи и которое вмѣстѣ съ тѣмъ произвело крупный переворотъ въ жизни русскаго народа и его правосознаніи. Такимъ событіемъ было принятіе русскими въ концѣ X вѣка христіанской вѣры. Съ принятіемъ христіанства, возникло въ нашемъ отечествѣ новое юридическое лицо—христіанская церковь, съ своими давно установившимися церковными или каноническими правилами и съ многочисленными представителями въ лицѣ епископовъ, священниковъ и т. д., короче—духовенства, положеніе, т. е. права и обязанности, котораго среди русскаго общества необходимо было выяснить и опредѣлить посредствомъ особыхъ новосозданныхъ законовъ. Съ другой стороны, многое, что дотолѣ считалось правомѣрнымъ, вполнѣ законнымъ, наприм., умыканіе женъ, многоженство, наложничество, различные языческіе обряды и т. под., съ принятіемъ христіанства, не только не могло совмѣщаться съ этимъ послѣднимъ, но съ христіанской точки зрѣнія должно было уже разсматриваться, какъ нѣчто нетерпимое, явно преступное, а потому подлежащее искорененію и

наказанію. Прямымъ и вполнѣ естественнымъ результатомъ этого было то, что вся вновь возникшая группа преступленій противъ вѣры, семейнаго права и нравственности была отдана въ вѣдѣніе представителей церкви, т. е. суда церковнаго, такъ какъ представители свѣтской власти и свѣтскаго суда, какъ недавніе еще язычники, не могли считаться компетентными и надежными судьями въ дѣлахъ этого рода. Такъ возникли церковный судъ и необходимость опредѣлить его границы,—обстоятельство, заставившее князей позаботиться объ установленіи соотвѣтствующихъ законовъ въ видѣ церковныхъ уставовъ, которые на ряду съ предѣлами церковнаго суда опредѣляли и положеніе духовенства.

Изъ древнѣйшихъ церковныхъ уставовъ сохранилось до нашего времени *шесть*, которые приписываются или на самомъ дѣлѣ принадлежатъ слѣдующимъ князьямъ: Владиміру св., Ярославу Мудрому, Всеволоду Мстиславичу Новгородскому (два устава: 1125—1136 г. и ок. 1135 г.), Святославу Ольговичу Новгородскому (1137 г.) и Ростиславу Мстиславичу Смоленскому (1150 г.). Ни одинъ изъ этихъ уставовъ не дошелъ до насъ въ оригиналѣ или подлинникѣ, а лишь въ позднѣйшихъ спискахъ, не восходящихъ ранѣе конца XIII в., и притомъ въ спискахъ разнообразныхъ по объему и содержанію.

Подлинность или, точнѣе, достовѣрность всѣхъ названныхъ уставовъ, особенно же первыхъ двухъ, въ большей или меньшей степени заподозрѣна; менѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи опороченъ лишь послѣдній изъ нихъ (уставъ 1150 г.). Отлагая разсмотрѣніе вопроса о достовѣрности этихъ уставовъ до обозрѣнія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, замѣтимъ здѣсь, что какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ, несомнѣнно однако, что сохранившіеся церковные уставы являются, во 1-хъ, памятниками безспорно древняго происхожденія, т. е. составленными во всякомъ случаѣ не позже XII или XIII в., а во 2-хъ, памятниками юридическими, т. е. такими, которые были составлены для примѣненія ихъ въ юридической жизни, а слѣдовательно имѣли въ свое время важное практическое значеніе. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія науки исторіи права обозрѣваемые церковные уставы во всякомъ случаѣ не теряютъ своего значенія, а представляютъ большой интересъ въ качествѣ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ практикой церковнаго суда и предѣлами этого суда въ древней Руси.

По пространству ихъ дѣйствія всѣ дошедшіе до насъ и перечисленные выше церковные уставы можно раздѣлить на двѣ группы: на *общіе* и *мѣстные* или областные. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести два древнѣйшихъ устава, приписываемыхъ Владиміру св. и Ярославу, такъ какъ уставы эти пользовались авторитетомъ не въ одной только Кіевской области, но, повидимому, повсемѣстно на Руси, а ко второй всѣ прочіе названные выше

уставы, изданные Всеволодомъ и Святославомъ, князьями новгородскими, и Ростиславомъ, княземъ смоленскимъ.

I. Общіе церковные уставы.

1. Церковный уставъ, приписываемый Владиміру Св. Уставъ Владиміра св. о церковыхъ судахъ, если онъ дѣйствительно принадлежитъ этому князю, является старѣйшимъ изъ церковныхъ уставовъ и по времени своего составленія долженъ быть отнесенъ къ концу X-го или къ началу XI в. (Владиміръ св. скончался въ 1015 г.).

Списки этого устава и ихъ классификація. Уставъ, приписываемый Владиміру св., дошелъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а лишь въ многочисленныхъ и разновременныхъ спискахъ. Весьма большое количество этихъ списковъ найдено главнымъ образомъ въ Кормчихъ книгахъ, а затѣмъ въ лѣтописяхъ и различныхъ сборникахъ. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ, представляющій собою такъ называемую пространную редакцію устава, относится ко 2-ой половинѣ XIII в. и находится въ Кормчей, написанной (между 1276 и 1294 г.) для Новгородскаго Софійскаго собора и находящейся нынѣ въ Московской синодальной библіотекѣ. Остальные извѣстные въ настоящее время списки относятся къ болѣе позднему времени: къ концу XV в., къ XVI и XVII вв. Всѣ сохранившіеся списки представляютъ массу варіантовъ и отличаются другъ отъ друга не только изложеніемъ, но и объемомъ своего содержанія; это разнообразіе списковъ столь велико, что, по замѣчанію проф. Голубинскаго, почти нѣтъ двухъ списковъ, которые были бы дословно сходны между собою. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ мелкіе и частные варіанты и принимая во вниманіе лишь болѣе важныя отличія (преимущественно различіе по объему), существующія между отдѣльными списками устава, эти послѣдніе можно раздѣлить на двѣ или три группы по числу основныхъ редакцій устава. Такихъ основныхъ редакцій историки церкви (преосвящ. Макарій и проф. Голубинскій) насчитываютъ *три* (краткую, среднюю и пространную или, иначе, древнѣйшую и двѣ позднѣйшихъ), изъ которыхъ историки права (Неволинъ, Калачовъ, проф. В.-Будановъ и проф. Сергѣевичъ) принимаютъ лишь *двѣ*: краткую и пространную. Какая изъ этихъ двухъ редакцій была прототипомъ устава, т. е. составлена раньше, на этотъ вопросъ, при отсутствіи прочныхъ данныхъ, трудно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что и въ литературѣ на этотъ счетъ не существуетъ единогласнаго мнѣнія. Такъ, преосв. Макарій и проф. Голубинскій утверждаютъ, что пространная редакція, сохранившаяся въ болѣе древнихъ спискахъ, была составлена раньше, и что уже изъ этой послѣдней и притомъ значительно позже была извлечена краткая редакція: Неволинъ

же и нѣкоторые др. изслѣдователи (м. проч. проф. В.-Будановъ), напротивъ, полагаютъ, что прототипомъ устава была редакція краткая, и что только эта редакція можетъ быть сколько-нибудь основательно приписана св. Владиміру. Послѣднее предположеніе, повидимому, болѣе правдоподобно.

Что касается печатныхъ изданій обозрѣваемаго памятника, то впервые онъ появился въ печати еще въ прошломъ вѣкѣ, а именно въ 1780 г., въ 3-й части „Дневныхъ записокъ" И. Лепехина (здѣсь напечатанъ одинъ изъ позднѣйшихъ и наименѣе цѣнныхъ списковъ) и въ 1788 г. въ „Древней Росс. Вивліоѳикѣ" (2-е изд., ч. 6-я). Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, т. е. въ теченіе почти столѣтія [1]), онъ былъ изданъ еще 14 разъ. Лучшія изданія краткой редакціи этого устава принадлежатъ: 1) митрополиту Евгенію въ его „Описаніи Кіево-Софійскаго собора" (1825 г.) и 2) проф. В.-Буданову въ 1 вып. его Христоматіи (текстъ перепечатанъ изъ предыдущаго изданія). Лучшій же текстъ пространной редакціи былъ напечатанъ Карамзинымъ (въ прим. 506 къ 1 т. его Исторіи), а затѣмъ (1846 г.) въ „Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ" (т. 1, № 1); новѣйшее (1880 г.) и вполнѣ научное изданіе того же текста принадлежитъ проф. Е. Голубинскому (въ прилож. къ 1-й полов. 1 тома его „Исторіи русской церкви", стр. 529—535).

Вопросъ о подлинности или достовѣрности устава, приписываемаго св. Владиміру. Появившійся въ печати болѣе ста лѣтъ тому назадъ, уставъ этотъ при первомъ же научномъ изслѣдованіи его Карамзинымъ въ 1-й четверти нашего столѣтія вызвалъ сомнѣніе въ подлинности его. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней оживленные дебаты по этому вопросу не прекращаются. Всѣ существующія мнѣнія изслѣдователей о подлинности этого устава можно раздѣлить на три категоріи. Одни изъ изслѣдователей, напр. преосв. Макарій, не сомнѣваются въ подлинности устава, горячо защищаютъ его и полагаютъ, что одна изъ редакцій (по мнѣнію преосв. Макарія—пространная) дошедшихъ до насъ списковъ болѣе или менѣе близка къ подлиннику, т. е. къ церковному уставу, дѣйствительно изданному Владиміромъ св. Другіе же, какъ напр. Карамзинъ, а изъ новѣйшихъ изслѣдователей проф. Голубинскій, рѣшительно и категорически отрицаютъ подлинность устава, приписываемаго Владиміру св., а считаютъ этотъ уставъ выдумкой какого-нибудь монаха, позднѣйшимъ поддѣльнымъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу неизвѣстнаго автора. Третьи, наконецъ, какъ напр. Неволинъ и Калачовъ (а изъ современныхъ намъ ученыхъ проф. В.-Будановъ и проф. Сергѣевичъ), не раздѣляя увлеченій изслѣдователей первой и второй категоріи, придерживаются, такъ сказать, средняго мнѣнія, т. е.

---

[1]) Послѣднія по времени изданія принадлежатъ проф. Голубинскому (въ его „Ист. рус. церкви") и г. Троицкому (Чтенія въ общ. любит. дух. просв. 1881 г., № 12).

соглашаются, что неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу подлинности этого устава (и въ частности дошедшихъ до насъ редакцій его) нѣтъ, но въ то же время не видятъ основаній считать этотъ уставъ позднѣйшей поддѣлкой и сомнѣваться въ его древнемъ происхожденіи и практическомъ значеніи и вообще допускаютъ, что преданіе, приписывающее этотъ уставъ св. Владиміру, если не вполнѣ, то до нѣкоторой степени основательно.

Остановимся теперь на доказательствахъ, выставленныхъ изслѣдователями, категорически отрицающими подлинность устава, приписываемаго Владиміру св. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ доводовъ противъ подлинности этого памятника. Во-первыхъ, въ наибольшей части списковъ устава (въ спискахъ пространной редакціи, а въ томъ числѣ и въ спискѣ самомъ древнемъ) сказано, что кн. Владиміръ принялъ крещеніе при константинопольскомъ патріархѣ Фотіи, между тѣмъ Фотій умеръ болѣе чѣмъ за 80 лѣтъ до Владиміра.—Во-вторыхъ, во всѣхъ спискахъ устава говорится о томъ, что Владиміръ даровалъ десятину, т. е. $^1/_{10}$ часть доходовъ, со „всей земли Русской" кіевской церкви Богоматери, или такъ назыв. Десятинной церкви, а далѣе о томъ, что этотъ князь предоставилъ право суда по извѣстнымъ дѣламъ всѣмъ русскимъ епископамъ. Между тѣмъ извѣстно, что десятина дана была не одной упомянутой церкви и даже не одной только митрополіи (Кіевской), но всѣмъ епископіямъ, подобно тому какъ и право суда было предоставлено всѣмъ епископамъ. Непонятное умолчаніе объ этомъ устава и происшедшая отсюда нѣкоторая несообразность объясняются, по мнѣнію г. Голубинскаго, тѣмъ „что позднѣйшіе составители устава не знали о дарованіи Владиміромъ десятины всѣмъ епископіямъ".—Въ-третьихъ, по всѣмъ спискамъ устава, Владиміръ св. предоставляетъ суду епископовъ между прочимъ споры или тяжбы „о задницѣ", т. е. о наслѣдствѣ, а это совершенно противорѣчитъ Русской Правдѣ, по которой (см. ст. 117 Карамз. сп.) судъ по дѣламъ о наслѣдствѣ принадлежитъ самому князю.—Въ-четвертыхъ, наконецъ, въ уставѣ этомъ отсутствуютъ такія постановленія, которыя во времена Владиміра и въ его церковномъ уставѣ должны были бы непремѣнно быть; таково, напр., постановленіе о наказаніи за многоженство, котораго, однако, нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ устава. Отсюда проф. Голубинскій дѣлаетъ выводъ, что разсматриваемый уставъ „явился въ то время, когда языческій обычай двоеженства совсѣмъ вывелся или, по крайней мѣрѣ, сталъ такъ рѣдокъ и незамѣтенъ, что не напоминалъ о себѣ его авторамъ".

На основаніи приведенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ доводовъ, Карамзинъ и послѣдующіе ученые, держащіеся одного съ нимъ мнѣнія, приходятъ къ заключенію, что уставъ, приписываемый св. Владиміру, никогда не былъ издаваемъ этимъ княземъ, а является позднѣйшимъ поддѣльнымъ произведеніемъ, фальсификаціей, авторъ которой воспользовался именемъ

упомянутаго князя. При этомъ нѣкоторые изслѣдователи пытаются даже опредѣлить время и мѣсто появленія этой „фальсификаціи“. Такъ, проф. Голубинскій, на основаніи внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ устава, приписываемаго Владиміру св., относитъ время его составленія къ концу XII или къ XIII в., а касательно мѣста составленія этого устава полагаетъ, что онъ „сочиненъ“ былъ въ сѣверной Руси, а именно во Владимірѣ или Новгородѣ и, вѣроятнѣе, въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ городовъ.

Мы видѣли, какъ разнообразны, даже противорѣчивы мнѣнія изслѣдователей по вопросу о подлинности устава, приписываемаго св. Владиміру. Трудно съ увѣренностью рѣшить, какое изъ приведенныхъ мнѣній наиболѣе правильно. Если бы, однако, необходимо было выбирать одно изъ двухъ крайнихъ мнѣній, т. е. или рѣшительно признающее, или категорически отрицающее подлинность устава, то, конечно, пришлось бы предпочесть послѣднее изъ нихъ, какъ болѣе обоснованное. Можно, впрочемъ, думать, что истина и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, находится посрединѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, трудно допустить, чтобы Владиміръ, крестясь самъ, крестивъ своихъ подданныхъ и учредивъ первыя епископіи, ничего не установилъ относительно положенія церкви въ новомъ обществѣ и относительно церковнаго управленія, а также, чтобы онъ вовсе не опредѣлилъ предѣловъ церковнаго суда, который долженъ былъ возникнуть вслѣдъ за введеніемъ христіанства для рѣшенія всѣхъ такихъ дѣлъ, въ какихъ епископы и вообще духовенство, безспорно, являлись единственными или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе компетентными судьями. Вполнѣ естественно, что съ водвореніемъ христіанства въ Россіи долженъ былъ еще при жизни Владиміра св. возникнуть цѣлый рядъ всякаго рода недоразумѣній и вопросовъ, потребовавшихъ немедленнаго разрѣшенія и разъясненія путемъ закона. Весь вопросъ сводится лишь къ формѣ, въ какой это разъясненіе было дано: оно могло быть и въ словесной формѣ съ ссылкой на тѣ порядки и правила, какіе существовали для подобныхъ случаевъ въ Византіи, но оно могло быть заключено также и въ письменную форму, въ форму закона; по крайней мѣрѣ, ничто на даетъ намъ права думать, что Владиміръ не издавалъ никакихъ законовъ о положеніи церкви и о предѣлахъ церковнаго суда, хотя, конечно, первый подобный законъ могъ опредѣлить лишь только самое существенное. Съ другой стороны, никто изъ вышеупомянутыхъ ученыхъ не отрицаетъ того, что подлинникъ или оригиналъ устава, приписываемаго Владиміру св., до насъ не дошелъ, а сохранились лишь позднѣйшіе списки его, крайне разнообразные по изложенію и объему. Самый же фактъ многочисленности и разнообразія списковъ съ несомнѣнностью доказываетъ—и этого также никто не отвергаетъ,—что первоначальный текстъ (древняго, во всякомъ случаѣ, происхожденія) подвергался разнообразнымъ позднѣйшимъ передѣлкамъ и допол-

неніямъ, сдѣланнымъ, очевидно, не почему-либо другому, а именно подъ вліяніемъ практическихъ потребностей (см. также ниже стр. 93).

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, можно прійти къ слѣдующему выводу. Хотя обозрѣваемый церковный уставъ дошелъ до насъ въ такихъ редакціяхъ, изъ которыхъ безспорно ни одна не можетъ быть приписана Владиміру св., тѣмъ не менѣе въ этомъ уставѣ, на ряду съ добавленіями позднѣйшаго происхожденія, несомнѣнно имѣется также кое-что весьма древнее, современное Владиміру св. и, вѣроятно, принадлежащее этому князю, но *что именно*—сказать съ опредѣленностью нельзя, такъ какъ отдѣлить въ извѣстныхъ намъ спискахъ установленное еще Владиміромъ отъ всего того, что выработано было позднѣйшей практикой, а затѣмъ добавлено къ древнѣйшему тексту въ болѣе позднее время, рѣшительно невозможно.

Содержаніе устава. Весь уставъ, приписываемый Владиміру св., состоитъ въ пространной редакціи изъ трехъ частей: 1) вступленія или предисловія, 2) центральной или установительной части, гдѣ опредѣляются предѣлы церковнаго суда по предметамъ и лицамъ, и 3) заключенія, содержащаго увѣщаніе „не обижать“ суда церковнаго и проклятіе всѣмъ, кто нарушитъ этотъ завѣтъ. Краткая же редакція состоитъ только изъ двухъ частей, такъ какъ въ ней вовсе нѣтъ заключенія.

Во вступленіи древнѣйшаго списка, представляющаго собою пространную редакцію, говорится: 1) о принятіи Владиміромъ христіанства отъ грековъ и о взятіи у нихъ для Кіева перваго митрополита, который крестилъ „всю землю Руськую святымъ крещеньемъ“, 2) о построеніи въ Кіевѣ церкви св. Богородицы, или Десятинной, и о дарованіи ей десятой части доходовъ, 3) о рѣшеніи князя, по совѣщанію съ своей супругой Анной и съ своими дѣтьми, предоставить суду митрополита и всѣхъ епископовъ русской земли дѣла извѣстнаго рода и 4) о настоятельномъ увѣщаніи кн. Владиміра, обращенномъ къ своимъ потомкамъ и чиновникамъ, не вмѣшиваться въ церковныя дѣла и „не обижать“ церковнаго суда. За этимъ вступленіемъ въ древнѣйшемъ (пространномъ) спискѣ начинается часть центральная слѣд. словами: „А се церковніи суди“ ..—Вступленіе краткаго списка значительно короче предыдущаго: въ немъ ничего не говорится о принятіи христіанства, а упоминается лишь, и то въ немногихъ словахъ, о построеніи церкви св. Богородицы въ Кіевѣ и о дарованіи ей десятины, а затѣмъ о рѣшеніи Владиміра, по совѣту съ супругой и дѣтьми, предоставить нѣкоторыя дѣла вѣдѣнію церковнаго суда; это небольшое вступленіе также заканчивается увѣщеніемъ кн. Владиміра „не вступатися... ни въ люди церковные, ни въ суды ихъ“. Кромѣ того, вступленіе краткаго списка ничѣмъ не отдѣлено отъ слѣдующей наиболѣе существенной части устава.

Центральная, или установительная, часть обозрѣваемаго памятника состоитъ, во-первыхъ, изъ перечня дѣлъ, подлежащихъ церковному суду. Такими дѣлами, по уставу (по краткой его редакціи), являются прежде всего слѣдующія: 1) разводъ супруговъ („роспустъ"), 2) тяжбы о приданомъ и др. брачныя дѣла („смильное"), 3) прелюбодѣяніе („заставанье"), 4) драка и вообще ссора супруговъ между собою изъ-за имущества („пошибенье промежу мужемъ и женою о животѣ"), 5) браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства („въ племени или въ сватовствѣ поймутся"), 6) чародѣйство и приготовленіе отравы („вѣдьство и зелійничьство"), 7) попрекъ или обвиненіе („урекань"...) въ непотребствѣ, отравленіи посредствомъ зелья или еретичествѣ и 8) укушеніе въ дракѣ („зубояжа"). Сверхъ перечисленныхъ дѣлъ брачныхъ и преступленій противъ семейнаго права, нравственности и вѣры, суду церкви отдаются затѣмъ также дѣла объ оскорбленіи дѣтьми своихъ родителей („отца или матерь бьетъ сынъ или дчи") и тяжбы родственниковъ о наслѣдствѣ („братья или дѣти тяжутся о задницѣ"). Наконецъ, церковному же суду подсудны слѣд. преступленія противъ вѣры и церкви: 1) церковная татьба, 2) ограбленіе мертвыхъ („мертвецы волочатъ"), 3) посѣченіе крестовъ на могилахъ и на дорогахъ, 4) изрѣзаніе стѣнъ въ церквахъ („на стѣнахъ рѣжутъ") и 5) оскверненіе храмовъ („скоты или псы и потки безъ велики нужи введетъ, или что неподобно въ церкви подѣетъ"). Таковъ подробный перечень тѣхъ дѣлъ, по которымъ всѣ граждане или міряне должны были подлежать исключительно церковному суду. Послѣднее видно изъ слѣдующихъ словъ устава, непосредственно стоящихъ за перечнемъ дѣлъ, подсудныхъ церкви: „тѣ вся суды церкви даны суть; князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ вступатися". Въ уставѣ, однако, ничего не говорится о томъ, какими правилами должны были руководствоваться духовные судьи при рѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ церковной юрисдикціи, и какія наказанія полагаются за тѣ различныя преступленія, о которыхъ упоминаетъ уставъ.

Во-вторыхъ, въ уставѣ перечисляются лица и учрежденія, подлежащія вѣдѣнію духовенства и подсудныя церкви по всѣмъ дѣламъ („митрополитъ или епископъ вѣдаетъ межю ими судъ или обиду, или котора [1], или задница"). Къ числу такихъ лицъ, названныхъ церковными людьми („а се церковные люди"), относятся: игуменъ, попъ, дьяконъ и кто въ клиросѣ, чернецъ, черница, попадья, проскурница (просвирня), поповичъ, лѣчецъ (лѣкарь), прощенникъ (человѣкъ, получившій чудесное исцѣленіе) и задушный человѣкъ (вольноотпущенный по духовной). Къ учрежденіямъ, находящимся въ вѣ-

---

[1]) По объясненію проф. Голубинскаго, *котора*—ссора, изъ греч. κατάρα.

[2]) Въ пространной редакціи прибавлено: „сторонникъ (странникъ), слѣпецъ, хромецъ". Кромѣ того, по нѣкот. спискамъ къ числу церковныхъ людей отнесены

дѣніи духовенства, принадлежатъ: монастыри, больницы, гостиницы и страннопріимные дома.

Въ-третьихъ, наконецъ, уставъ поручаетъ духовенству охрану торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, въ числѣ которыхъ поименованы: „всячьская мѣрила", т. е. мѣры протяженія, „спуды", или мѣры вмѣстимости, „свѣсы", т. е. вѣсы, и „ставила"—гири, или мѣры вѣса. Отдавая подъ вѣдѣніе церкви единицы вѣса и мѣры, уставъ требуетъ отъ духовенства блюсти ихъ „безъ пакости, ни умалити, ни умножити". Самое постановленіе объ отдачѣ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ въ церковное вѣдомство мотивировано тѣмъ, что это „искони уставлено есть и поручено святымъ епископіамъ".

Таково содержаніе древнѣйшаго церковнаго устава, приписываемаго Владиміру св.

2. Церковный уставъ, приписываемый Ярославу Владиміровичу. *Списки этого устава и ихъ отношеніе между собою.* Второй и послѣдній изъ общихъ церковныхъ уставовъ, приписываемый сыну Владиміра св., вел. кн. Ярославу Мудрому (1019—1054 г.), дошелъ до насъ хотя и въ меньшемъ сравнительно съ предыдущимъ, но все же въ довольно значительномъ количествѣ списковъ. Меньшее количество списковъ Ярославова устава косвенно указываетъ, что этотъ уставъ пользовался меньшей распространенностью и меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ уставъ Владиміра св. Кромѣ того, уставъ, приписываемый Ярославу, дошелъ до насъ въ спискахъ вообще довольно позднихъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ списковъ этого устава относится лишь къ концу XV в. (онъ находится въ Кормчей книгѣ Соловецкаго монастыря, 1493 г.). Большинство прочихъ списковъ принадлежитъ XVI вѣку.

Всѣ сохранившіеся списки разсматриваемаго памятника, подобно спискамъ предыдущаго устава, не являются вполнѣ тождественными, а представляютъ нѣкоторыя различія между собою, которыя, однако, не даютъ возможности опредѣлить, какой именно изъ списковъ могъ служить прототипомъ для другихъ. Кромѣ того, хотя преосв. Макарій и нашелъ возможнымъ раздѣлить списки этого устава также на три редакціи, однако дѣленіе это едва ли можетъ быть принято, такъ какъ вполнѣ существенныхъ различій между отдѣльными списками не имѣется, а отличаются они главнымъ образомъ введеніемъ къ уставу: въ однихъ спискахъ одно, а въ другихъ другое введеніе. Существуетъ, впрочемъ, весьма небольшое количество списковъ, которые также причисляются къ спискамъ Ярославова устава, но которые, дѣйствительно, рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ. Это—списки такъ называемаго „свитка правъ кн. Ярослава", изъ каковыхъ

также: вдовы, лица, находящіяся подъ епитиміей („прикладни") и, наконецъ, лица, покинувшія иночество („а кто порты черническія свержетъ").

древнѣйшій относится къ концу XV в. (онъ напечатанъ въ 1-мъ т. Актовъ Зап. Россіи, подъ № 166). Упомянутымъ только что спискамъ присвоивается наименованіе западно-русской редакціи Ярославова церковнаго устава, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ списковъ этого устава, составляющихъ во всей своей совокупности другую редакцію—восточно-русскую (такъ дѣлитъ списки устава Неволинъ, авторъ изслѣдованія „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи"). Но такъ какъ подлинность западно-русской редакціи, по единогласному почти мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, никакимъ образомъ не можетъ быть защищаема и редакція эта весьма далека отъ предполагаемаго оригинала Ярославова устава, то мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть дѣло лишь съ одной такъ назыв. восточно-русской редакціей.

Церковный уставъ, приписываемый Ярославу, напечатанъ впервые также въ 1780 г. въ 3-мъ т. упомянутыхъ выше „Дневныхъ Записокъ" Лепехина. Съ тѣхъ поръ онъ появлялся въ печати свыше 10-ти разъ, между прочимъ напечатанъ Карамзинымъ (Исторія, т. II, прим. 108) и митроп. Евгеніемъ (Описаніе Кіево-Софійскаго Собора, 1825 г.). Позднѣйшія и вполнѣ научныя изданія этого памятника принадлежатъ проф. В.-Буданову (Христоматія, вып. I) и проф. Голубинскому (Исторія русской церкви, т. I, пол. 1-я, стр. 537 и сл.). Послѣднее изданіе представляетъ собою воспроизведеніе древнѣйшаго списка (изъ Соловецкой Кормчей конца XV в.), съ варіантами изъ другихъ списковъ.

Вопросъ о подлинности устава, приписываемаго Ярославу. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нашихъ церковныхъ уставовъ, относящійся къ нимъ наиболѣе скептически, проф. Голубинскій, высказался по вопросу о подлинности устава, приписываемаго Ярославу, слѣдующимъ образомъ: „Можно еще, пожалуй, доказывать подлинность устава Владимірова, но никакими усиліями нельзя доказать подлинность устава Ярославова, такъ что самая попытка дѣлать это была бы оригинальнымъ упорствомъ и болѣе ничего" (Исторія русской церкви, т. I, п. 1, 346). Какъ ни сильно это сказано, надо однако согласиться, что обозрѣваемый памятникъ, дѣйствительно, носитъ весьма рѣзкія черты неподлинности, что существуетъ не мало другихъ вѣскихъ доводовъ противъ его достовѣрности и что защитникамъ устава не удалось досел҄ѣ ниспровергнуть эти доводы и доказать противное.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ по поводу этого памятника, замѣтимъ прежде всего, что мнѣнія эти, какъ и мнѣнія о предыдущемъ уставѣ, троякаго рода: одни (митроп. Евгеній, преосвящ. Макарій и Морошкинъ) защищаютъ его подлинность, другіе (Карамзинъ, Рейцъ и г. Голубинскій) вполнѣ и категорически ее отрицаютъ и третьи, наконецъ, болѣе осторожные изслѣдователи, проявляютъ въ своихъ сужденіяхъ нѣкоторое колебаніе. Вся разница этихъ мнѣній отъ тѣхъ, которыя

существуютъ относительно предыдущаго устава, сводится, главнымъ образомъ, къ тому, во 1-хъ, что ряды защитниковъ такъ назыв. Ярославова устава болѣе рѣдки, а доводы ихъ болѣе слабы и менѣе убѣдительны, а во 2-хъ, что изслѣдователи, не рѣшающіеся высказаться вполнѣ категорически (Неволинъ и друг.), склоняются болѣе не въ сторону подлинности этого памятника, какъ дѣлали они это по отношенію къ уставу св. Владиміра, а, наоборотъ, къ признанію неподлинности его.

Вотъ главнѣйшія возраженія противъ достовѣрности этого памятника, выставленныя частью Карамзинымъ, частью же послѣдующими изслѣдователями,—возраженія въ бо́льшей или меньшей степени основательныя. Во-первыхъ, въ началѣ всѣхъ списковъ устава говорится, что Ярославъ составилъ его „по данью“, или, какъ сказано въ иныхъ спискахъ, „по записи“ своего отца (Владиміра). Невольно возникаетъ вопросъ,—почему написаніе устава Владиміръ завѣщалъ бы своему сыну, а не сдѣлалъ этого самъ; и почему Ярославъ исполнилъ бы волю отца въ концѣ своего правленія (въ уставѣ упоминается митроп. Иларіонъ, поставленный въ послѣдніе годы Ярослава), а не въ началѣ его? Кромѣ того, изъ всего этого видно, что составитель вовсе не зналъ о существованіи устава св. Владиміра, чего не могло бы случиться съ Ярославомъ, если бы онъ дѣйствительно былъ авторомъ устава, приписываемаго ему.—Во-вторыхъ, въ уставѣ содержатся различныя противорѣчія, несообразности и даже нелѣпости. Такъ, во вступленіи говорится, что князь рѣшилъ судъ по извѣстнымъ дѣламъ предоставить духовенству и самому въ него не вмѣшиваться, а изъ дальнѣйшаго текста видно, что князь принимаетъ участіе въ судѣ духовенства (напр., въ дѣлахъ объ изнасилованіи и умыканіи дѣвицъ). Такое явное несоотвѣтствіе вступленія къ уставу съ его содержаніемъ объясняется, по мнѣнію проф. Сергѣевича, тѣмъ, что къ статьямъ кто-то присочинилъ несоотвѣтствующее начало съ указаніемъ, что онѣ—твореніе Ярослава. Затѣмъ, размѣры штрафовъ за преступленія отличаются явной несообразностью. Такъ, наприм., за побои, нанесенные боярской женѣ или дочери, за оскорбленіе первой изъ нихъ на словахъ и насильственное похищеніе второй назначается одинаковый штрафъ: 5 гривенъ золота; такой же несообразностью отличаются и многіе другіе штрафы, упоминаемые уставомъ.—Въ-третьихъ, въ уставѣ содержатся мѣстами выраженія и термины, совершенно несвойственные эпохѣ Ярослава. Такъ, въ немъ опредѣляются нѣкоторые штрафы счетомъ на рубли (вмѣсто гривенъ), между тѣмъ счетъ этотъ не существовалъ во времена Ярослава, а возникъ значительно позже. Такимъ же анахронизмомъ является классификація въ уставѣ общественныхъ состояній (различаются бояре великіе, бояре меньшіе, нарочитые люди и пр.).—Въ-четвертыхъ, по уставу суду духовенства предоставлены многія такія преступленія мірянъ, которыя никогда вообще и въ частности въ эпоху

Русской Правды не отдавались въ вѣдѣнія духовнаго суда; такъ, къ числу преступленій, предоставленныхъ уставомъ церковному суду, принадлежитъ между прочимъ поджогъ (ст. 10), что въ особенности рѣшительно противорѣчитъ Русской Правдѣ.—Въ-пятыхъ, совершенно непонятно и необъяснимо, почему большинство преступленій, предоставленныхъ суду церкви, облагается въ уставѣ, вопреки всѣмъ прочимъ законодательнымъ памятникамъ, двойнымъ наказаніемъ: денежнымъ штрафомъ въ пользу церковной власти и уголовнымъ наказаніемъ въ собственномъ смыслѣ со стороны князя („а князь казнитъ"). Непонятно также. какъ могла возникнуть въ уставѣ, объявившемъ своимъ источникомъ греческій Номоканонъ, система денежныхъ штрафовъ въ пользу духовной власти,—штрафовъ, совершенно неизвѣстныхъ этому послѣднему.—Въ-шестыхъ, наконецъ, подозрительной представляется и самая многочисленность и подробность постановленій, содержащихся въ уставѣ, подробность, какою не можетъ похвалиться современный ему памятникъ общаго права—Русская Правда. Таковы главнѣйшія возраженія противъ подлинности устава, приписываемаго Ярославу; существующіе же доводы, приводимые въ защиту ея, вообще слабы и мало убѣдительны.

Какъ бы скептически мы ни относились къ отдѣльнымъ представленнымъ возраженіямъ противъ подлинности такъ назыв. Ярославова устава, во всякомъ случаѣ безспорно то, что обозрѣваемый памятникъ содержитъ въ себѣ противорѣчія, несообразности и анахронизмы; при наличности же такихъ данныхъ въ какомъ-либо памятникѣ обыкновенно принято въ наукѣ считать этотъ послѣдній подложнымъ. Кромѣ того, имѣется вѣское основаніе думать, что въ подлинности обозрѣваемаго устава сомнѣвались даже еще въ старину. Это видно, во 1-хъ, изъ того, что историческія свидѣтельства о существованіи Ярославова устава начинаются только лишь съ конца XIV или начала XV в. (первое упоминаніе о немъ—въ грамотѣ в. кн. Василія Дмитріевича митроп. Кипріану [1]), отличаются своею малочисленностью и ничего не говорятъ о примѣненіи этого устава на практикѣ; во 2-хъ, изъ того, что списки его заносились лишь въ немногія рукописныя Кормчія книги и вообще пользовались меньшей распространенностью, нежели списки устава Владимірова, хотя этотъ послѣдній по содержанію своему былъ менѣе перваго благопріятенъ и выгоденъ для церковной власти (отсюда можно заключить, что духовенство какъ бы само сомнѣвалось въ подлинности Ярославова устава); и въ 3-хъ, наконецъ, изъ того—и это самое важное,—что ни Стоглавый соборъ 1551 г., ни соборъ 1667 г. вовсе

[1]) Грамота эта, подлинность которой заподозрѣна Карамзинымъ, но защищается Неволинымъ, относится къ 1390—1402 гг.

не упоминають о такъ назыв. Ярославовомъ уставѣ, хотя въ то же время оба подтверждають церковный уставъ, приписываемый Владиміру св. [1]).

Такимъ образомъ, обозрѣваемый памятникъ, извѣстный подъ именемъ церковнаго устава кн. Ярослава, на самомъ дѣлѣ не принадлежить этому князю, а составленъ значительно позже, приблизительно въ XIV в., неизвѣстнымъ намъ авторомъ, который для приданія своему произведенію необходимаго авторитета счелъ нужнымъ приписать его Ярославу Мудрому. Отсюда, впрочемъ, отнюдь не слѣдуеть, что памятникъ этотъ не имѣетъ никакого значенія для исторіи права. Напротивъ, несмотря на неизвѣстность его автора и неопредѣленность времени и мѣста его дѣйствія, обозрѣваемый памятникъ не теряетъ своего значенія для исторіи права даже и въ томъ случаѣ, если онъ не содержить въ себѣ дѣйствительной практики церковныхъ судовъ, а является лишь „выраженіемъ извѣстныхъ началъ и взглядовъ, стремившихся, говоря словами Неволина, осуществить себя въ дѣйствительной жизни".

Содержаніе устава. Подобно предыдущему уставу, такъ называемый уставъ Ярославовъ состоитъ также изъ трехъ основныхъ частей: 1) вступленія, 2) центральной или установительной части, гдѣ говорится о дѣлахъ, подсудныхъ духовному суду, и о наказаніяхъ за различныя преступленія и 3) заключенія.

Во вступленіи (содержаніе его и другихъ частей излагается по списку, напечатанному въ Христоматіи проф. В.-Буданова) говорится о томъ, что вел. кн. Ярославъ во исполненіе воли своего отца (Владиміра) и по совѣту съ митроп. Илларіономъ составилъ, руководствуясь „Греческимъ Номоканономъ", настоящій уставъ съ цѣлью предоставить митрополиту и епископамъ судъ по извѣстнаго рода дѣламъ.

За приведеннымъ вступленіемъ слѣдуетъ установительная часть, состоящая изъ 33 статей [1]). Изъ нихъ лишь одна статья (33-я) говорить о церковной подсудности по лицамъ и то въ общихъ выраженіяхъ: по смыслу этой статьи, церковные и монастырскіе люди по всѣмъ дѣламъ подлежать церковному суду, безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Остальныя статьи трактують о предметной подсудности, т. е. о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ церковному суду. Къ числу таковыхъ относятся прежде всего слѣд. преступленія и проступки противъ нравственности и семейственнаго права: 1) насильственное похищеніе дѣвушки, 2) принужденіе дѣтей къ браку со стороны ихъ родителей, 3) браки въ близкихъ

---

[1]) Этотъ послѣдній уставъ включенъ даже въ составъ 63-й главы Стоглава, т. е. сборника постановленій собора 1551 г.

[1]) Въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ пунктовъ или статей больше; такъ, въ древнѣйшемъ спискѣ конца XV в. (списокъ Соловецкой Кормчей, 1493 г.) имѣется, сверхъ вступленія и заключенія, 59 статей.

степеняхъ родства, 4) двоеженство, 5) самовольный разводъ, 6) рожденіе ребенка внѣ брака, 7) кровосмѣшеніе, 8) различные виды прелюбодѣянія, 9) изнасилованіе, 10) пьянство и драки и 11) нанесеніе родителямъ побоевъ. Сюда же относятся затѣмъ нѣкоторыя общія преступленія противъ жизни, здоровья, чести и имущества: 1) убійство, 2) побоя, 3) оскорбленія дѣйствіемъ и словомъ, 4) кража и 5) поджогъ. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ церковному суду подлежатъ не только духовенство и такъ называемые церковные люди, но и всѣ міряне. Исключеніе представляютъ лишь преступленія противъ жизни и собственности (см. ст. 24, 25 и 26), которыя подсудны общему суду церковныхъ и свѣтскихъ властей, а потому взыскиваемые за эти преступленія денежные штрафы дѣлятся между этими властями поровну („епископу въ винѣ со княземъ на-полы", „платять виру князю на-полы со владыкою").

Вышеприведенный перечень преступленій и проступковъ сопровождается въ уставѣ назначеніемъ соотвѣтствующихъ наказаній, преимущественно въ видѣ денежныхъ штрафовъ въ пользу духовной власти. Впрочемъ, нѣкоторыя преступленія облагаются не только денежнымъ штрафомъ, но и уголовной карой въ собственномъ смыслѣ. Такимъ двойнымъ наказаніемъ караются всѣ дѣянія, которыя считаются не только грѣхомъ, но и преступленіемъ противъ общества, т. е. являются преступленіями, такъ сказать, церковно-гражданскими; къ числу таковыхъ, по уставу, принадлежатъ: похищеніе и изнасилованіе дѣвицы, самовольный разводъ, оскорбленіе женщины дѣйствіемъ, побои, наносимые сыномъ родителямъ, остриженіе головы и бороды (ст. 23), нѣкоторые виды прелюбодѣянія и, наконецъ, поджогъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ денежный штрафъ съ виновныхъ идетъ въ пользу церковной власти, свѣтской же власти принадлежитъ право уголовнаго наказанія: „а князь казнитъ". Къ сожалѣнію, уставъ совершенно умалчиваетъ о томъ, въ чемъ именно должна состоять эта „казнь" со стороны свѣтской власти.

За установительною частью слѣдуетъ заключеніе, содержащее въ себѣ проклятіе всѣмъ тѣмъ, кто въ будущемъ вздумалъ бы нарушить постановленія настоящаго устава.

Если мы сравнимъ содержаніе разсмотрѣннаго только-что памятника съ содержаніемъ предыдущаго устава, то увидимъ, что, вопреки этому послѣднему, такъ называемый Ярославовъ уставъ ничего не говоритъ о назначеніи содержанія церкви (о десятинѣ въ пользу церквей), не касается важнѣйшихъ преступленій противъ вѣры (чародѣйства, еретичества, оскорбленія святыни и т. д.) и не перечисляетъ лицъ и учрежденій церковныхъ, т. е. подвѣдомыхъ церкви, за то чрезвычайно много распространяется о преступленіяхъ и проступкахъ, подсудныхъ по общему и нормальному порядку не церковнымъ, а общегосударственнымъ судамъ. Эта черта рѣзко

отличаетъ обозрѣваемый памятникъ не только отъ устава, приписываемаго Владиміру св., но и отъ всѣхъ прочихъ дошедшихъ до насъ церковныхъ уставовъ.

II. Мѣстные церковные уставы.

Если оба разсмотрѣнныхъ церковныхъ устава, особенно второй изъ нихъ, нельзя пріурочить къ опредѣленному времени, а можно объ этомъ лишь догадываться съ большей или меньшей приблизительностью, за то по пространству ихъ дѣйствія эти уставы можно назвать общерусскими, по крайней мѣрѣ то надо признать относительно старѣйшаго церковнаго устава, приписываемаго Владиміру св., устава, который имѣетъ нѣкоторое основаніе претендовать на достовѣрность и который имѣлъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ дѣйствительно широкое, повсемѣстное примѣненіе, какъ то можно заключить по массѣ дошедшихъ до насъ списковъ, а также на основаніи различныхъ документальныхъ указаній. Остальные четыре изъ сохранившихся отъ перваго періода церковныхъ уставовъ имѣли лишь мѣстное значеніе, т. е. территорія дѣйствія ихъ ограничивалась той областью или мѣстностью, для которыхъ они были изданы. Всѣ четыре упомянутыхъ устава относятся къ XII в. Три изъ нихъ были составлены для Новгородской епархіи новгородскими князьями Всеволодомъ-Гавріиломъ (до 1136 г. и въ 1135 г.) и Святославомъ Ольговичемъ (въ 1137 г.), а одинъ—для Смоленской епархіи смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ (въ 1150 г.) [1]).

1. Новгородскіе церковные уставы. Первый и наиболѣе важный изъ нихъ принадлежитъ новгородскому князю Всеволоду-Гавріилу и по времени своего составленія относится ко второй четверти XII в. (1125—1136 г.). Уставъ этотъ дошелъ до насъ не въ оригиналѣ, а въ небольшомъ числѣ позднѣйшихъ и не вполнѣ исправныхъ списковъ. Впервые уставъ напечатанъ былъ въ Москвѣ въ 1807 г. въ „Повѣсти о началѣ и основаніи Печерскаго (Псковскаго) монастыря“; послѣднее же изданіе этого памятника принадлежитъ проф. В.-Буданову (см. 1 вып. его Христоматіи).

Подлинность устава новгородскаго князя Всеволода (устава, изданнаго до 1136 г.), на основаніи различныхъ данныхъ подвергнута сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ безспорно одно, что уставъ этотъ дошелъ до насъ не въ

---

[1]) Къ числу мѣстныхъ же церковыхъ уставовъ относятся еще два другихъ, впрочемъ, позднѣйшихъ устава. Оба они изданы западно-русскими князьями въ началѣ XIV в: 1) уставъ Галицкаго князя Льва Даниловича, данный соборной церкви митрополіи Галицкой въ 1301 г. и 2) уставъ Волынскаго князя Любарта Гедиминовича, данный Луцкой соборной церкви въ 1322 г.

первоначальномъ своемъ видѣ, а съ нѣкоторыми искаженіями и, можетъ быть, позднѣйшими дополненіями, явившимися результатомъ небрежности и произвола переписчиковъ.

По содержанію своему обозрѣваемый памятникъ чрезвычайно близокъ къ уставу, приписываемому Владиміру св., а именно, подобно ему, говоритъ вначалѣ о содержаніи церкви (о церковной десятинѣ, преимущественно въ пользу новгородской соборной церкви св. Софіи), затѣмъ поручаетъ духовенству надзоръ за вѣсами и мѣрами и предоставляетъ церковному суду различныя дѣла, касающіяся брака, нравственности и вѣры, и, наконецъ, перечисляетъ подробно церковныхъ людей, т. е. лицъ, находившихся въ вѣдѣніи церкви и подсудныхъ ей по всѣмъ дѣламъ. При всей своей близости къ уставу в. кн. Владиміра, уставъ Всеволода Новгородскаго содержитъ въ себѣ и нѣкоторыя дополненія. Такъ, во-первыхъ, число преступленій, подлежащихъ по этому уставу исключительно церковному суду, нѣсколько увеличено сравнительно съ краткой редакціей Владимірова устава, а именно прибавлены слѣд. преступленія: умыканіе, неблагопристойная защита мужа женою, скотоложство, покинутіе незаконнорожденнаго своего ребенка матерью и совершеніе обрядовъ языческаго богослуженія. Во-вторыхъ, обозрѣваемый уставъ заключаетъ въ себѣ довольно подробныя, хотя и несогласныя съ другими юридическими памятниками постановленія о порядкѣ наслѣдованія, тяжбахъ о наслѣдствѣ и т. п. Въ-третьихъ, наконецъ, Всеволодовъ уставъ содержитъ въ себѣ болѣе подробный перечень „церковныхъ людей", т. е. лицъ, находившихся подъ опекой церкви и подсудныхъ ей. Къ числу таковыхъ отнесены между проч. такъ называемые *изгои*: „изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ исъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и сего приложимъ: аще князь осиротѣетъ", т. е. безграмотные сыновья священниковъ, выкупившіеся изъ холопства, обанкротившіеся купцы и, сверхъ того, осиротѣвшіе князья. Приведенное мѣсто устава важно въ томъ отношеніи, что оно разъясняетъ, кто именно разумѣлся подъ изгоями, упоминаемыми Русской Правдой и нѣкоторыми др. памятниками; отсюда видно, что изгоями назывались лица, вышедшія почему-либо изъ своего прежняго состоянія, а потому и очутившіяся въ безпомощномъ положеніи. Этимъ послѣднимъ объясняется, почему изгои попадали подъ опеку церкви.

Тому же князю Всеволоду-Гавріилу (Мстиславичу) принадлежитъ и другой уставъ, а именно уставная грамота новгородской церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, данная ок. 1135 г. Грамота эта, извѣстная по нѣсколькимъ спискамъ, дошла до насъ еще въ болѣе искаженномъ видѣ, нежели церковный уставъ того же князя, изданный для Новгородской епископіи, и заключаетъ въ себѣ не мало несообразностей, вслѣдствіе чего и самая подлинность ея заподозрѣна.

Грамота эта не даетъ никакихъ свѣдѣній о церковномъ судѣ, за то касается положенія приходскаго духовенства (собственно, причта одной изъ новгородскихъ церквей) и заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ Новгорода, а въ частности о его торговлѣ и купцахъ. Прежде всего обозрѣваемая грамота содержитъ въ себѣ пожалованіе въ пользу Ивановской церкви и ея причта пошлинъ, взимаемыхъ при взвѣшиваніи воска. Затѣмъ она подробно опредѣляетъ, сколько въ отдѣльности должны получать изъ этого пошлиннаго сбора священникъ и др. лица, принадлежащія къ причту Ивановской церкви, а также установляетъ порядокъ церковной службы. Кромѣ того, такъ какъ церковь св. Іоанна была патрональною церковью новгородскаго рынка и всего торгующаго люда, а взвѣшиваніе главнаго продукта торговли—воска, происходило въ притворѣ этой церкви, то грамота предписываетъ выбирать тысяцкаго отъ черныхъ людей и пять старостъ отъ житьихъ людей и купцовъ и этимъ выборнымъ поручаетъ взвѣшиваніе воска, собираніе пошлины, распредѣленіе ея, заботу о церкви и ея интересахъ, а также возлагаетъ на нихъ завѣдываніе всѣми дѣлами „Иванскими", „торговыми и гостинными", а равно и торговымъ судомъ.

Третій изъ новгородскихъ церковныхъ уставовъ былъ изданъ для Новгородской епархіи кн. Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 г. Все содержаніе этого довольно краткаго устава, подлинность котораго также подвергнута сомнѣнію, посвящено подробному и точному опредѣленію церковной десятины со всякого рода сборовъ (отъ виръ, продажъ и съ дани), поступающихъ въ казну новгородскаго князя.

2. Церковный уставъ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича. Уставъ этотъ, какъ то видно изъ его вступленія, былъ данъ Смоленской епископіи вскорѣ послѣ учрежденія (въ 1137 г.) этой послѣдней, а именно въ 1150 г.

Хотя Неволинъ слегка заподозрѣваетъ подлинность и этого устава, но несомнѣнно, что онъ—единственный вполнѣ достовѣрный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ церковныхъ уставовъ перваго періода нашей исторіи; это признаетъ даже и проф. Голубинскій. Къ сожалѣнію, и данный уставъ не дошелъ до насъ въ оригиналѣ, а лишь въ позднѣйшемъ спискѣ XVI вѣка, при томъ въ спискѣ не вполнѣ исправномъ.

Впервые уставъ Ростислава Мстиславича напечатанъ въ 1846 г. въ „Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ" (т. I, № 4), потомъ г. Аристовымъ въ Христоматіи по русской исторіи и, наконецъ, проф. В.-Будановымъ въ 1 вып. его Христоматіи по ист. русск. права.

Обозрѣваемый памятникъ состоитъ изъ устава и двухъ къ нему дополненій. Самый уставъ имѣетъ три основныя части: упомянутое уже выше вступленіе, установительную часть и заключеніе. Это послѣднее, сверхъ

обычнаго проклятія нарушителямъ устава, содержитъ въ себѣ воспрещеніе потомству соединять Смоленскую епископію, учрежденную Ростиславомъ, съ Переяславскою, къ которой принадлежала прежде Смоленская область.

Содержаніе Ростиславова устава представляетъ собою, во 1-хъ, подробное исчисленіе церковной десятины и поименованіе недвижимыхъ имуществъ, пожалованныхъ княземъ епископской каѳедрѣ, а во 2-хъ, перечень дѣлъ, предоставленныхъ церковному суду. Съ цѣлью опредѣлить церковную десятину грамота перечисляетъ всѣ погосты, на которые дѣлилась Смоленская земля, а также подробно и въ точныхъ цифрахъ исчисляетъ доходы князя съ каждой опредѣленной мѣстности, получаемые въ видѣ прямыхъ (даней) и косвенныхъ налоговъ (мыта, торговаго, гостиннаго, перевоза, корчмиты), благодаря чему легко вычислить всю сумму доходовъ Смоленскаго князя (онъ получалъ около 3000 гривенъ). Вообще въ этой своей части грамота заключаетъ много указаній, чрезвычайно важныхъ для исторіи государственнаго права и въ частности финансоваго управленія въ земскій періодъ.—Что касается преступленій, предоставленныхъ суду церкви, то таковыми по уставу являются слѣдующія: 1) „роспуетъ", т. е. самовольный разводъ, 2) двоеженство („аже водитъ кто двѣ женѣ"), 3) браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства („ аще кто поимется черезъ законъ"), 4) умыканіе или похищеніе дѣвушки (впрочемъ, въ этомъ случаѣ судитъ князь или посадникъ, а епископъ получаетъ лишь половину штрафа), 5) „зелья и душегубства" [1]) и 6) драка между двумя женщинами. Кромѣ того, одно изъ преступленій, подлежащихъ по уставу суду церкви, остается совершенно неизвѣстнымъ вслѣдствіе очевиднаго пропуска въ текстѣ („а пятое ажъ ту жонку... то епископу").

Первое изъ дополненій къ уставу представляетъ собою грамоту перваго епископа смоленскаго Мануила (съ княжеской припиской отъ 1151 г., о пожалованіи церкви г. Холма), въ которой этотъ послѣдній подтверждаетъ церковный уставъ Ростислава, предаетъ проклятію всѣхъ тѣхъ, кто вздумалъ бы въ чемъ-либо нарушить означенный уставъ, и, наконецъ, запрещаетъ, подъ страхомъ того же проклятія, всѣмъ своимъ преемникамъ по епископской каѳедрѣ присоединять Смоленскую епархію къ Переяславской.

Второе дополненіе содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе „погородья" и „полюдья", т. е. тѣхъ оборовъ, которые взимались княземъ при объѣздѣ имъ своихъ городовъ и волостей и изъ которыхъ десятая часть также должна была поступать на содержаніе епископа и духовенства.

Таково содержаніе уставной грамоты кн. Ростислава Смоленскаго, которая сообщаетъ намъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о церковной десятинѣ

---

[1]) По объясненію проф. Голубинскаго: „всѣ виды волшебства и колдовства и происходящій отъ сего всякій вредъ".

и др. доходахъ духовенства и о пространствѣ церковнаго суда въ половинѣ XII вѣка.

ГЛАВА IV.

Рецепированные сборники византійскаго права.

1. Начало рецепціи византійскаго права и причины, вызвавшія ее. Вопросъ о церковныхъ уставахъ древнѣйшихъ русскихъ князей-христіанъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о тѣхъ сборникахъ византійскаго церковнаго и свѣтскаго права, которые проникли на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ и которые оказали нѣкоторое вліяніе на право русское.

Мы видѣли, что существенное содержаніе нашихъ церковныхъ уставовъ—опредѣленіе предѣловъ церковнаго суда по предметамъ и лицамъ. Въ первомъ отношеніи уставы перечисляютъ дѣла, предоставленныя церковному суду; сюда принадлежатъ преимущественно брачныя дѣла, а затѣмъ преступленія противъ вѣры, нравственности и семейнаго права. Во второмъ отношеніи, т. е. съ цѣлью указать предѣлы церковнаго суда по лицамъ, уставы различаютъ такъ называемыхъ церковныхъ людей, или лицъ, подсудныхъ церковному суду по всѣмъ дѣламъ, отъ мірянъ или остальныхъ гражданъ, подлежащихъ суду епископовъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Какъ рѣшать духовенству предоставленныя его вѣдѣнію дѣла, какія надлежало соблюдать при этомъ правила, а затѣмъ, какими именно постановленіями должны были регламентироваться всѣ прочія стороны церковнаго управленія,—обо всемъ этомъ въ нашихъ церковныхъ уставахъ ничего, однако, не говорится. Мало того. Въ древнѣйшемъ церковномъ уставѣ, приписываемомъ Владиміру св., ничего не сказано даже о наказаніяхъ за различныя перечисленныя въ немъ преступленія. Всѣ означенные вопросы могли быть разрѣшены или посредствомъ особыхъ законодательныхъ актовъ нашихъ князей, или посредствомъ заимствованія уже существующихъ законовъ оттуда же, откуда проникла къ намъ христіанская вѣра, т. е. изъ Византіи. Но о законодательной дѣятельности русскихъ князей въ этой области ничего не говорятъ церковные уставы, не знаемъ о ней мы и изъ другихъ источниковъ. Да и вообще едва ли высшая туземная свѣтская власть, въ лицѣ первыхъ князей-христіанъ, могла считать себя компетентной въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ установленія нормъ права въ такой новой для нея сферѣ, какъ церковныя отношенія, церковныя дѣла. Оставалось, слѣдовательно, воспользоваться нормами уже готовыми, созданными для той же цѣли въ Византіи. Это было тѣмъ болѣе естественно, что русская церковь, будучи нераздѣльной и органической частью церкви вселенской, должна была уже въ силу одного этого принять тѣ общіе церковные законы, кото-

рыми располагала уже церковь вселенская и которые по самому своему назначенію являлись общеобязательными для всѣхъ ея частей.

Итакъ, всѣ приведенныя выше соображенія заставляютъ уже a priori предположить, что и церковное управленіе вообще и церковный судъ въ частности основывались на тѣхъ именно постановленіяхъ, которыя были принесены къ намъ въ готовомъ уже видѣ изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанской вѣрой. Но и помимо этихъ соображеній, мы имѣемъ опредѣленныя указанія на обязательное значеніе сборниковъ византійскаго права при рѣшеніи дѣлъ, подлежавшихъ церковному суду. Уже въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава дѣлаются ссылки въ указанномъ смыслѣ на „Греческій Номоканонъ“: „Разверше грецьскый Номоканонъ и обрѣтохомъ въ немь, оже не подобаеть сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ“,—говорится, наприм., въ пространной редакціи устава св. Владиміра. Еще болѣе опредѣленно выражается церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода (ок. 1125—1136 г.), который заканчивается слѣдующими словами: „А то все приказахъ епископу управливати, а смотря въ въ Манаканунъ“. Ссылки на греческій Номоканонъ, какъ на дѣйствующій на Руси источникъ права, дѣлаются также и въ другихъ древнѣйшихъ законодательныхъ и незаконодательныхъ памятникахъ. Такъ, въ похвальной замѣткѣ по адресу вел. кн. Іоанна Калиты, находящейся въ рукописной книгѣ Евангельскихъ чтеній, XIV в. (1339 г.), говорится объ этомъ князѣ между прочимъ слѣдующее: „Сий бо князь великой Іоаннъ имѣвше правый судъ паче мѣры, поминая божественаѣ исправльнія святыхъ и преподобныхъ отецъ по правиломь монокануньнымь, ревнуя правовѣрному царю Оустияну“. Тамъ же и о томъ же князѣ говорится также, что онъ часто „взиралъ вмѣстѣ съ отцами своими митрополитами (Петромъ и Ѳеогностомъ) въ греческій Номоканонъ“. Въ ростовской лѣтописи подъ 1385 г. имѣется такое указаніе: „цѣловаше кресть посадникъ на вѣчѣ, и бояре, и дѣти боярскіе, и всѣ черные люди, и вся пять концовъ на томъ, чтобы судити владыкѣ Алексѣю въ правду по номоканону“. Московскій митрополитъ Кипріанъ (жившій въ концѣ XIV и въ началѣ XV в.), разрѣшая вопросъ о правахъ усыновленнаго, отвѣчалъ: „и азъ, воззрѣвъ есмо въ номаконунъ, да изнашелъ есми правило“... Наконецъ, въ Новгородской судной грамотѣ, памятникѣ XV в., предписывается архіепископу „судити судъ свой, судъ святительски, по святыхъ отецъ правилу, по Манакануну (т. е. Номоканону)“.

2. Номоканонъ. Что же представляетъ собою этотъ Греческій Номоканонъ или просто Номоканонъ, о дѣйствіи котораго на Руси въ качествѣ источника права, примѣнявшагося на практикѣ уже съ первыхъ вѣковъ христіанства, мы имѣемъ такія ясныя указанія? Подъ именемъ Номоканона разумѣются сборники права, составленные въ Греціи для руководства пра-

вославной восточной церкви. Въ составъ этихъ сборниковъ входили: 1), церковныя правила, или церковные законы въ собственномъ смыслѣ, извѣстные подъ именемъ канововъ (οἱ κανόνες), а именно правила св. апостоловъ и св. отцовъ церкви, постановденія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и вообще постановленія, изданныя по церковнымъ дѣламъ церковною властью, и 2), памятники свѣтскаго законодательства (οἱ νόμοι), т. е. законы, изданные свѣтской властью (императорами) вообще и по церковнымъ дѣламъ въ частности. Самое названіе „Номоканонъ" произошло отъ сочетанія словъ νόμος, т. е. законъ, и κάνων, т. е. церковное правило.

Сборниковъ, именуемыхъ Номоканонами, т. е. такихъ, въ которыхъ церковные законы тѣсно соединены съ свѣтскими, было нѣсколько. Изъ этихъ сборниковъ въ Греціи, а затѣмъ и въ друг. православныхъ странахъ извѣстностью и распространенностью пользовались въ особенности два: въ 50 и въ 14 титуловъ или раздѣловъ. Первый изъ нихъ, составленный въ VI в., приписывается адвокату антіохійскому, а впослѣдствіи патріарху константинопольскому Іоанну Схоластику; онъ представляетъ собою систематическій сводъ церковныхъ правилъ, дополненный свѣтскими постановленіями по дѣламъ церковнымъ, извлеченными преимущественно изъ новеллъ имп. Юстиніана. Второй извѣстный Номоканонъ, въ 14 титуловъ, богатствомъ своего содержанія и своей систематичностью превосходящій предыдущій, былъ составленъ въ VII в. неизвѣстнымъ лицомъ; впослѣдствіи, а именно въ IX в., этотъ номоканонъ былъ значительно дополненъ патріархомъ Фотіемъ, а потому и получилъ въ окончательной своей редакціи наименованіе Номоканона Фотіева.

Съ распространеніемъ христіанства, оба названные номоканона изъ Греціи проникли въ Болгарію [1]) и въ др. славянскія страны. Предполагаютъ, что славянскій переводъ перваго номаканона, т. е. приписываемаго Іоанну Схоластику, былъ сдѣланъ первоучителемъ славянъ св. Меѳодіемъ еще для моравовъ; отъ моравовъ же переводъ номоканона въ 50 тит. заимствованъ болгарами, а отъ этихъ послѣднихъ русскими, когда они приняли христіанство. Почти одновременно съ номоканономъ въ 50 тит. и, повидимому, не позже временъ Ярослава проникъ къ намъ изъ Греціи также и номоканонъ въ 14 титуловъ (въ до-Фотіевской редакціи), съ котораго былъ сдѣланъ славяно-русскій переводъ, какъ думаютъ, уже въ Россіи. Что же касается Фотіева Номоканона, то онъ получилъ распространеніе на Руси нѣсколько позже, а именно во 2-ой половинѣ XIII в., во времена митрополита Кирилла II.

Русскіе списки Номоканона сохранились въ огромномъ количествѣ, хотя древнѣйшіе изъ нихъ, повидимому, до насъ не дошли. Сохранившіеся

---

[1]) Болгары приняли крещеніе болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до Русскихъ.

списки не восходятъ ранѣе XIII в. и представляютъ различные варіанты. Списки эти дѣлятъ на двѣ главныя группы: одну составляютъ списки, принадлежащіе къ софійскому изводу (или редакціи), а другіе къ рязанскому. Оба извода относятся ко второй половинѣ XIII в. Отличаются они какъ по языку, такъ и по объему содержанія. Списки рязанской редакціи содержатъ въ себѣ статьи исключительно византійскаго происхожденія, а софійской также и русскаго (такъ, напр., здѣсь находятся церковные уставы русскихъ князей, Русская Правда и др.). Кромѣ того, списки рязанскаго извода или рязанской редакціи представляютъ почти буквальный переводъ греческаго текста Фотіева Номоканона, въ основаніе же списковъ софійской редакціи положенъ Номоканонъ въ 14 титуловъ, но въ древнѣйшей, до-Фотіевской обработкѣ.

Греческій Номоканонъ въ славянскомъ переводѣ получилъ на Руси наименованіе *Кормчей книги*. *„Книга глаголемая Кормчая, иже сказуется Номоканонъ“* (или: „Кормчая книга, глаголемая греческимъ языкомъ номоканонъ, словенскимъ же сказаемая законоправиле“) — таковъ обычный заголовокъ древне-русскихъ списковъ Номоканона. Первое печатное изданіе славянскаго перевода Номоканона, или Кормчей книги, было сдѣлано въ царствованіе Алексѣя Михайловича подъ руководствомъ патріарха Іосифа. Несмотря на распространенность и бо́льшую полноту (вслѣдствіе дополненій русскаго происхожденія) списковъ софійской редакціи Кормчей книги, для печати былъ выбранъ, однако, одинъ изъ списковъ рязанской редакціи. Кормчая была отпечатана еще въ 1650 г., но вышла изъ типографіи лишь въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; всѣ же остальные экземпляры, задержанные въ типографіи, были выпущены оттуда и разосланы по церквамъ лишь въ 1653 г., послѣ того, какъ по распоряженію преемника Іосифа, патріарха Никона, сдѣланы были въ отпечатанныхъ книгахъ нѣкоторыя исправленія и дополненія. Исправленная и выпущенная изъ типографіи въ 1653 г. Кормчая называется Никоновской (она состоитъ изъ 71 главы). Послѣ того Кормчая была отпечатана еще 3 раза: въ царствованіе имп. Екатерины II, въ 1787 г. (съ опущеніемъ 47-й главы Никоновской Кормчей), и при имп. Александрѣ I, въ 1804 и 1816 гг.

3. Отдѣльные реципированные кодексы византійскаго права и компилятивные сборники. Мы уже видѣли, что греческіе Номоканоны, кромѣ церковныхъ правилъ, содержатъ въ себѣ также законы, изданные свѣтской властью. Подобно своимъ оригиналамъ, и русскія Кормчія, составъ которыхъ, впрочемъ, не вполнѣ тождественъ съ греческими Номоканонами, сверхъ постановленій чисто церковныхъ или каноническихъ, нерѣдко заключаютъ въ себѣ Русскую Правду и другіе юридическіе памятники туземнаго происхожденія. Здѣсь же, т. е. въ рукописныхъ Кормчихъ, а равно и въ др. памятникахъ древне-рус. письменности находятся также нѣкоторые

кодексы византійскаго или греко-римскаго свѣтскаго права и составленныя на основаніи ихъ древне-славянскія юридическія компиляціи или сборники правовыхъ нормъ.

Изъ отдѣльныхъ реципированныхъ кодексовъ византійскаго права и компилятивныхъ сборниковъ славянскаго происхожденія, обращавшихся на Руси, наиболѣе важны нижеслѣдующіе.

Эклога императоровъ-иконоборцевъ Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима. Сборникъ этотъ, составленный около 740 г. и извѣстный у грековъ подъ именемъ Ἐκλογὴ τῶν νόμων, носитъ (въ сохранившихся рукописяхъ) слѣдующее болѣе подробное заглавіе: „Избраніе (выборка) законовъ вкратцѣ, совершенное мудрыми и благочестивыми царями Львомъ и Константиномъ изъ институцій, дигестъ, кодекса и новеллъ великаго Юстиніана, съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія". Мотивы и цѣль изданія Эклоги изложены довольно подробно въ весьма интересномъ предисловіи къ ней. По смыслу этого предисловія, Эклога должна замѣнить прежнее законодательство (Юстиніана), пользоваться которымъ вслѣдствіе массы греческихъ его переводовъ и комментаріевъ стало почти невозможнымъ и для судей и для гражданъ. Несмотря на то, что постановленія Эклоги во многихъ случаяхъ не имѣютъ ничего общаго съ Юстиніановымъ правомъ, а создались подъ вліяніемъ обычнаго права и правовыхъ воззрѣній многочисленныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ восточно-римской или византійской имперіи, Эклога со времени своего появленія замѣнила для греческихъ юристовъ институціи и вообще получила широкое распространеніе.

Подлинная Эклога состоитъ изъ 18-ти титуловъ или граней, изъ которыхъ 16 первыхъ посвящены гражданскому праву (о бракѣ и приданомъ, о дареніи, наслѣдованіи и опекѣ, объ отпущеніи раба на волю, о нѣкоторыхъ договорахъ, о свидѣтеляхъ и о peculium castrense и quasi castrense), 17-й тит.—уголовному праву, и, наконецъ, 18-й тит. трактуетъ о раздѣлѣ военной добычи (de partione spoliorum).

Лучшее и новѣйшее изданіе греческаго текста Эклоги принадлежитъ нѣмецкому ученому, знаменитому юристу-византологу Цахаріэ-фонъ-Лингенталю (въ его Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, 1852 г.) [1].

[1]) Ученая дѣятельность скончавшагося въ 1894 г. Цахаріэ въ области исторіи византійскаго права не ограничивалась однимъ лишь критическимъ изданіемъ цѣлаго ряда источниковъ этого права, нерѣдко имъ же впервые и открытыхъ, но простиралась также на разработку внѣшней и внутренней исторіи греко-римскаго или византійскаго права Изъ трудовъ Цахаріэ, посвященныхъ разработкѣ исторіи источниковъ византійскаго права и внутренней исторіи этого права,—трудовъ весьма цѣнныхъ для исторіи права вообще и для русской историко-юридической науки въ частности,—заслуживаютъ особеннаго вниманія и пользуются извѣстностью

Древне-славянскій переводъ Эклоги, находящійся въ нашихъ Кормчихъ и во многихъ мѣстахъ искаженный позднѣйшими переписчиками, представляетъ значительныя отступленія отъ греческаго оригинала, явившіяся, надо думать, результатомъ самостоятельной передѣлки (съ цѣлью приспособленія къ туземному праву) этого послѣдняго; между прочимъ переводъ состоитъ лишь изъ 16 титуловъ или раздѣловъ (12-й титулъ оригинала выпущенъ, а 18-й присоединенъ къ 17-му тит.). Въ печатной Кормчей Эклога составляетъ 49-ую главу подъ заглавіемъ: „*Главизнъ царей Леона и Константина* (полный заголовокъ собственно такой: „Леона, царя премудраго, и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія и о иныхъ различныхъ винахъ").

Прохиронъ имп. Василія Македонянина. Это руководство законовъ, носившее названіе Ὁ πρόχειρος νόμος (ручная книга законовъ) или просто Πρόχειρον, составлено и обнародовано по повелѣнію имп. Василія Македонянина (при соправительствѣ его сыновей—Константина и Льва) въ періодъ съ 870 по 879 г. (по мнѣнію Цахаріэ, въ 878 г.) въ отмѣну Эклоги, изданной въ предыдущемъ столѣтіи. Мотивомъ изданія Прохирона, какъ это видно изъ предисловія къ нему, послужило желаніе императора не только облегчить пользованіе многочисленными существующими въ государствѣ законами, но и очистить эти послѣдніе отъ примѣси обычнаго права и приблизить ихъ къ началамъ римскаго права. Вотъ почему Прохиронъ представляетъ собою переработку Юстиніанова права, несравненно болѣе близкую къ этому послѣднему, нежели Эклога. Можно даже сказать, что постановленія Прохирона заимствованы исключительно изъ Юстиніанова права въ чистомъ его видѣ. Исключеніе изъ этого собственно представляетъ лишь одинъ изъ титуловъ Прохирона, а именно 39-й, посвященный уголовному праву (титулъ этотъ озаглавленъ: Περὶ ποινῶν) и составленный на основаніи соотвѣтствующихъ постановленій (17-го тит.) Эклоги. Прохиронъ дѣйствовалъ до паденія Византійской имперіи, на ряду съ Эклогой, которая, хотя и была формально отмѣнена, продолжала однако сохранять свою силу и послѣ составленія и обнародованія Прохирона.

Подлинный Прохиронъ состоитъ изъ 40 титуловъ, порядокъ расположенія которыхъ весьма близко напоминаетъ систему Эклоги. Изъ 40 титуловъ Прохирона первые 11 трактуютъ о бракѣ и приданомъ, титулы 12—

слѣд. два капитальныхъ труда: 1) Historia juris graeco-romani delineatio cum appendice ineditorum, вышедшій въ 1839 г. и заключающій въ себѣ полный очеркъ внѣшней исторіи византійскаго права, и 2) Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts, появившійся впервые въ 1856—1864 гг., а затѣмъ переизданный еще дважды,—въ послѣдній разъ въ 1892 г. Этотъ послѣдній трудъ, посвященный внутренней исторіи византійскаго права, содержитъ въ себѣ полную исторію частнаго, или гражданскаго, права, а также процессуальнаго и уголовнаго.

20—объ обязательствахъ, тит. 21—37 посвящены главнымъ образомъ наслѣдственному праву (въ этомъ отдѣлѣ находятся также нѣкоторые законы процессуальные, постановленія, относящіяся къ церкви, и пр.), тит. 38-й говоритъ о частныхъ и публичныхъ постройкахъ, тит. 39-й содержитъ въ себѣ постановленія, относящіяся къ уголовному праву, и, наконецъ, титулъ 40-й посвященъ вопросу о военной добычѣ.

Первое вполнѣ научное изданіе подлиннаго текста Прохирона, сопровождающееся внѣшней исторіей этого памятника, принадлежитъ упомянутому уже юристу-византологу Цахаріэ-фонъ-Лингенталю (Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Heidelbergae, 1837 a.).

Полный переводъ Прохирона входитъ въ составъ печатной Кормчей, какъ 48-ая ея глава, при чемъ Прохиронъ именуется *Закономъ Градскимъ* или, точнѣе: „Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ“.

Сверхъ указанныхъ только что двухъ оффиціальныхъ сборниковъ византійскаго права, получившихъ на Руси значеніе источниковъ дѣйствующаго права, въ составъ нашихъ Кормчихъ входитъ также памятникъ (онъ встрѣчается и въ лѣтописяхъ), извѣстный подъ именемъ **Закона суднаго людемъ** или **Судебника царя Константина.** Въ Кормчихъ книгахъ памятникъ этотъ приписывается и совершенно неосновательно имп. Константину Великому. Въ дѣйствительности, это—частный компилятивный сборникъ, составленный для практическихъ цѣлей какимъ-либо юристомъ-практикомъ, повидимому, славяниномъ, на основаніи византійскихъ законовъ, а именно Эклоги, а также законовъ Моисеевыхъ. „Законъ судный людемъ“, вообще довольно далекій отъ права византійскаго, а представляющій лишь его переработку, содержитъ въ себѣ постановленія, приспособленныя къ состоянію, т. е. къ быту и воззрѣніямъ славянскихъ народовъ, только-что принявшихъ христіанство. Вотъ почему сборникъ этотъ, составленный, вѣроятно, въ концѣ IX в. и предназначенный, какъ предполагаютъ, собственно для южныхъ славянъ (а именно для болгаръ, принявшихъ крещеніе около 865 г.), оказался вполнѣ пригоднымъ также и для русскихъ и имѣлъ на Руси практическое значеніе; это видно между прочимъ изъ того, что его постановленія въ нѣкоторыхъ рукописныхъ Кормчихъ и лѣтописяхъ слѣдуютъ непосредственно за постановленіями Русской Правды, а нерѣдко даже излагаются въ перемежку съ этими послѣдними.

Сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Закона суднаго“ или „Судебника ц. Константина“, дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, въ краткой и пространной. Краткая и, несомнѣнно, древнѣйшая редакція представляетъ собою древне-славянскую переработку главнымъ образомъ 17-го титула Эклоги (посвященнаго уголовному праву), съ небольшими извлеченіями изъ другихъ титуловъ того же памятника (напр., изъ 14-го тит. заимствованы

нѣкоторыя статьи о свидѣтеляхъ или о послушествѣ). Эта редакція входитъ въ составъ печатной Кормчей, занимаетъ въ ней 46-ю главу и носитъ такой заголовокъ: „Законъ судный людемъ царя Константина Великаго". Пространная же редакція, превышающая своимъ объемомъ болѣе чѣмъ вдвое (въ ней около 80-ти статей) редакцію краткую, содержитъ въ себѣ извлеченія не только изъ византійскихъ законовъ, но также изъ законовъ Моисеевыхъ. Пространная редакція „Закона суднаго" напечатана Строевымъ по списку XVI в. въ 1-й ч. „Софійскаго Временника" и въ 1843 г. Дубенскимъ во второй части „Русскихъ Достопамятностей" по списку XIV в.

Къ числу юридическихъ компиляцій, посредствомъ которыхъ нормы византійскаго права, хотя и не въ чистомъ, а въ переработанномъ, т. е. приспособленномъ къ русскому праву, видѣ проникли на Русь, принадлежитъ также весьма важный по содержанію и своему значенію сборникъ, извѣстный подъ именемъ **Книгъ законныхъ.** Сборникъ этотъ, не вошедшій въ составъ печатной, а также рукописныхъ Кормчихъ и носящій въ сохранившихся рукописяхъ заглавіе: „*Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ*", появился у насъ, по мнѣнію проф. Павлова [1]), въ концѣ XII или въ началѣ XIII в. и представляетъ собою переводъ или, точнѣе, компиляцію византійскихъ законовъ, сдѣланную неизвѣстнымъ авторомъ, повидимому, русскаго происхожденія. Источниками для этой компиляціи послужили Земледѣльческій законъ императоровъ-иконоборцевъ, Эклога и Прохиронъ.

Обозрѣваемый памятникъ состоитъ изъ 4-хъ частей (кромѣ предисловія, заимствованнаго изъ Эклоги), которыя носятъ въ текстѣ слѣдующіе заголовки: 1) „Закони земледѣльніи отъ Оустиніановыхъ книгъ о земледѣльцѣхъ", 2) „Законъ о казнѣхъ", 3) „О раздѣленіи бракомъ" и 4) „Главы о послусѣхъ". Первая изъ этихъ частей, или Законы земледѣльные, представляетъ собою переводъ Земледѣльческаго устава (Νόμος γεωργικός), неправильно приписаннаго имп. Юстиніану, а нѣкоторыми русскими учеными (Максимовичемъ) даже вел. кн. Ярославу, на самомъ же дѣлѣ составленнаго въ Греціи, по всей вѣроятности, въ эпоху императоровъ-иконоборцевъ, т. е. приблизительно въ VIII в. Уставъ этотъ касается различныхъ сторонъ экономическаго и гражданскаго быта крестьянъ-земледѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ содержитъ и постановленія уголовнаго характера примѣнительно къ земледѣльческому быту: о захватѣ чужой земли, о порубкахъ и потравахъ, о кражѣ земледѣльческихъ орудій, скота, плодовъ и проч., о поджогѣ и т. п.—Вторая часть, или „Законъ о казнѣхъ", составляющая пе-

---

[1]) Проф. Павловъ издалъ древне-русскій и греческій тексты этого памятника и предпослалъ своему изданію весьма цѣнное историко-юридическое введеніе. См. А. Павловъ: „Книги законныя". Спб., 1885 г.

реводъ 39-го титула (περὶ ποινῶν) Прохирона съ добавленіями изъ 40-го и 26-го титуловъ, трактуетъ о различныхъ преступленіяхъ противъ государства, вѣры и нравственности, а также противъ жизни, здоровья, свободы, чести и имущества частныхъ лицъ.—Третья часть обозрѣваемаго памятника, или законъ „о раздѣленіи бракомъ", является переводомъ 11-го титула Прохирона (περὶ διαλύσεως γάμου), съ дополненіями изъ другихъ титуловъ того же кодекса, и содержитъ въ себѣ постановленія о причинахъ развода и о незаконныхъ бракахъ.—Наконецъ, четвертая часть, или „Главы о послусѣхъ", представляющая собою переводъ 27-го титула Прохирона (περὶ μαρτύρων) и соотвѣтствующихъ къ нему добавленій изъ 14-го титула Эклоги, содержитъ въ себѣ постановленія о послухахъ или свидѣтеляхъ.

Компилятивный сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Книгъ законныхъ", сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, преимущественно XV и XVI вв. Первое полное изданіе „Книгъ законныхъ" было сдѣлано Башиловымъ въ 1768 г., въ приложеніи къ напечатанному имъ Судебнику 1550 г. Второе и новѣйшее (1885 г.) критическое изданіе обозрѣваемаго памятника принадлежитъ проф. Павлову (см. примѣч. на стр. 107); славянскій текстъ этого изданія, напечатанный по списку XV в., помѣщенъ параллельно съ текстомъ греческаго подлинника, взятымъ изъ рукописи тоже XV в.

4. Способъ рецепціи, ея объемъ и вліяніе на право русское. Всѣ перечисленные выше сборники и компиляціи византійскаго права, какъ оффиціальнаго (Эклога и Прохиронъ), такъ и частнаго (Законъ судный и Книги законныя) происхожденія, несомнѣнно уже съ древнихъ временъ служили на Руси источниками дѣйствующаго права. Это подтверждается не только фактомъ нахожденія означенныхъ памятниковъ въ Кормчихъ и иныхъ рукописныхъ сборникахъ, но и другими данными. Въ частности, по отношенію къ Эклогѣ, или Главизнамъ царей Леона и Константина, сказанное подтверждается тѣмъ, что происхожденіе и содержаніе нѣкоторыхъ статей пространныхъ списковъ Русской Правды можно объяснить лишь вліяніемъ соотвѣтствующихъ постановленій Эклоги и вообще тѣмъ практическимъ значеніемъ этого сборника, которое онъ получилъ въ нашемъ отечествѣ, благодаря, конечно, духовенству и практикѣ церковныхъ судовъ. Еще болѣе данныхъ имѣется для доказательства юридической силы въ древне-русской судебной практикѣ другого оффиціальнаго сборника византійскаго права—Прохирона. Данныя эти заключаются въ свидѣтельствѣ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ памятниковъ, изъ которыхъ видно, что Прохиронъ или Градскій законъ пользовался значеніемъ источника права не только въ земскій періодъ (см., напр., разсказъ лѣтописца объ отмѣнѣ при Владимірѣ св. виръ и введеніи смертной казни), но и позже, въ періодъ Московскій, когда Градскій законъ послужилъ однимъ изъ непосредственныхъ источниковъ (и при томъ источникомъ, указаннымъ самимъ за-

конодателемъ) Соборнаго Уложенія, и когда, по требованію Новоуказныхъ статей 1669 г., уголовныя дѣла должны были рѣшаться на основанія не только Уложенія, но и Градскихъ законовъ.

Если Эклога и Прохиронъ, несмотря на непримѣнимость или непригодность для русской юридической жизни нѣкоторыхъ своихъ частей и несмотря на малопонятный и неточный часто славянскій переводъ греческаго текста обоихъ памятниковъ, имѣли несомнѣнное практическое значеніе на Руси, то, конечно, такимъ значеніемъ еще въ большей степени должны были пользоваться тѣ юридическія компиляціи, которыя обращались на Руси подъ именемъ Закона суднаго людемъ и Книгъ законныхъ и которыя, хотя и имѣли своими источниками Эклогу, Прохиронъ и нѣкот. другіе памятники греко-римскаго права, но содержали въ себѣ нормы, болѣе приспособленныя къ быту и воззрѣніямъ славянскихъ народовъ и въ частности русскаго, нежели только-что названные византійскіе сборники оффиціальнаго характера. Что Законъ судный людемъ служилъ на Руси въ продолженіи ряда вѣковъ несомнѣннымъ источникомъ дѣйствующаго права и вполнѣ соотвѣтствовалъ потребностямъ туземной юридической практики, это видно уже изъ того, что статьи этого сборника, какъ о томъ упоминалось раньше, слѣдуютъ въ лѣтописяхъ и рукописныхъ Кормчихъ непосредственно за постановленіями Русской Правды или излагаются въ перемежку съ этими послѣдними. Наконецъ, что касается второго и болѣе пространнаго изъ двухъ упомянутыхъ компилятивныхъ юридическихъ сборниковъ, а именно такъ называемыхъ Книгъ законныхъ, то его юридическая сила въ древне-русской практикѣ какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ судовъ доказывается, сверхъ всякихъ другихъ соображеній (напр., о туземномъ его происхожденіи), еще сопоставленіемъ, вообще любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ, обозрѣваемаго памятника съ греческими оригиналами тѣхъ византійскихъ сборниковъ (Νόμος γεωργικός, Πρόχειρον и Ἐκλογή), которые служили ему непосредственными источниками. Оказывается, что русскій переводчикъ или, точнѣе, компиляторъ не только передѣлывалъ на русскій ладъ византійскіе термины, но дѣлалъ также разныя перемѣны, сокращенія и дополненія въ текстѣ, представляющія нерѣдко болѣе или менѣе рѣзкое уклоненіе отъ началъ византійскаго права. Такое вполнѣ свободное отношеніе компилятора къ греческимъ оригиналамъ, служившимъ источниками для его труда, доказываетъ, что этотъ послѣдній совершался не ради какихъ-либо обыкновенныхъ литературныхъ цѣлей, а въ видахъ составленія юридическаго руководства, по возможности приспособленнаго къ потребностямъ русской судебной практики. Несомнѣнно, съ этой именно цѣлью компиляторъ-переводчикъ постарался сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы, во 1-хъ, извлечь изъ византійскихъ сборниковъ всѣ наиболѣе необходимыя и пригодныя части, а во 2-хъ, приспособить заимствованные византійскіе

законы къ русскому быту и понятіямъ и вообще приблизить ихъ къ русскому праву.

Содержаніе разсмотрѣнныхъ сборниковъ и компиляцій касается, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ различныхъ вопросовъ семейнаго, наслѣдственнаго и уголовнаго права, т. е. большинства тѣхъ именно вопросовъ, которые по нашимъ церковнымъ уставамъ подлежали церковной юрисдикціи. Нуждаясь для своего руководства при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ въ соотвѣтствующихъ законахъ и не всегда находя нужныя или согласныя съ христіанскими понятіями нормы въ дѣйствующемъ туземномъ обычномъ правѣ, духовенство со времени возникновенія у насъ церковныхъ судовъ естественно должно было, какъ о томъ уже упоминалось выше, обратиться къ извѣстнымъ ему и находящимся въ Номоканонѣ свѣтскимъ постановленіямъ византійскихъ императоровъ. Такъ положено было начало рецепціи византійскаго права, объемъ которой обусловливался скудостью и недостаточностью нормъ туземнаго обычнаго и законодательнаго правъ (т. е. степенью необходимости), а въ частности косвенно указывался нашими церковными уставами. Такимъ образомъ духовенство постепенно ознакомило русскихъ и ихъ право съ элементами права византійскаго. которое въ дальнѣйшемъ отчасти измѣнило многіе институты національнаго обычнаго права, отчасти же обогатило это послѣднее новыми нормами. Новыя заимствованныя нормы усвоивались, однако, и соблюдались не въ силу внѣшняго авторитета, или законодательной санкціи, а въ силу практической необходимости и соотвѣтствія ихъ потребностямъ времени и, наконецъ, въ силу внутренней основы правосознанія, которая въ разсматриваемую эпоху была еще въ весьма тѣсной связи съ чувствомъ вѣры, съ основами религіи. Кромѣ того, духовенство, руководствуясь во всѣхъ случаяхъ и повсюду обязательнымъ для нея Номоканономъ, т. е. однѣми и тѣми же однообразными нормами, сильно способствовало объединенію началъ права, представлявшаго свои мѣстныя особенности и различія въ отдѣльныхъ земляхъ или областяхъ, т. е., другими словами, весьма содѣйствовало образованію права, общаго для всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію, общаго для всѣхъ ея областей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи вліяніе церкви, а вмѣстѣ съ нею и византійскаго права, надо признать весьма рѣшительнымъ и значительнымъ. При всемъ томъ, говоря вообще, вліяніе въ Россіи греко-римскаго или византійскаго права все же было менѣе чувствительно и всеобъемлюще, нежели на Западѣ Европы вліяніе права чисто римскаго, и рецепція у насъ привела къ нѣсколько инымъ результатамъ, нежели какіе получились тамъ. На Западѣ сборники Юстиніана по тѣмъ или другимъ причинамъ сдѣлались обязательными въ цѣломъ своемъ видѣ (въ Германіи, напр., рецепція привела къ полному усвоенію всей системы римскаго гражданскаго права), у насъ же усвоивалось изъ нѣкоторыхъ визан-

тійскихъ кодексовъ только то, что было наиболѣе пригодно, и притомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо, и въ томъ видѣ, въ какомъ рецепируемыя нормы наиболѣе соотвѣтствовали быту и воззрѣніямъ русскаго народа, благодаря чему нерѣдко происходило своеобразное сочетаніе началъ византійскаго права съ національными. При такихъ условіяхъ рецепція, или заимствованіе чужого права, у насъ не заглушила права національнаго, а лишь обогатила это послѣднее новыми началами, оставляя ему просторъ нормально и свободно развиваться,—развиваться, не отступая отъ національныхъ основъ, не теряя своего національнаго характера.

ГЛАВА V.

Русская Правда.

1. Понятіе о Русской Правдѣ. Созданіемъ Русской Правды завершилась юридическая жизнь древнѣйшаго или земскаго періода. Этотъ величайшей важности памятникъ, являющійся вѣнцомъ древне-русскаго права, можно разсматривать, какъ первый источникъ общаго русскаго права, права, дѣйствовавшаго одинаково въ различныхъ областяхъ, во всей тогдашней русской землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ памятникъ есть не только главный и наиболѣе полный, но во многихъ случаяхъ и единственный источникъ нашихъ свѣдѣній о состояніи права въ земскій періодъ.

Подъ именемъ Русской Правды слѣдуетъ разумѣть рядъ юридическихъ сборниковъ, составленныхъ въ XI, XII и XIII вв. частными лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права, судебныхъ рѣшеній и отчасти византійскихъ источниковъ.

2. Краткая исторія открытія и научной разработки Русской Правды. Русская Правда была открыта извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ въ 1738 г. въ рукописи конца XV в., а именно въ Новгородской лѣтописи. Оцѣнивъ всю важность своей находки, Татищевъ сдѣлалъ списокъ съ найденной имъ Правды, снабдилъ его переводомъ (довольно, впрочемъ, неисправнымъ) и примѣчаніями и въ такомъ видѣ представилъ свой трудъ въ Академію Наукъ, которая, однако, не поторопилась изданіемъ найденнаго памятника. Въ томъ же XVIII в. было открыто еще нѣсколько новыхъ списковъ (кромѣ Татищевскаго, еще другихъ 8). Но этимъ изслѣдователи на поприщѣ исторіи и древностей не удовлетворились: поиски новыхъ списковъ продолжались и въ слѣдующемъ XIX вѣкѣ. Поиски эти увѣнчались успѣхомъ: въ разныхъ монастырскихъ архивахъ и библіотекахъ и въ другихъ книгохранилищахъ нашлось еще нѣсколько десятковъ новыхъ списковъ Русской Правды, открытыхъ въ рукописныхъ лѣтописяхъ, кормчихъ и др. сборникахъ. Какъ велико число отдѣльныхъ списковъ Русской Правды, можно судить уже по тому, что въ началѣ 40-хъ годовъ Ка-

лачовъ имѣлъ возможность изучить и сравнить между собою 50 различныхъ списковъ, которыми не исчерпывалось, однако, все количество извѣстныхъ даже тогда списковъ. Имѣется указаніе (Строева), что общее число списковъ Русской Правды какъ уже извѣстныхъ, такъ и еще неоткрытыхъ, но несомнѣнно существующихъ можетъ дойти до огромной цифры—300.

Если Татищеву принадлежитъ честь открытія Русской Правды, то Августу Шлецеру принадлежитъ честь перваго печатнаго изданія этого памятника. Онъ былъ изданъ этимъ ученымъ въ 1767 г. (на основаніи рукописи, доставленной Татищевымъ Академіи Наукъ еще въ 1738 г.) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Правда Руская, данная въ XI в. отъ великихъ князей Ярослава Владимирича и сына его Изяслава Ярославича. Изданіе Августа Шлѣцера".

Съ тѣхъ поръ и до нашего времени Русская Правда была издана многократно (извѣстно около 25-ти печатныхъ ея изданій) какъ русскими, такъ польскими (Раковѣцкимъ и Кухарскимъ) и чешскими [1]) учеными. Изъ многочисленныхъ этихъ изданій слѣдуетъ отмѣтить, какъ наиболѣе важныя, слѣдующія:

1) Въ 1-й части „Русскихъ Достопамятностей" (изд. въ 1815 г.); здѣсь напечатанъ древнѣйшій списокъ Русской Правды, такъ называемый *Синодальный*, конца XIII в.;

2) Во 2-ой части „Русскихъ Достопамятностей" (изд. въ 1843 г.); здѣсь напечатанъ такъ называемый *Пушкинскій* списокъ конца XIII или XIV в., снабженный примѣчаніями издателя—Дубенскаго;

3) Изданіе 1844 г. Тобина въ его „Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen"; здѣсь помѣщенъ синопсисъ или сравнительное обозрѣніе 3-хъ редакцій Р. П., съ варіантами изъ различныхъ списковъ;

4) Изданіе 1846 г., сдѣланное Калачовымъ въ его изслѣдованіи „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды"; это изданіе представляетъ сводный текстъ Русской Правды на основаніи 50-ти списковъ;

5) Изданіе проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, сдѣланное въ 1885 г. во 2-мъ вып. его „Изслѣдованія о Русской Правдѣ". Здѣсь текстъ памятника напечатанъ по 4-мъ спискамъ, съ варіантами изъ прочихъ извѣстныхъ списковъ; между прочимъ здѣсь перепечатанъ или, точнѣе, вновь изданъ самый древній списокъ—*Синодальный*.

Кромѣ перечисленныхъ только что, не менѣе цѣнны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе доступны два слѣдующихъ изданія:

---

[1]) Въ 1880 г. извѣстный чешскій ученый Герменгильдъ Иречекъ издалъ сборникъ памятниковъ славянскаго права: „Svod zákonův Slovanskych", куда между прочимъ вошла и Русская Правда, напечатанная по двумъ спискамъ (Академическому и Троицкому).

6) Изданіе Калачова по четыремъ спискамъ: *Академическому* конца XV в., *Троицкому* конца XIV в., *Карамзинскому* XV в. и *кн. Оболенскаго* 2-ой полов. XVII в.; это изданіе, вышедшее впервые въ 1847 г., повторялось еще трижды (въ послѣдній разъ въ 1889 г.); и

7) Изданіе проф. Владимірскаго-Буданова въ 1 вып. его „Христоматіи по ист. рус. права"; здѣсь напечатаны два списка: *Академическій* и *Карамзинскій*, съ многочисленными и весьма цѣнными объяснительными примѣчаніями, дѣлающими данное изданіе особенно важнымъ.

Что касается научной обработки, т. е. изслѣдованій о Русской Правдѣ, то первый трудъ, посвященный этому памятнику, принадлежитъ акад. Струбе-де-Піермонту. Трудъ этотъ, изданный раньше перваго печатнаго изданія самаго памятника, вышелъ въ 1756 г. на французскомъ и русскомъ яз. подъ заглавіемъ: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ" (Discours sur l'origine et les changemens des loix Russiennes). Малоцѣнному труду этому суждено было положить начало обширной литературѣ, посвященной изслѣдованію Русской Правды. До нашего времени вышло въ одной Россіи (не считая литературы нѣмецкой и др. иностранныхъ) свыше 50-ти сочиненій, посвященныхъ исключительно или въ значительной степени Русской Правдѣ [1]).

3. Происхожденіе Русской Правды. Первый вопросъ, который возникаетъ при обозрѣніи Русской Правды, это вопросъ о ея происхожденіи: есть ли она памятникъ оффиціальный, т. е. актъ законодательной дѣятельности князей, или же юридическій сборникъ (точнѣе, рядъ сборниковъ), составленный частными лицами, которые записывали юридическія нормы, примѣнявшіяся на практикѣ. Въ литературѣ нашей по этому вопросу не существовало, да и теперь еще не существуетъ единогласнаго мнѣнія: одни изъ изслѣдователей стоятъ за оффиціальное, а другіе, составляющіе значительное большинство, за частное составленіе этого памятника.

Когда въ первый разъ были открыты нѣкоторые списки Русской Правды, то утвердилось мнѣніе, что она составлена вел. кн. Ярославомъ, какъ единый цѣльный законодательный сборникъ или кодексъ. Такъ, Карамзинъ всю Русскую Правду, отъ начала до конца, считаетъ законодательнымъ актомъ Ярослава Мудраго; Тобинъ, Погодинъ, Бѣляевъ и нѣкот. другіе первую часть Русской Правды приписываютъ Ярославу, а все остальное считаютъ законами его сыновей и Владиміра Мономаха (начиная со

---

[1]) Перечень изслѣдованій о Русской Правдѣ приводится въ Христоматіи проф. В.-Буданова. Изъ изслѣдованій, посвященныхъ внѣшней исторіи Русской Правды, заслуживаютъ особеннаго вниманія труды Калачова (Предварительныя юридич. свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Москва, 1846 г. и изд. 2-е СПБ., 1880 г.), Тобина (Die Prawda Russkaja, 1844 г.) и проф. Мрочекъ-Дроздовскаго (Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, вып. I—III. Москва 1881—1892 г.)

статьи 48 Троицк. списка). Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей такого же мнѣнія, т. е. считаютъ Русскую Правду оффиціальнымъ или законодательнымъ актомъ, г.г. Грицко и Ланге, а также проф. Мрочекъ-Дроздовскій.

Мнѣніе объ оффиціальномъ происхожденіи Русской Правды основывается: 1), на заголовкахъ или надписаніи всей Правды или отдѣльныхъ ея частей, а 2), на сказаніи лѣтописи. Но заголовки, встрѣчаемые въ Правдѣ, а именно: „Уставъ вел. князя Ярослава", „Судъ Ярославль Владимѣричь", „Уставъ Володимѣрь Всеволодича" или „А се уставилъ вел. князь Владимеръ Всеволодовичь Манамахъ" и многіе др., сами по себѣ еще ничего не доказываютъ; къ тому же первые два заголовка встрѣчаются не во всѣхъ, а только въ позднѣйшихъ спискахъ, а два послѣднихъ относятся лишь къ статьямъ о процентахъ („о рѣзѣ"), а не ко всей послѣдней части Р. Правды. Что же касается ссылки на сказаніе лѣтописи, то это послѣднее также не даетъ права, какъ это мы сейчасъ увидимъ, приходить къ заключенію объ оффиціальномъ характерѣ Русской Правды.

Въ Новгородской лѣтописи древнѣйшаго списка подъ 1016 г. разсказывается, что во время войны Ярослава съ братомъ Святополкомъ новгородцы помогали Ярославу; сообщая далѣе о наградахъ, которыя онъ далъ всѣмъ воинамъ, а особенно новгородцамъ, при отправленіи ихъ домой, лѣтописецъ прибавляетъ: „и давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, тако же держите". Вслѣдъ за этими словами въ той же лѣтописи идетъ текстъ древнѣйшей Правды. На основаніи всего вышеизложеннаго лѣтописнаго сказанія, защитники оффиціальнаго происхожденія Русской Правды утверждаютъ, что она и есть тотъ именно уставъ, который въ 1016 г. Ярославъ далъ новгородцамъ, отпуская ихъ домой. Но противъ этого можно возразить слѣдующее. По смыслу лѣтописнаго сказанія, предшествующаго тексту Русской Правды, читатель лѣтописи въ правѣ ожидать въ дальнѣйшемъ изложеніи какого-либо устава или грамоты, которая заключала бы въ себѣ особыя льготы и преимущества, предоставленныя Ярославомъ новгородцамъ въ благодарность за оказанную ими помощь, между тѣмъ онъ встрѣчаетъ въ лѣтописи не жалованную грамоту, а Русскую Правду, которая не содержитъ въ себѣ никакихъ льготъ, никакихъ княжескихъ милостей ни вообще, ни для новгородцевъ въ частности. Ясно, что приведенный лѣтописный разсказъ и слѣдующій за нимъ текстъ Русской Правды не соотвѣтствуютъ другъ другу, и что первый изъ нихъ нисколько не объясняетъ происхожденія второго, такъ какъ болѣе чѣмъ очевидно, что Русская Правда не могла возникнуть при тѣхъ условіяхъ, которыя приведены въ лѣтописи. Попала же она въ лѣтопись вслѣдъ за разсказомъ, занесеннымъ подъ 1016 г., или потому, что таково было личное мнѣніе лѣтописца о происхожденіи Правды, или же потому, что „лѣтописецъ, выражаясь словами проф. Дювернуа, имѣя въ

рукахъ старинный актъ съ именемъ Ярослава и мало вникая въ его содержаніе, занесъ его въ свою лѣтопись подъ тотъ годъ, подъ который ему казалось болѣе умѣстнымъ“ [1]).

Совершенно иного мнѣнія о происхожденіи Русской Правды, противоположнаго вышеизложенному, придерживается другая и болѣе значительная часть ученыхъ, изъ которыхъ многіе посвятили не мало времени и труда спеціальному изученію Русской Правды и др. древнѣйшихъ памятниковъ нашего права; таковы—бар. Розенкампфъ, извѣстный своимъ трудомъ о Кормчей книгѣ, Морошкинъ, Полевой, Калачовъ и многіе другіе, а изъ новѣйшихъ изслѣдователей проф. Дювернуа, М. Ф. В.-Будановъ, В. И. Сергѣевичъ и нѣкот. другіе.

Если мнѣніе ученыхъ, стоящихъ за оффиціальное происхожденіе Русской Правды, покоится на шаткихъ, какъ мы видѣли, основаніяхъ, то нельзя этого же сказать относительно многочисленныхъ доводовъ тѣхъ изслѣдователей, которые доказываютъ, что обозрѣваемый памятникъ представляетъ собою не законодательный актъ, а рядъ юридическихъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами. Вотъ доводы, говорящіе въ пользу частнаго характера Русской Правды. Во-первыхъ, *разнообразіе состава Правды въ разныхъ ея спискахъ*, чего, конечно, не было бы, если бы памятникъ этотъ былъ составленъ оффиціально и въ одно опредѣленное время, а не создавался постепенно. — Во-вторыхъ, *внѣшняя форма Русской Правды и многіе встрѣчающіеся въ ней обороты рѣчи нисколько не напоминаютъ законодательнаго акта* или княжескаго устава. Грамоты и уставы князей обыкновенно начинались формулой: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа... се азъ (такой-то) уставляю (пожаловалъ)“..., или к.-л. инымъ указаніемъ, отъ кого и къ кому обращенъ данный актъ; Русская же Правда начинается такъ: „Оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата“... Кромѣ того, въ обозрѣваемомъ памятникѣ по отношенію къ законодателю всюду употребляется третье лицо: „По Ярославѣ совъкупившеся сынове его (такіе-то)... и отложиша оубиеніе за головоу“..., „Яко оуставилъ Изяславъ“..., „Ярославъ... былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коуны“... и т. д. Какъ форма обозрѣваемаго памятника, такъ и приведенные обороты рѣчи совершенно необычны въ законодательныхъ актахъ:

[1]) Кромѣ того, небезынтересно и слѣдующее. По словамъ Калачова, въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Карамзину и писанной почеркомъ XV в., непосредственно за разсказомъ о награжденіи новгородцевъ и текстомъ Русской Правды слѣдуетъ также „Судебникъ царя Константина“ (Законъ судный людемъ). Фактъ этотъ, очевидно, еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе, что текстъ Русской Правды вставленъ по личному соображенію лѣтописца, и что, слѣд., нѣтъ никакого основанія, опираясь на данное мѣсто лѣтописи, видѣть въ Русской Правдѣ законодательный актъ, изданный Ярославомъ для новгородцевъ.

о себѣ законодатель обыкновенно не говоритъ въ третьемъ лицѣ; такъ можетъ выражаться лишь частное лицо, знающее и повѣствующее о томъ, что именно сдѣлалъ тотъ или другой князь.—Въ-третьихъ, *нахожденіе въ текстѣ Русской Правды вовсе не законодательнаго матеріала.* Такимъ совершенно незаконодательнымъ матеріаломъ являются статьи отъ 49 до 64 вкл. Карамз. списка, опредѣляющія приплодъ овецъ, козъ, свиней и пр. въ различные періоды времени (въ 12, 10 и т. д. лѣтъ) и представляющія собою, какъ замѣтилъ еще акад. Срезневскій, ариѳметическое соображеніе досужаго расчетчика, случайно занесенное въ одинъ изъ позднихъ списковъ Русской Правды и потомъ безсознательно переписанное нѣсколькими другими. Сюда же относятся и помѣщенныя въ текстѣ памятника толкованія той или другой статьи этого послѣдняго; такъ, вслѣдъ за постановленіемъ о томъ, что за кражу, совершенную холопомъ, взыскивается двойное вознагражденіе въ пользу истца, приводятся мотивы, почему князь не наказываетъ холоповъ продажей (ст. 43 Кар. сп.). Ясно, что не законодатель, а лишь частный записыватель или собиратель правовыхъ нормъ могъ находить необходимымъ объясненіе, почему принятъ тотъ или другой порядокъ.—Въ-четвертыхъ, *многія статьи Р. П. представляютъ собою явную запись судебныхъ рѣшеній по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ*; напр.: „а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци“ (ст. 21 Акад. спис.) и т. д.—Въ-пятыхъ, *въ самомъ текстѣ Р. П. можно подмѣтить явные слѣды работы частнаго лица*, составителя краткой Правды. Такъ въ Академическомъ спискѣ вслѣдъ за рядомъ статей (18—41), представляющихъ собою такъ назыв. Правду Ярославичей, т. е. сводъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями, стоитъ статья 42-я, начинающаяся словами: „А се поклонъ вирныи“..., и заканчивающаяся обозначеніемъ, что она содержитъ въ себѣ постановленіе Ярослава: „то ти оурокъ Ярославль“. Очевидно, что матеріалъ краткой Правды, представляющей собою такъ назыв. Правду Ярослава и его сыновей, подвергся извѣстной обработкѣ, или систематизаціи.—Наконецъ, сверхъ приведенныхъ доводовъ, въ пользу частнаго составленія Русской Правды говоритъ также и аналогія съ явленіемъ, замѣчаемымъ у другихъ народовъ: первые опыты кодификаціи отдѣльныхъ уставовъ, нормъ обычнаго права и судебныхъ рѣшеній совершаются повсюду прежде всего частными лицами, конечно, въ интересахъ практическихъ, т. е. съ цѣлью сдѣлать уставы и нормы обычнаго и судебнаго права доступными для ознакомленія и руководства какъ частныхъ лицъ, такъ и судей. Таково, напр., происхожденіе упомянутыхъ выше Саксонскаго и Швабскаго Зерцалъ въ Германіи (въ XIII в.), многочисленныхъ сборниковъ обычнаго и судебнаго права въ Чехіи (XIV—XV в.) и многихъ книгъ или сборниковъ нормъ обычнаго права (common law) въ Англіи, которая и донынѣ не знаетъ правительственной

кодификаціи. Всѣ такого рода неоффиціальные сборники, составляющіе дѣло частныхъ лицъ, возникли гораздо раньше кодексовъ, предпринятыхъ законодательною властью, и притомъ въ тѣ времена, когда законодательная дѣятельность не только не преобладала, но вообще была довольно слабо развита, и когда правительственная власть нерѣдко довольствовалась признаніемъ обязательной силы подобныхъ сборниковъ и записей или же, какъ то было въ Германіи въ XIII—XV, а особенно во Франціи въ XIII—XVI вв., старалась лишь привести въ извѣстность существующее обычное право и заключить его въ оффиціально-редактированные сборники (герм. Weistümer; франц. coutumes: c. générales, c. locales) [1]).

На основаніи всего вышеизложеннаго, слѣдуетъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые доказываютъ неоффиціальное происхожденіе Русской Правды и въ этой послѣдней видятъ не законодательный актъ, изданный въ опредѣленное время, а рядъ юридическихъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами въ различное время.

4. Краткій обзоръ списковъ Русской Правды и классификація ихъ по редакціямъ. Текстъ Русской Правды сохранился во множествѣ рукописей, писанныхъ въ XIII, XIV, XV, XVI и XVII вв. и представляющихъ собою лѣтописи, кормчія и сборники весьма разнообразнаго, главнымъ образомъ духовнаго содержанія. Такъ какъ рукописныхъ кормчихъ, гдѣ преимущественно и обыкновенно встрѣчаются списки Русской Правды, дошло до насъ, по свидѣтельству знатока нашей древней письменности П. М. Строева, не менѣе 300-тъ, то, стало быть, и возможное число списковъ Р. П. простирается до этой солидной цифры. Изъ этого громаднаго количества намъ, благодаря главнымъ образомъ труду Калачова („Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды"), извѣстно въ настоящее время нѣсколько болѣе 50-ти списковъ Русской Правды, напечатанныхъ или полностію, или въ извлеченіи (въ видѣ важнѣйшихъ варіантовъ).

Сравнивая всѣ извѣстные намъ списки Русской Правды между собою, можно убѣдиться, что они вообще чрезвычайно разнообразны, а именно, что одни изъ нихъ отличаются отъ другихъ не только мѣстомъ своего нахожденія, временемъ составленія и написанія, но также, что особенно важно, внѣшними и внутренними свойствами текста. Въ частности одни списки отличаются отъ другихъ:

---

[1]) Впрочемъ, и здѣсь, на поприщѣ собиранія и обработки нормъ обычнаго права, иниціатива частныхъ лицъ предупредила иниціативу правительства; такъ, древнѣйшіе сборники (XIII—XIV вв.) французскихъ кутюмовъ, составленные частными лицами и пользовавшіеся авторитетомъ безъ королевской санкціи, предшествовали таковымъ же сборникамъ (XV—XVI вв.), получившимъ оффиціальную редакцію и королевскую санкцію.

Во-первыхъ, *мѣстомъ своего нахожденія*, т. е. различіемъ тѣхъ памятниковъ, въ составѣ которыхъ были открыты тѣ или другіе списки Русской Правды. Часть списковъ (довольно немногочисленная) открыта въ лѣтописяхъ Новгородской и Ростовской; другая часть и наибольшая открыта въ Кормчихъ, а также въ юридическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Мѣрилъ Праведныхъ"; и третья, наконецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая малочисленная часть списковъ найдена въ позднѣйшихъ сборникахъ отдѣльныхъ статей весьма разнообразнаго, преимущественно духовнаго содержанія.

Во-вторыхъ, *временемъ своего написанія*. Опредѣленіе времени написанія того или другого списка находится въ зависимости отъ опредѣленія времени написанія тѣхъ памятниковъ или рукописей, въ составѣ которыхъ онъ открытъ. Такимъ образомъ оказывается, что палеографически, т. е. по времени своего написанія, самыми древними являются нѣкоторые списки Р. П., найденные въ Кормчихъ и „Мѣрилахъ Праведныхъ", а самыми позднѣйшими нѣкоторые изъ списковъ, входящихъ въ составъ позднѣйшихъ сборниковъ статей разнообразнаго содержанія; среднее же мѣсто занимаютъ списки, открытые въ упомянутыхъ лѣтописяхъ древнѣйшаго состава. Въ частности, самыми древними, съ точки зрѣнія палеографіи, списками Русской Правды являются слѣдующіе: 1) списокъ *Синодальный*, относящійся къ XIII в., такъ какъ онъ найденъ въ Кормчей, писанной въ концѣ XIII в. для Новгородскаго Софійскаго собора, а нынѣ принадлежащей Московской Синодальной библіотекѣ[1]); 2) *Пушкинскій* конца XIV в.[2]), открытый въ рукописномъ сборникѣ, подаренномъ Московскому обществу Исторіи и Древностей гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ; 3) *Троицкій* конца XIV вѣка, найденный въ пергаментномъ сборникѣ, носящемъ названіе „Мѣрила Праведнаго"; 4) *Карамзинскій* XV в., находящійся въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей прежде Засѣцкому, а впослѣдствіи Карамзину и 5) *Академическій* конца XV в., открытый въ Новгородской лѣтописи, принадлежащей Академіи Наукъ. Хотя послѣдній списокъ (Академическій) съ точки зрѣнія палеографіи далеко не самый древній, но исторически, т. е. по времени происхожденія, или первоначальнаго своего составленія (составленіе памятника надо отличать отъ его написанія), онъ древнѣе всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ списковъ: списокъ этотъ по своему составу и содержанію представляетъ собою древнѣйшій изъ сводовъ или сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Русской Правды, а именно, отно-

---

[1]) О печатныхъ изданіяхъ этого и другихъ ниже названныхъ древнѣйшихъ списковъ Р. П. упоминалось уже выше. См. стр 112—113.

[2]) Такъ по мнѣнію Строева и Калачова, по мнѣнію же Калайдовича—даже конца XIII в.

сится, какъ то мы увидимъ ниже, еще къ XI вѣку. Что же касается позднѣйшихъ, т. е. самыхъ молодыхъ съ точки зрѣнія палеографіи, списковъ, то таковыми являются списки кн. Оболенскаго и гр. Толстого, относящіеся ко второй половинѣ XVII в. (оба изъ кормчихъ).

Въ-третьихъ, *самымъ наименованіемъ памятника и внѣшнимъ его видомъ*. Такъ, одни списки носятъ краткое заглавіе—*„Правда Роусьская“*, другіе же, напротивъ, имѣютъ пространное заглавіе: *„Суда Ярославль Володимѣричь. Правда Русьская“* или *„Оуставъ великого князя Ярослава Владимерича о судьхъ. Соудъ о душегубствѣ. Правда Роуская“*. Въ спискахъ перваго рода за общимъ краткимъ заглавіемъ слѣдуютъ статьи безъ всякихъ заголовковъ (исключеніе представляетъ лишь единственный заголовокъ, имѣющійся въ срединѣ памятника и раздѣляющій этотъ послѣдній на двѣ половины: „Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ...“); въ спискахъ же второй категоріи, т. е. съ пространнымъ общимъ заглавіемъ, большинство отдѣльныхъ статей имѣетъ свои особые заголовки, которые указываютъ или на содержаніе каждой данной статьи (напр., „о вирахъ“, „о татьбѣ“, „о сводѣ“, „о закупѣ“ и пр.), или на имя князя, изъ устава или же судебнаго рѣшенія котораго она взята, напр.: „Соудъ Ярославлихъ дѣтей“. „А се оуставилъ вел. кн. Владимеръ Всеволодичь Манамахъ“.

Въ-четвертыхъ, *полнотою текста или количествомъ статей*. Въ этомъ отношеніи всѣ списки дѣлятся на три разряда: одни изъ нихъ, наиболѣе древніе по своему составу и происхожденію (но не по написанію), какъ, напр., списокъ Академическій, представляются наиболѣе краткими, такъ какъ имѣютъ не свыше 43-хъ статей; другіе же, болѣе поздніе по происхожденію (хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., списокъ Синодальный, палеографически самые древніе), являются пространными, т. е. заключаютъ въ себѣ свыше 100 статей (отъ 105 до 135 ст.), и, наконецъ, третьи и самые поздніе занимаютъ по объему своему среднее мѣсто (въ нихъ около 60-ти статей). Списки, болѣе полные по числу статей, отличаются отъ краткихъ не только своимъ объемомъ, но и содержаніемъ, а именно въ первыхъ изъ нихъ, сравнительно со вторыми, встрѣчаются дополненія или опущенія въ изложеніи, измѣненія въ числовыхъ знакахъ (въ цифрахъ), обобщенія частныхъ случаевъ и пр.; словомъ, пространные списки исправляютъ и развиваютъ текстъ краткихъ.

Въ-пятыхъ, *порядкомъ размѣщенія статей*. Относительно отличія однихъ списковъ отъ другихъ въ послѣдовательности отдѣльныхъ статей еще Калачовъ сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе: „чѣмъ менѣе полонъ текстъ Русской Правды по количеству статей, тѣмъ менѣе въ немъ соблюдено правило—статьи, сходныя между собою по содержанію или другимъ болѣе случайнымъ признакамъ, соединять въ одну группу; напротивъ, чѣмъ полнѣе

содержаніе списка, тѣмъ болѣе замѣтно въ немъ единства относительно размѣщенія статей на группы и порядка ихъ расположенія". Другими словами, выражаясь короче, пространные списки являются болѣе систематическими сборниками, нежели списки краткіе.

Въ-шестыхъ, наконецъ, одни списки отличаются отъ другихъ *филологическими признаками*, т. е. различаются между собою грамматическими формами, отдѣльными словами и цѣлыми выраженіями, что вполнѣ понятно, такъ какъ текстъ Р. П. дошелъ до насъ въ разновременныхъ спискахъ (отъ XIII до XVII в. включительно). Впрочемъ, отличія этого рода имѣютъ значеніе болѣе въ рукахъ филолога, нежели юриста [1]).

Таковы разнообразные отличительные признаки между многочисленными списками Русской Правды, дошедшими до насъ.

Многочисленность списковъ и различіе ихъ по мѣсту нахожденія, времени написанія, наименованію, числу и порядку статей и пр.,—все это вынуждаетъ для ознакомленія съ ними, а значитъ и для всесторонняго изученія самаго памятника, разсортировать эти списки по тѣмъ или другимъ признакамъ, т. е. раздѣлить ихъ на фамиліи или редакціи. Изслѣдователи Русской Правды хорошо понимали необходимость и важность такого труда и сдѣлали поэтому рядъ попытокъ классифицировать извѣстные имъ списки.

Самая крупная попытка была сдѣлана въ 1846 г. Калачовымъ, которому наука обязана не только подробнымъ ознакомленіемъ ее со множествомъ списковъ Р. Правды, но также критикой предшествующей литературы памятника и научнымъ изданіемъ этого послѣдняго. Все это сдѣлано Калачовымъ въ упомянутомъ выше трудѣ его: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды". Свой опытъ классификаціи Калачовъ произвелъ надъ 50-ю списками. Онъ раздѣлилъ ихъ на 4 фамиліи или редакціи, познакомивъ при этомъ читателя съ многочисленными признаками каждой фамиліи (общими и отличительными). Въ основу своего дѣленія Калачовъ положилъ, однако, не тѣ или другія болѣе существенныя изъ указанныхъ имъ же различій между списками, а исключительно лишь различіе по мѣсту нахожденія ихъ. На этомъ основаніи, Калачовъ къ 1-й фамиліи отнесъ списки древнѣйшихъ лѣтописей (Новгородской и Ростовской); ко 2-й—списки Кормчихъ и юридическихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Мѣрилъ Праведныхъ"; къ 3-й—списки позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописей, или такъ назыв. Софійскихъ Вре-

---

[1]) Филологи, изучивъ филологическія особенности списковъ, могутъ, конечно, прійти къ выводамъ, полезнымъ и для историковъ права. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ краткихъ, т. е. болѣе древнихъ спискахъ, встрѣчаются иногда слова и формы, которыхъ нельзя пріурочить къ самому древнему времени. Объясняется это тѣмъ, что при перепискѣ памятника переписчики подновляли его языкъ, т. е. устарѣвшія слова и формы замѣняли болѣе новыми.

менниковъ, и къ 4-й, наконецъ,—списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ разнообразнаго содержанія статей. Къ сожалѣнію, это дѣленіе оказалось довольно неудачнымъ: его нельзя признать правильнымъ и достаточно характеризующимъ составъ списковъ. И вотъ почему: 1), къ одной и той же фамиліи нерѣдко отнесены списки совершенно различнаго времени, отъ XIII до XVIII в. включительно; 2), текстъ списковъ 2-й фамиліи не представляетъ существенныхъ отличій отъ текста списковъ 3-й и 4-й фамиліи и 3), ко второй фамиліи или, точнѣе, къ различнымъ ея подраздѣленіямъ отнесены списки, совершенно различные по объему, времени составленія и значенію, какъ, напр., списки Синодальный и Троицкій, съ одной, и списокъ кн. Оболенскаго, съ другой стороны. Вслѣдствіе этого мы не только ничего почти не узнаемъ о сравнительной древности той или другой фамиліи, но даже не можемъ судить, какой изъ списковъ служилъ прототипомъ для цѣлой опредѣленной фамиліи. Единственными, болѣе или менѣе цѣнными результатами представленной Калачовымъ классификаціи, потребовавшей, однако, затраты большаго и кропотливаго труда, явились, на что указалъ уже проф. Дювернуа, слѣдующіе два вывода: во 1-хъ, что краткая редакція встрѣчается только въ одномъ мѣстѣ (въ древнѣйшей лѣтописи), а полная или пространная во многихъ; а 2 хъ, что всѣ списки 3-й фамиліи, т. е. списки позднѣйшей Новгородской лѣтописи (Софійскихъ Временниковъ), полнѣе на 20 статей списковъ 2-ой фамиліи, взятыхъ изъ Кормчихъ.

Гораздо удачнѣе и значительно проще классификація списковъ, сдѣланная профессоромъ Дерптскаго университета Тобиномъ двумя годами раньше Калачова, т. е. въ 1844 г. [1]). Онъ дѣлитъ всѣ извѣстные ему списки Русской Правды на двѣ фамиліи, кладя въ основу своего дѣленія объемъ списковъ, или число имѣющихся въ нихъ статей. Къ первой фамиліи Тобинъ относитъ списки *краткіе*, т. е. заключающіе въ себѣ не болѣе 43-хъ статей (таковы—сп. Татищевскій, приводимый Тобиномъ, и сп. Академическій), а ко второй—списки *пространные*, содержащіе въ себѣ свыше 100 статей (отъ 105 до 135), каковы, напр., сп. Синодальный, Троицкій, Карамзинскій и нѣкотор. другіе. Это отличающееся своею простотою дѣленіе списковъ на двѣ фамиліи заслуживаетъ полнаго предпочтенія предъ классификацій Калачова, такъ какъ оно основано на самомъ существенномъ различіи списковъ; кромѣ того, оно удачно еще и въ томъ отношеніи, что уясняетъ древнѣйшій составъ списковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ пріурочить обозрѣваемый памятникъ къ болѣе или менѣе опредѣленной эпохѣ. Къ сожалѣнію, предложенная Тобиномъ классификація не

---

[1]) Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands... S.-Petersburg, 1844 и Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. Dorpat, 1844 (2-ое изд., Dorpat und Leipzig, 1845).

можетъ быть признана полной, т. е. обнимающей всѣ списки. Указанный только что недостатокъ классификаціи Тобина произошелъ, кажется, именно отъ того, что этотъ ученый оперировалъ лишь надъ 6-ю списками (напечатанными уже раньше) и ему, повидимому, были вовсе не извѣстны списки *среднiе* по объему (сокращенные изъ пространныхъ), найденные въ позднѣйшихъ кормчихъ (XVII в.), каковы--списки кн. Оболенскаго и гр. Толстого.

Современная наука, въ лицѣ новѣйшихъ изслѣдователей обозрѣваемаго памятника (проф. М. Ф. В.-Буданова, В. И. Сергѣевича и нѣкоторыхъ друг.) [1], присоединяется къ дѣленію Тобина, но дѣлаетъ къ нему соотвѣтствующее дополненіе, а именно къ двумъ редакціямъ, указаннымъ Тобиномъ, присоединяетъ еще и третью, ему неизвѣстную (такъ называемую среднюю, или сокращенную изъ пространной).

Такимъ образомъ всѣ дошедшіе до насъ списки Русской Правды слѣдуетъ раздѣлить на *три* редакціи (или фамиліи): 1) *краткую*, къ которой относятся списки краткіе по объему (числу статей) и древнѣйшіе, какъ то мы увидимъ ниже, по своему составу (представителемъ или образцомъ этой редакціи служитъ списокъ Академическій); 2) *пространную*, къ которой принадлежатъ списки, наибольшіе по объему и средніе по времени происхожденія (лучшими и древнѣйшими представителями этой редакціи считаются списки: Синодальный, Пушкинскій, Троицкій и Карамзинскій), и 3) *сокращенную изъ пространной*, къ каковой относятся весьма немногіе списки, по объему средніе (въ нихъ около 55 — 60 статей), а по времени происхожденія своего состава наиболѣе поздніе (представителемъ этой редакціи можетъ служить списокъ кн. Оболенскаго).

Представленная сейчасъ классификація списковъ наиболѣе цѣлесообразна и правильна не только потому, что въ основу ея положено самое существенное изъ различій, замѣчаемыхъ между отдѣльными списками, а именно различіе по объему или количеству статей, уясняющее первоначальный и послѣдующій составъ памятника, но также и потому, что нѣкоторые другіе отличительные признаки, характеризующіе отдѣльные списки, а именно различіе ихъ по мѣсту нахожденія и наименованію (не говоримъ о палеографическихъ и филологическихъ признакахъ, какъ болѣе или менѣе случайныхъ и наименѣе важныхъ для юриста, а также о различіяхъ въ порядкѣ размѣщенія статей, такъ какъ этотъ послѣдній далеко не однообразенъ даже въ спискахъ одной и той же редакціи), нисколько не противорѣчатъ представленной классификаціи, а лишь подтверждаютъ ея пра-

---

[1]) Исключеніе представляетъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій, который, повидимому, придерживается дѣленія Калачова.

вильность [2]). Сверхъ того, представленная классификація списковъ Русской Правды на 3 редакціи: краткую, пространную и сокращенную изъ пространной, характеризуетъ эти списки и со стороны времени происхожденія тѣхъ сборниковъ Русской Правды, которые вошли въ составъ отдѣльныхъ списковъ. Анализъ состава и содержанія всѣхъ трехъ редакцій доказываетъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, что 1-ая изъ нихъ, или краткая, представляетъ собою такъ называемыя Правду Ярослава и Пр. Ярославичей, сложившіяся въ XI в., 2-ая, или пространная—Русскую Правду, сложившуюся въ XII в. и не позже 1-й половины XIII в., и, наконецъ, 3-я, или сокращенная изъ пространной—сборникъ, составленный не раньше конца XIII в., а весьма возможно и позже.

Изъ названныхъ трехъ редакцій важное значеніе имѣютъ лишь первыя двѣ, т. е. краткая и пространная, третья же, или средняя по объему, не имѣетъ никакого почти значенія, такъ какъ она представляетъ собою явную и при томъ позднѣйшую переработку пространной редакціи, а именно ея сокращеніе. Это видно изъ того, во 1-хъ, что средняя по своему объему редакція не дѣлится на двѣ главныя половины, подобно редакціямъ краткой и пространной, а представляетъ собою одинъ сплошной систематическій сборникъ, а, во 2-хъ, изъ того, что въ ней отсутствуютъ многія статьи, находящіяся въ пространной редакціи (напр., о вирѣ, о личныхъ обидахъ, о мѣсячномъ рѣзѣ, о закупѣ, о холопѣ и пр.), а нѣкоторыя другія изложены съ значительными сокращеніями и пропусками, сравнительно со статьями пространной редакціи (ст. объ убійствѣ, о татьбѣ, о сводѣ, о по-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, что касается мѣста нахожденія отдѣльныхъ списковъ Р. П., то краткая редакція ихъ встрѣчается исключительно лишь въ одномъ мѣстѣ—въ Новгородской и Ростовской лѣтописяхъ древнѣйшаго состава (писанныхъ не позже XV в.); средняя, или сокращенная изъ пространной—также въ одномъ лишь мѣстѣ, а именно въ позднѣйшихъ Кормчихъ, писанныхъ въ XVII в.; и только одна пространная редакція встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ памятникахъ и по содержанію и по времени ихъ написанія: и въ Кормчихъ, и въ лѣтописяхъ (впрочемъ, лишь въ позднѣйшихъ Новгородскихъ, или въ такъ назыв. Софійскихъ Временникахъ), и въ „Мѣрилахъ Праведныхъ", и въ др. сборникахъ. Что же касается затѣмъ наименованія обозрѣваемаго памятника, то списки 1-ой, или краткой, редакціи носятъ одно лишь общее краткое заглавіе—„Правда Росьская", и др. заголовковъ не имѣютъ, исключая еще одного, находящагося въ серединѣ текста: „Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ...."; списки 2-ой, или пространной, редакціи имѣютъ болѣе или менѣе пространное общее заглавіе: „Судъ Ярославль Володимѣричь. Правда Русьская" или „Оуставъ вел. кн. Ярослава Владимерича о судѣхъ. Соудъ о душегубьствѣ. Правда Руская", и, кромѣ того, заголовки, стоящіе передъ большинствомъ отдѣльныхъ статей (см. стр. 119); наконецъ, списки 3-ей, или средней, редакціи имѣютъ, подобно 1-ой, общее краткое заглавіе—„Правда Руская", и, подобно 2-ой, частные заголовки для отдѣльныхъ статей, указывающіе на содержаніе послѣднихъ, но не содержащіе въ себѣ упоминанія именъ отдѣльныхъ князей.

влажѣ и друг.). Позднѣйшее же происхожденіе 3-й редакціи, какъ переработки пространной Правды, доказывается, во 1-хъ, тѣмъ, что списки этой редакціи находятся лишь въ памятникахъ письменности (Кормчихъ), относящихся по времени своего написанія ко второй половинѣ XVII и даже къ началу XVIII в., а во 2-хъ, тѣмъ—и это самое главное,—что въ спискахъ 3-й редакціи уже не сохранилось имени ни одного князя.

Такимъ образомъ очевидно, что третья редакція, являющаяся лишь позднѣйшей переработкой пространной Правды, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а потому и не представляетъ интереса. На этомъ основаніи мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть дѣло только съ двумя основными редакціями—краткой и пространной.

5. Составъ важнѣйшихъ редакцій Русской Правды; время составленія, система и содержаніе каждой изъ нихъ. Оставивъ въ сторонѣ, по указаннымъ выше соображеніямъ, третью или позднѣйшую редакцію Русской Правды, среднюю по объему или сокращенную изъ пространной, обратимся къ анализу состава, системы и содержанія, а также къ опредѣленію времени составленія двухъ другихъ важнѣйшихъ или основныхъ редакцій, т. е. краткой и пространной, при чемъ за образецъ первой изъ нихъ примемъ списокъ Академическій, а за образецъ второй—списокъ Карамзинскій [1]).

Составъ краткой и пространной редакцій. Хотя краткая редакція, древнѣйшая по своему происхожденію, составу и содержанію, представляетъ собою одно цѣлое, но въ этомъ цѣломъ легко различить двѣ половины, изъ которыхъ первая заканчивается 17-й статьей. Обѣ половины отличаются одна отъ другой системой, объемомъ содержанія и временемъ происхожденія. На это обстоятельство обратили вниманіе уже давно. Калайдовичъ, Эверсъ, Рейцъ, Морошкинъ, Погодинъ, Тобинъ, Калачовъ, Дювернуа и нѣкоторые другіе единогласно признали, что въ составъ краткой редакціи Русской Правды вошло два различныхъ по времени сборника. Тѣ же ученые доказали, что первыя 17 статей Академическаго списка относятся къ глубокой древности, а именно къ эпохѣ вел. князя Ярослава. Что же касается остальныхъ 26-ти статей названнаго списка, составляющихъ второй сборникъ, то онѣ болѣе поздняго происхожденія, а именно временъ сыновей Ярослава (Изяслава, Всеволода и Святослава). Такимъ образомъ, въ составъ списковъ краткой редакціи входятъ два сборника или двѣ Правды: Правда временъ Ярослава, или такъ называемая *Правда Ярослава*, и *Правда* (временъ) *Ярославичей*.

Если краткая редакція списковъ Русской Правды представляетъ собою совокупность двухъ разновременныхъ, но древнѣйшихъ сборниковъ, то

[1]) Оба названные списка напечатаны въ 1 вып. Христоматіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

пространная редакція списковъ того же памятника заключаетъ въ себѣ третій, болѣе поздняго происхожденія сборникъ, извѣстный подъ именемъ Правды пространной. Эта послѣдняя значительно превышаетъ своимъ объемомъ оба предыдущихъ сборника, взятыхъ вмѣстѣ: въ ней содержится болѣе 100 статей, а именно по Троицкому списку, на который обыкновенно дѣлаютъ ссылки, 115, а по Карамзинскому, на который будемъ ссылаться мы, даже 135 статей. Этотъ длинный рядъ статей дважды прерывается заголовками, имѣющими характеръ какъ бы общихъ, а именно—передъ 2-й статьей (см. Карамз. и Троицк. списки) читаемъ слѣдующій заголовокъ, напоминающій тотъ, который раздѣляетъ краткую редакцію на двѣ половины: „Соудъ Ярославлихъ дѣтей“ (а далѣе: „по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его... и отложиша убиеніе за голову, но кунами ся выкупати; а иное все якоже Ярославъ судилъ“); второй же заголовокъ стоитъ передъ 66-й ст. Карамз. списка (соотвѣтствующей ст. 48-й Троицк. списка): „А се оуставилъ Великыи Князь Владимеръ Всеволодичь Манамахъ“, или, какъ въ нѣк. другихъ спискахъ (въ Троицкомъ, напр.), короче—„Оуставъ Володимѣръ Всеволодича“.

На основаніи приведенныхъ заголовковъ Тобинъ, Погодинъ и Ланге утверждаютъ, что первая половина пространной Правды, т. е. до 66-ой ст. Карамз. сп. (или, что то же, до 48 ст. Троиц. сп.), издана сыновьями Ярослава, а вторая, начиная съ 66-ой ст.—Владиміромъ Мономахомъ. Мнѣніе это, однако, не можетъ быть принято. Во 1-хъ, Руская Правда, какъ о томъ уже упоминалось, ни въ одной изъ своихъ редакцій не является законодательнымъ памятникомъ, а представляетъ собою лишь сборникъ или, точнѣе, рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами. Во 2-хъ, что касается въ частности второй половины пространной Правды, то заголовокъ передъ 66-ой ст. относится лишь къ одной этой статьѣ, трактующей о рѣзѣ или ростѣ (а, можетъ быть, еще къ тремъ слѣд.: 67—69 ст.) и составляющей непосредственное продолженіе ряда постановленій о процентахъ (см. ст. 47 и слѣд.), но вовсе не ко всей второй половинѣ пространной Правды. Послѣднее видно также изъ того, между прочимъ, что нѣсколько ниже, т. е. въ одной изъ послѣдующихъ статей (см. ст. 76), содержится постановленіе еще сыновей Ярослава (а именно объ отмѣнѣ убійства раба за оскорбленіе свободнаго мужа). Такимъ образомъ выдѣленіе частнаго заголовка—„А се оуставилъ вел. кн. Владимеръ Манамахъ“, относящагося исключительно къ одному изъ постановленій о процентахъ, въ общее заглавіе (что главнымъ образомъ и ввело въ заблужденіе Тобина и Ланге) слѣдуетъ объяснить лишь недоразумѣніемъ или непониманіемъ переписчика.

Пространная редакція, представляющая собою третій сборникъ Р. П., состоитъ изъ двухъ существенно отличающихся другъ отъ друга частей. Первая изъ нихъ является систематическимъ сводомъ первыхъ двухъ сбор-

никовъ (т. е. Правды Ярослава и Ярославичей) и позднѣйшихъ къ нимъ дополненій; часть эта заканчивается закономъ Владиміра Мономаха о процентахъ. Вторая же часть, или вторая половина пространной Правды, не имѣетъ системы и служитъ дополнительной къ первой: она состоитъ изъ позднѣйшихъ приписокъ. Эти приписки или дополненія представляютъ собою нѣсколько группъ однороднаго содержанія статей, при чемъ группы эти размѣщены въ отдѣльныхъ спискахъ пространной редакціи различнымъ образомъ: такъ, напр., группа статей о холонствѣ въ однихъ спискахъ помѣщена раньше статей о наслѣдствѣ, а въ другихъ позже.

Опредѣливъ составъ обѣихъ —краткой и пространной—редакцій, содержащихъ въ себѣ, какъ мы видѣли, три разновременныхъ сборника, извѣстныхъ подъ именемъ Русской Правды, обратимся теперь къ установленію времени происхожденія и обозрѣнію системы и содержанія каждаго изъ этихъ сборниковъ.

Первый сборникъ или Правда Ярослава. *Время составленія этого сборника.* Въ составъ перваго сборника, или первоначальной Правды, входятъ, какъ было уже сказано, первыя 17 статей Академическаго списка Русской Правды, древнѣйшія по своему происхожденію. Древность этихъ статей видна между прочимъ изъ того, что въ 4-хъ изъ нихъ (ст. 1—3 и 5-я) говорится о правѣ мести, т. е. о такомъ институтѣ уголовнаго права, который существовалъ лишь въ древнѣйшія времена и который на Руси былъ отмѣненъ только по смерти Ярослава его сыновьями (князьями Ярославичами) [1]). Это же обстоятельство доказываетъ, что первый сборникъ, или первоначальная Правда, составлена не только въ XI в., но даже не позже временъ Ярослава; кромѣ того, есть основаніе предполагать, что обозрѣваемый сборникъ составленъ ранѣе 1054 г. (годъ смерти Ярослава), т. е. еще до конца правленія Ярослава. Послѣднее видно изъ того, что въ первоначальную Правду вошли не всѣ постановленія или уставы Ярослава; такъ, въ ней мы не находимъ, напр., устава Ярослава о пошлинахъ въ пользу вирника („о поклонѣ вирномъ"), о существованіи котораго узнаемъ лишь изъ 2-го сборника, составленнаго при Ярославичахъ (ст. 42-я Акад. списка). Такимъ образомъ, первоначальная или такъ называемая Ярославова Правда по времени своего происхожденія должна быть отнесена къ первой половинѣ XI вѣка.

---

[1]) Существуютъ и другія указанія на древнее происхожденіе перваго сборника Р. П.: 1) при опредѣленіи пени за убійство въ этомъ сборникѣ еще не различается общественное положеніе убитаго, между тѣмъ позже и въ частности въ пространныхъ (позднѣйшихъ) спискахъ нашей Правды оно уже принимается во вниманіе, и 2) деньги въ обозрѣваемомъ сборникѣ (ст. 14 и 17 Ак. сп.) называются „скотомъ" (въ древнія времена мѣха и домашній скотъ употреблялись вмѣсто денегъ).

Система и содержаніе. По вопросу о системѣ въ статьяхъ Русской Правды мнѣнія изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Тобинъ и проф. Мрочекъ-Дроздовскій, доказываютъ, что въ отдѣльныхъ сборникахъ Русской Правды существуетъ вполнѣ правильная система. Особеннымъ защитникомъ систематичности Р. Правды является послѣдній изъ названныхъ изслѣдователей. Установивъ въ 1-мъ сборникѣ опредѣленную систему, состоящую въ постепенномъ переходѣ отъ болѣе важныхъ правонарушеній къ менѣе важнымъ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій утверждаетъ, что эта же система сохраняется и во 2-мъ сборникѣ, или Правдѣ Ярославичей, и даже (хотя не съ той уже строгостью) въ Правдѣ пространной. Впрочемъ, для доказательства мнимой систематичности всѣхъ трехъ сборниковъ названному изслѣдователю приходится неоднократно прибѣгать къ цѣлому ряду оговорокъ. Большинство изслѣдователей (и въ томъ числѣ Калачовъ) не раздѣляетъ, однако, увлеченій систематичностью Р. П. и вообще отрицаетъ существованіе таковой, признавая ее отчасти и то лишь по отношенію къ первому сборнику, или такъ назыв. Правдѣ Ярослава, и по отношенію къ 1-й половинѣ Правды пространной. Нельзя не присоединиться къ мнѣнію этого большинства. Во 1-хъ, всѣ древнѣйшіе юридическіе сборники и законодательные памятники у всѣхъ народовъ, по общему правилу, страдаютъ отсутствіемъ правильной, а нерѣдко даже и всякой системы,—это, такъ сказать, общее явленіе, и наша Русская Правда не представляетъ исключенія изъ этого общаго правила. А во 2-хъ, трудно допустить, чтобы составители сборниковъ Русской Правды очень помышляли о какой-либо правильной системѣ (если бы даже и могли имѣть о ней надлежащее представленіе): для ихъ цѣлей достаточно было позаботиться лишь о нѣкоторомъ внѣшнемъ порядкѣ и сведеніи въ отдѣльныя группы однородныхъ или близкихъ по содержанію статей. Сказанное подтверждается ближайшимъ ознакомленіемъ какъ съ краткой, такъ еще въ большей степени съ пространной редакціей Р. Правды.

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній о системѣ Р. Правды къ первому сборнику, или къ первоначальной Правдѣ, мы должны прежде всего отмѣтить, что въ ней замѣчается нѣкоторый послѣдовательный порядокъ въ расположеніи статей, и что она не только по сравненію съ Правдой Ярославичей, но и относительно является не хронологическимъ, какъ эта послѣдняя, а вполнѣ законченнымъ и до нѣкоторой степени систематическимъ сборникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прочитывая одну за другой всѣ 17 статей, изъ которыхъ состоитъ первоначальная Правда, можно замѣтить, что составитель началъ съ самаго крупнаго преступленія — убійства (ст. 1), а затѣмъ перешелъ къ менѣе важнымъ: сперва къ преступленіямъ противъ неприкосновенности тѣла (нанесеніе ранъ, увѣчій и оскорбленій дѣйствіемъ), а потомъ къ посягательствамъ на имущественныя права. Итакъ, въ общемъ

нѣкоторая система есть, но въ частностяхъ она не выдержана: напр., въ рубрикѣ постановленій о преступленіяхъ противъ неприкосновенности тѣла сначала говорится о нанесеніи ранъ (ст. 2), потомъ—побоевъ (ст. 3—4), затѣмъ (ст. 5—6)—увѣчій, и, наконецъ, три слѣдующія статьи (7—9) говорятъ о поврежденіи усовъ и бороды, объ обнаженіи меча съ намѣреніемъ нанести ударъ и о толчкахъ. Ясно, что хотя нельзя отрицать въ первоначальной Правдѣ нѣкоторой системы или, правильнѣе, нѣкотораго внѣшняго порядка въ расположеніи отдѣльныхъ статей, но во всякомъ случаѣ нельзя вмѣстѣ съ Тобиномъ воскликнуть: „Самая система, не говоря уже о содержаніи статей, доказываетъ самостоятельность древней Правды... Не можетъ быть системы естественнѣе, проще и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше, чѣмъ система этого древнѣйшаго правоваго памятника" (Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands, 20).

Познакомимся теперь вкратцѣ съ содержаніемъ древнѣйшей Правды, или такъ называемой Правды Ярослава, состоящей изъ 17 первыхъ статей Академическаго списка. По содержанію ее можно раздѣлить на 3 отдѣла: 1) постановленія о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ (ст. 1—9), 2) постановленія о преступленіяхъ противъ имущественныхъ правъ и способахъ возвращенія своей вещи изъ чужихъ рукъ (ст. 10—15) и 3) двѣ дополнительныхъ статьи (ст. 16 и 17). Въ 1-мъ отдѣлѣ говорится сначала объ убійствѣ, а именно о мести семьи и ближайшихъ родственниковъ убитаго (ст. 1, гдѣ, однако, не содержится полнаго перечня членовъ рода, имѣвшихъ въ дѣйствительности право мести за убійство); слѣдующая далѣе статья (2-я) трактуетъ о „кровавыхъ и синихъ" ранахъ, объ отвѣтственности за нанесеніе ихъ и о порядкѣ судебнаго разбирательства дѣлъ о ранахъ; ст. 3—4 говорятъ о нанесеніи побоевъ (батогомъ, жердью, рукою и пр.), а ст. 5—6 о нанесеніи увѣчій (отнятіе руки, ноги и пр.), болѣе тяжкія изъ которыхъ приравниваются къ преступленіямъ противъ жизни (назначается вира); наконецъ, три слѣдующихъ статьи говорятъ о различнаго рода обидахъ: о поврежденіи усовъ и бороды, за что назначается довольно высокій штрафъ (ст. 7), объ обнаженіи меча съ намѣреніемъ нанести ударъ (ст. 8) и о толчкахъ (ст. 9).—Ко 2-му отдѣлу относятся ст. 10—15 включ., трактующія или (ст. 10 и 11) о преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ (объ укрывательствѣ бѣжавшаго холопа и самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ), или (ст. 12—15) о способахъ возстановленія права собственности на движимыя вещи (о возвращеніи своей вещи—коня, оружія и проч., а также раба—посредствомъ *свода*) и о взысканіи долга.—Третій отдѣлъ составляютъ двѣ добавочныя къ первымъ двумъ отдѣламъ статьи: ст. 16-я объ оскорбленіи дѣйствіемъ, нанесенномъ холопомъ свободному, и ст. 17-я о порчѣ чужихъ вещей (копья, щита, одежды и проч.). Изъ этого краткаго обзора содержанія первоначальной Правды видно, что она является сбор-

никомъ, почти исключительно посвященнымъ нормамъ уголовнаго права и процесса.

Второй сборникъ или Правда Ярославичей. *Характеръ и время составленія этого сборника.* Второй по порядку сборникъ, вошедшій въ составъ древнѣйшей или краткой редакціи, называется обыкновенно Правдой Ярославичей. Она обнимаетъ собою вторую половину краткой редакціи Р. П. и заключаетъ въ себѣ послѣднихъ 26 статей Академическаго списка, начиная съ 18-й. Правда Ярославичей отъ первоначальной или древнѣйшей Правды отдѣляется слѣдующимъ заголовкомъ, стоящимъ передъ 18-й ст.: „Правда оуставлена Роусьскои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула“.

На основаніи этого заголовка, всѣ статьи второй половины Академическаго списка, начиная съ 18-й и до конца, т. е. до 43-й включит., нѣкоторые изслѣдователи (Тобинъ и Ланге) считаютъ законодательнымъ актомъ, изданнымъ сыновьями Ярослава, при чемъ Ланге разсматриваетъ этотъ якобы законодательный актъ, какъ совокупность 4-хъ уставовъ Ярославичей (ст. 18—27; 28—30; 31—40 и 41—43), созданныхъ въ разное время на съѣздахъ, на которые они собирались для опредѣленія различныхъ подробностей относительно суда. Но это — не болѣе, какъ личное предположеніе Ланге, имъ не доказанное. Противъ основательности этого предположенія съ достаточной убѣдительностью говоритъ все то, что было сказано уже раньше для доказательства неоффиціальнаго или частнаго происхожденія Русской Правды вообще. Кромѣ того, во 2-мъ сборникѣ, или въ такъ называемой Правдѣ Ярославичей, мы, съ одной стороны, вовсе не находимъ весьма важнаго постановленія объ отмѣнѣ кровавой мести, изданнаго всѣми тремя Ярославичами въ совокупности на одномъ изъ съѣздовъ (см. сп. Карамз., ст. 2, а также ст. 76) [1]), чего, конечно, не могло бы случиться, если бы этотъ сборникъ дѣйствительно принадлежалъ Ярославичамъ, а съ другой, въ Правдѣ Ярославичей встрѣчается уставъ, изданный раньше правленія этихъ князей, а именно еще ихъ отцомъ,—это уставъ Ярослава о пошлинахъ въ пользу вирника (см. ст. 42 Академ. списка). Все это несомнѣнно доказываетъ, что 2-й сборникъ, какъ и 1-й, не оффиціальнаго, а частнаго происхожденія, и если его можно называть Правдой Ярославичей, то лишь въ томъ смыслѣ, что онъ состав-

[1]) Въ ст. 2-й Карамз. списка, содержащаго въ себѣ пространную Правду, говорится объ отмѣнѣ Ярославичами кровавой мести за убійство, а въ 76-й—о частномъ, въ связи съ этой общей мѣрой, постановленіи тѣхъ же князей, а именно объ отмѣнѣ существовавшаго при Ярославѣ права свободнаго человѣка убивать холопа, нанесшаго ему оскорбленіе.

лей, во 1-хъ, во времена Ярославичей, а во 2-хъ, на основаніи разновременныхъ уставовъ и судебныхъ рѣшеній этихъ князей.

Справедливость сдѣланнаго только что указанія на эпоху князей Ярославичей, какъ на время составленія 2-го сборника, подтверждается, съ одной стороны, приведеннымъ выше заголовкомъ, имѣющимся передъ 18-й статьей Акад. сп., а съ другой, отсутствіемъ въ разсматриваемомъ сборникѣ всѣхъ уставовъ Ярославичей: если въ него не вошли всѣ даже важнѣйшіе законы сыновей Ярослава, то тѣмъ менѣе основанія предполагать, что въ немъ могутъ содержаться постановленія, возникшія послѣ нихъ; другими словами, нѣтъ основанія считать этотъ сборникъ составленнымъ позже Ярославичей. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что 2-й сборникъ, извѣстный подъ именемъ Правды Ярославичей, составленъ послѣ смерти Ярослава, уже при его сыновьяхъ, т. е. во 2-й половинѣ XI в., и во всякомъ случаѣ не позже конца названнаго столѣтія, такъ какъ послѣдній изъ сыновей Ярослава, послѣдній изъ Ярославичей—вел. кн. Всеволодъ Ярославичъ, умеръ въ 1093 году.

Система и содержаніе. Правда Ярославичей представляетъ собою сборникъ разновременныхъ уставовъ (но далеко не всѣхъ), изданныхъ всѣми тремя сыновьями Ярослава, а также постановленій, основанныхъ на судебныхъ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ князей въ отдѣльности, преимущественнно же кн. Изяслава (см. ст. 21). Правда эта довольно рѣзко отличается отъ древнѣйшей, или Ярославовой Правды, и порядкомъ размѣщенія отдѣльныхъ статей, и объемомъ, и характеромъ своего содержанія. Прежде всего Правда Ярославичей отъ древнѣйшей Правды отличается полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было системы и по своему составу является не систематическимъ, а хронологическимъ сборникомъ, т. е. сборникомъ, въ которомъ позднѣйшіе законы присоединены къ тѣмъ болѣе раннимъ, которые ими измѣнены или исправлены, а слѣдовательно и отмѣнены. Такъ, напр., въ одной изъ статей разсматриваемаго сборника (ст. 20 Акад. сп.) говорится о томъ, что если кто застанетъ огнищанина или тіуна на мѣстѣ преступленія при совершеніи кражи, то имѣетъ право убить его (огнищанина или тіуна) „въ пса мѣсто“; значительно ниже (въ ст. 38-й) повторяется то же самое, но уже въ видѣ постановленія, заключающаго въ себѣ общее правило: здѣсь трактуется о томъ, въ какомъ случаѣ (въ случаѣ необходимой обороны собственности) разрѣшается безнаказно убить всякаго вора вообще (а не только огнищанина и тіуна). Ясно, что первое постановленіе явилось раньше второго и при томъ возникло по частному случаю, а второе—позже и именно вслѣдствіе необходимости обобщить первое и дополнить его нѣкоторыми ограничительными условіями. Другой примѣръ: статья 29-я (того же Ак. списка) разсматриваетъ случай кражи коня, или воловъ и т. д. 18-ю ворами и говоритъ объ отвѣтственности

всѣхъ соучастниковъ преступленія (сообщниковъ); черезъ цѣлый десятокъ статей разнаго содержанія находится второе постановленіе (ст. 40-я), вполнѣ одинаковое съ предыдущимъ по сущности содержанія, но представляющее нѣкоторое различіе въ деталяхъ: разсматривается случай кражи овцы и проч. 10 человѣками. Очевидно, что оба приведенныя постановленія возникли разновременно изъ двухъ частныхъ случаевъ, бывшихъ предметомъ судебнаго разбирательства.

Уже приведенные выше примѣры показываютъ, что постановленія Правды Ярославичей перемѣшаны безпорядочно и имѣютъ между собою лишь хронологическую связь. При болѣе же подробномъ ознакомленіи съ текстомъ этой Правды становится еще очевиднѣе, что онъ представляетъ собою, какъ справедливо выразился проф. Дювернуа, лишь отрывочный и дурно расчлененный рядъ статей. Послѣ этого всякія попытки отыскать систему во 2-й Правдѣ должны показаться совершенно безплодными. Между тѣмъ Тобинъ, а въ особенности проф. Мрочекъ-Дроздовскій дѣлаютъ это. Послѣдній изъ названныхъ изслѣдователей и въ Правдѣ Ярославичей находитъ правильную систему и притомъ систему, вполнѣ аналогическую съ той, какая имѣется въ первоначальной Правдѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій (Изслѣд. о Р. Пр., вып. 2, стр. VIII и слѣд.) предлагаетъ „поверхностному наблюдателю", не замѣчающему никакой системы въ Правдѣ Ярославичей, разсматривать эту послѣднюю не какъ одно цѣлое, а какъ сводъ трехъ разновременныхъ дополненій къ Ярославовой Правдѣ, къ которому присоединены еще двѣ добавочныя статьи: въ каждомъ изъ этихъ трехъ разновременныхъ дополненій существуетъ, по мнѣнію г. Мрочекъ-Дроздовскаго, именно такой же попредметный порядокъ, та же система, какая имѣется въ первоначальной Правдѣ. Едва ли, однако, есть какая-либо надобность въ такомъ несомнѣнно искусственномъ и произвольномъ пріемѣ, предлагаемомъ ради отысканія проблематической системы.

Что касается содержанія разсматриваемаго сборника, то относительно его слѣдуетъ прежде всего замѣтить слѣдующее: во 1-хъ, въ Правдѣ Ярославичей, какъ и въ древнѣйшей Правдѣ, попрежнему отсутствуютъ постановленія, относящіяся къ гражданскому праву, а все содержаніе ея посвящено различнымъ преступленіямъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ и нѣкоторымъ вопросамъ процессуальнаго права; а во 2-хъ, уголовныя постановленія Правды Ярославичей, хотя и составляютъ отдѣльный сборникъ, но относятся къ соотвѣтствующимъ постановленіямъ такъ назыв. Правды Ярослава преимущественно какъ ихъ дополненіе, а отчасти отмѣна. Такимъ образомъ Правда Ярославичей есть сборникъ почти исключительно уголовныхъ постановленій и притомъ сборникъ дополнительный къ Правдѣ временъ Ярослава.

Главное вниманіе въ этомъ сборникѣ удѣлено преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ (сюда относятся 14 статей изъ всѣхъ 26-ти, имѣющихся въ Правдѣ Ярославичей), а именно: 1) татьбѣ, о которой говорится въ 10-ти статьяхъ (20, 27, 29 и 34—40) [1]), при чемъ въ двухъ изъ нихъ трактуется также о необходимой оборонѣ собственности (ст. 20 и 38), а въ другихъ двухъ—о соучастіи при кражѣ (ст. 29 и 40), 2) истребленію чужихъ вещей посредствомъ поджога (ст. 30) и 3) порчѣ полевыхъ межъ (ст. 33). Изъ преступленій противъ личныхъ правъ обозрѣваемый сборникъ говоритъ только: 1) объ убійствѣ въ ст. 18—19 (см. еще 20 и 38 ст.) и 21—24, при чемъ въ трехъ послѣднихъ изъ этихъ статей (22—24) убійство разсматривается, какъ истребленіе чужой собственности, и 2) о побояхъ и ранахъ въ ст. 28-й, а также объ истязаніяхъ въ ст. 31—32. Въ постановленіяхъ объ убійствѣ ничего не говорится о мести, но не упоминается также и объ ея отмѣнѣ, а между тѣмъ такого упоминанія можно было бы ожидать въ сборникѣ, составленномъ уже во времена Ярославичей.

Представленный краткій перечень содержанія Правды Ярославичей лишь подтверждаетъ сказанное раньше о значеніи этого сборника, какъ сборника дополнительнаго къ древнѣйшей Правдѣ. Чтобы закончить характеристику обозрѣваемаго сборника со стороны содержанія, слѣдуетъ еще отмѣтить нѣкоторыя его особенности, сравнительно съ такъ называемой Правдой Ярослава. Въ то время какъ въ этой послѣдней субъектомъ правъ и объектомъ преступленія является всюду лишь свободный мужъ, и за убійство свободнаго человѣка безъ различія состояній взыскивается однообразная пеня (вира), Правда Ярославичей различаетъ уже мужей князя и др. свободныхъ людей, упоминаетъ огнищанъ, тіуновъ, смердовъ и пр., говоритъ особо о коняхъ княжихъ, рабахъ княжихъ, о борти княжей и т. д. и принимаетъ, наконецъ, во вниманіе при опредѣленіи наказанія общественное положеніе потерпѣвшаго. Кромѣ того, въ Правдѣ Ярославичей не мало говорится о вирахъ (ст. 19 и 42), продажахъ (ст. 34 и 36) и др. судебныхъ сборахъ (ст. 41) въ пользу князей.

Третій сборникъ, или Правда пространная, была составлена, по всей вѣроятности, въ XII вѣкѣ, судя по тому, что послѣдній князь, упоминаемый въ ней — Владиміръ Мономахъ, жившій въ XII в. (занималъ кіевскій столъ съ 1113 по 1125 г.). Въ частности же, на основаніи того, что первая, или систематическая, половина пространной Правды заканчивается законами именно Владиміра Мономаха, а этотъ вел. князь умеръ

---

[1]) Сюда же, повидимому, слѣдовало бы отнести и статьи 25 и 26, изъ которыхъ, однако, ясно не видно, говорятъ ли онѣ о кражѣ или объ истребленіи чужой вещи (коня, коровы и пр.).

въ 1125 г., можно думать, что означенная половина была составлена уже въ первой четверти XII в. Вторая же, или несистематическая, часть обозрѣваемаго сборника, состоящая изъ позднѣйшихъ приписокъ, слагалась, повидимому, постепенно, какъ въ XII, такъ, быть можетъ, и въ началѣ XIII в. Во всякомъ случаѣ Правда пространная въ полномъ своемъ объемѣ несомнѣнно сложилась не позже половины XIII в., такъ какъ въ такомъ видѣ она встрѣчается уже въ рукописяхъ второй половины XIII в. Дѣйствительно, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ пространной Правды (сп. Синодальный) содержится уже въ Кормчей, написанной между 1276 и 1294 гг. для новгородскаго Софійскаго собора.

Система и содержаніе. Что касается системы 3-го сборника, то въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ это видно уже изъ сказаннаго раньше, онъ не является сборникомъ систематическимъ. Лишь первая его половина дѣйствительно можетъ быть названа систематическимъ сводомъ Правды Ярослава и Ярославичей съ позднѣйшими къ нимъ дополненіями. Въ этой своей части пространная Правда представляется даже болѣе систематическимъ сборникомъ, нежели древнѣйшая или Ярославова Правда. Такъ, напр., въ отдѣлѣ о личныхъ обидахъ (ст. 19—26) система въ пространной Правдѣ выдержана во всякомъ случаѣ въ большей степени, нежели въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ первоначальной Правды: сначала говорится объ ударахъ необнаженнымъ мечемъ (ср. ст. 19 Карамз. сп. со ст. 4 Акад.), потомъ о покушеніи на ударъ вынутымъ мечемъ (ср. ст. 20 Карамз. и 8 Акад.), далѣе объ ударахъ другимъ орудіемъ (батогомъ, чашею, рогомъ и пр.: ст. 21 Кар. и 3 Акад.), затѣмъ объ увѣчьяхъ (ср. ст. 22—23 Карамз. и 5—6 Акад.) и, наконецъ, о ранахъ, толчкахъ и пр. (ср. ст. 24—26 Кар. и ст. 9 Ак.). Несомнѣнно, какъ справедливо выразился проф. Дювернуа, что „въ этомъ порядкѣ статей больше мысли и менѣе случайности, нежели въ Академическомъ спискѣ (т. е. въ первоначальной Правдѣ), гдѣ статьи о мечѣ перебиваются положеніями о бородѣ и усѣ“ (Источн. права и судъ въ др. Рос., стр. 86). Общая система первой половины 3-го сборника такова: сперва идутъ постановленія о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ, а именно объ убійствѣ, побояхъ, ранахъ и увѣчьяхъ, потомъ постановленія объ имущественныхъ преступленіяхъ (о татьбѣ и способахъ возстановленія нарушеннаго права собственности) и, наконецъ, статьи объ обязательствахъ, вытекающихъ изъ договоровъ (займа и поклажи). Что же касается второй половины обозрѣваемаго сборники, то она, какъ было уже сказано, состоитъ изъ позднѣйшихъ и разновременныхъ приписокъ или дополненій, а потому и не имѣетъ никакой опредѣленной системы. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ статей этой половины собраны въ болѣе или менѣе однородныя по содержанію группы; такъ, ст. 70—75 (Карамз. сп.) представляютъ собою группу

постановленій о закупничествѣ, ст. 103—117 о наслѣдствѣ и опекѣ и ст. 119—132 о холопствѣ [1]).

Содержаніе Правды пространной *значительно полнѣе* не только каждаго изъ двухъ предыдущихъ сборниковъ порознь, но и обоихъ вмѣстѣ: въ ней мы находимъ такія статьи, какихъ вовсе нѣтъ въ этихъ послѣднихъ. Въ этомъ легко убѣдиться при сравненіи Правды Ярослава и Ярославичей, заключающихъ въ себѣ постановленія уголовныя и процессуальныя, съ первыми 43 статьями Правды пространной, трактующими объ аналогическихъ вопросахъ (уголовныя постановленія содержатся также и въ друг. статьяхъ 3-й Правды: 78, 79, 82—84, 86—88, 91—98, 101 и др.), а именно: 1) объ убійствѣ, разбоѣ, или предумышленномъ убійствѣ, о пеняхъ за убійство (вирахъ) и о процессѣ по дѣламъ объ убійствѣ (ст. 1—17), 2) о ранахъ, побояхъ и увѣчьяхъ (ст. 19—26) и 3) о преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ и процессѣ по дѣламъ этого рода (ст. 27—43).

Во-вторыхъ, содержаніе пространной Правды не только полнѣе, но и несравненно *разнообразнѣе* содержанія обоихъ предыдущихъ сборниковъ вмѣстѣ. Въ то время какъ эти послѣдніе состоятъ почти исключительно изъ законовъ уголовныхъ и процессуальныхъ, Правда пространная, сверхъ значительнаго числа статей, относящихся къ праву уголовному и процессу, содержитъ въ себѣ также не мало постановленій по различнымъ вопросамъ гражданскаго права. Къ числу таковыхъ относятся постановленія: 1) о займѣ (ст. 44, 45, 47—69), 2) о поклажѣ (ст. 46), 3) о закупничествѣ, или личномъ наймѣ, основанномъ на займѣ (ст. 70—73, 75, 77), 4) о куплѣ—продажѣ (по связи съ друг. вопросами: ст. 33, 34, 119, 129), 5) о рабствѣ (ст. 119—132 и др.), 6) о наслѣдствѣ по закону и о рядахъ или завѣщаніяхъ (ст. 103—107, 110, 114—117) и 7) объ опекѣ (ст. 111—113).

Наконецъ, содержаніе Правды пространной не только полнѣе и разнообразнѣе содержанія двухъ предшествующихъ ей сборниковъ, но и изложено или формулировано болѣе совершеннымъ образомъ, нежели въ этихъ послѣднихъ. А именно, вотъ что находимъ мы въ пространной Правдѣ по части пріемовъ составителя этого сборника. Во 1-хъ, *постановленія разновременныя сведены въ одно*; такъ, все то, что говорится объ убійствѣ въ трехъ статьяхъ Правды Ярослава и Ярославичей (ст. 1, 18 и 21 Акад. сп.), соединено въ Правдѣ пространной въ одну статью (ст. 1 Кар.). Во 2-хъ, *постановленія однородныя обобщены;* это видно между прочимъ изъ

---

[1]) Однородность содержанія отдѣльныхъ названныхъ группъ не всегда, однако, соблюдена; такъ, напр., въ середину ст. 103—117, содержащихъ въ себѣ постановленія о наслѣдствѣ и опекѣ, втиснуты двѣ статьи (108 и 109), заключающія въ себѣ уставы о городскихъ стѣнахъ и о мостахъ.

сравненія ст. 20-й и 38-й Правды Ярославичей, трактующихъ объ убійствѣ вора на мѣстѣ преступленія, со ст. 37-й Правды пространной. Въ 3-хъ, *уничтожена казуистическая форма отдѣльныхъ постановленій*, заимствованныхъ составителемъ Правды пространной изъ Правды Ярославичей; такъ, въ статьяхъ этой послѣдней, основанныхъ на единичныхъ случаяхъ и говорящихъ объ убійствѣ Дорогобужцами „стараго" княжескаго конюха (ст. 21 Акад.), о кражѣ коня, воловъ 18-ю (ст. 29 Акад.) или овцы и пр. 10 человѣками (ст. 40 Ак.), составитель пространной Правды уничтожаетъ всѣ временные и случайные признаки и заноситъ эти статьи въ свой сборникъ уже въ формѣ постановленій, заключающихъ въ себѣ общую норму: въ ст. 10-й пространной Правды говорится уже не о старомъ конюхѣ, убитомъ Дорогобужцами, а просто—„и за конюшии 80 гривенъ", въ ст. 39-й не обозначается уже точно число соучастниковъ преступленія, а говорится— „аще ли ихъ будеть много..." Изъ этихъ примѣровъ видно, насколько форма постановленій Правды пространной совершеннѣе той формы, которая господствуетъ въ Правдѣ временъ Ярославичей, благодаря казуистическому способу изложенія этой послѣдней.

6. Источники Русской Правды. Представленный выше анализъ состава и содержанія краткой и пространной редакцій списковъ Р. П. долженъ былъ окончательно убѣдить насъ въ томъ, что обозрѣваемый въ настоящей главѣ памятникъ—не оффиціальный или законодательный актъ, изданный въ опредѣленое время, а рядъ разновременныхъ сборниковъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ труду и инициативѣ частныхъ лицъ. Теперь предстоитъ и требуетъ разрѣшенія вопросъ: какими же источниками пользовались эти частныя лица при составленіи своихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Русской Правды. Конечно, отвѣтить опредѣленно о всѣхъ статьяхъ Р. П., откуда именно взята составителемъ каждая изъ нихъ,— изъ княжескаго ли устава, живого обычнаго права или судебнаго приговора, не представляется никакой возможности. Но объ источникахъ нѣкоторыхъ статей мы можемъ высказаться вполнѣ опредѣленно, благодаря сохранившимся въ нихъ указаніямъ, прямымъ или косвеннымъ. Впрочемъ, и безъ этихъ указаній, руководствуясь лишь тѣмъ общимъ правиломъ, что древнѣйшее право всѣхъ народовъ образуется подъ совокупнымъ вліяніемъ общественной жизни, общественной власти (въ лицѣ князей и др. правителей) и религіи, мы могли бы сказать a priori—и не ошиблись бы,—что элементами, вошедшими въ Русскую Правду, давшими ей содержаніе, были юридическіе обычаи, княжескіе уставы и нормы византійскаго права, принесенныя къ намъ представителями церкви, или духовенствомъ. Благодаря же упомянутымъ выше прямымъ и косвеннымъ указаніямъ, находимымъ въ текстѣ Русской Правды, мы можемъ перечислить источники ея съ большей

основательностью и опредѣленностью и отмѣтить при этомъ, какіе изъ этихъ источниковъ были главнѣйшими.

Первымъ и главнымъ источникомъ Русской Правды служили *княжескіе уставы* (а также, быть можетъ, древнѣйшіе ряды князей). Изъ числа таковыхъ въ Р. П. упоминаются слѣдующіе уставы: 1) „урокъ Ярославль" о поконахъ вирныхъ, т. е. о пошлинахъ въ пользу вирника, или лица, собиравшаго виры на князя (ст. 42 Акад.), 2) уставъ Ярославичей объ отмѣнѣ мести (ст. 2 Кар.), 3) уставъ тѣхъ же князей объ отмѣнѣ убійства раба за оскорбленіе свободнаго мужа (ст. 76 Карам.), 4) уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (ст. 21 Ак.) и 5) уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ (ст. 66 и др. Кар.). Есть основаніе предполагать, что въ Русскую Правду вошли и многіе другіе уставы какъ названныхъ, такъ и иныхъ князей, не упомянутыхъ въ ней. Составители отдѣльныхъ сборниковъ Р. П. вносили въ текстъ этихъ послѣднихъ содержаніе перечисленныхъ и иныхъ княжескихъ уставовъ своими словами.

Вторымъ, не менѣе перваго, а, можетъ быть, и болѣе важнымъ источникомъ Русской Правды были *юридическіе обычаи и судебныя рѣшенія*, основанныя большею частью на обычномъ правѣ. Такъ, статья первоначальной Правды (ст. 1 Акад.) о мести есть несомнѣнно запись существовавшаго и практиковавшагося обычая. То же надо сказать о многочисленныхъ статьяхъ Р. П. „о сводѣ". Собирая и занося въ текстъ своихъ сборниковъ отдѣльныя судебныя рѣшенія, составители тѣмъ самымъ, конечно, собирали и записывали существовавшія нормы обычнаго права, которыя въ большинствѣ случаевъ служили, несомнѣнно, главнымъ основаніемъ при рѣшеніи на судѣ отдѣльныхъ дѣлъ. Статей, возникшихъ на основаніи судебныхъ рѣшеній, въ Р. П. не мало; таковы, напр., ст. 20, 21, 29 и 40 Ак. сп. Всѣ подобныя рѣшенія, какъ на то уже было указано въ своемъ мѣстѣ, обобщались, и такимъ образомъ возникали общія нормы. Сюда же, къ числу источниковъ этого же рода, можно отнести и тѣ *истолкованія* или мотивы, которые приводятъ составители сборниковъ Р. П. въ нѣкоторыхъ статьяхъ для объясненія, почему принятъ тотъ или другой порядокъ; такъ, напр., въ ст. 43 Кар. сп. говорится, что за совершенную холопомъ кражу взимается въ пользу истца двойная цѣна украденнаго, а далѣе составитель объясняетъ уже отъ себя, почему это такъ.

Третьимъ источникомъ Русской Правды было *византійское право* или, точнѣе, нѣкоторыя отдѣльныя постановленія тѣхъ сборниковъ византійскаго права, которые проникли на Русь, благодаря духовенству, и которые встрѣчаются въ нашихъ Кормчихъ книгахъ. Вліяніе византійскаго права обнаружилось почти исключительно въ пространной Правдѣ; такъ, постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія своего холопа (ст. 131—132 Кар.) взяты изъ Эклоги или изъ Прохирона, въ ст. 37-й

той же Правды (ст. 37 Карамз. сп. соотвѣтствуетъ ст. 20 и 38 Акад.) прибавка—„аже ли додержать до свѣта, то вести и на княжь дворъ“, буквально взята, по мнѣнію проф. Сергѣевича, изъ Моисеевыхъ законовъ, входившихъ, какъ извѣстно, въ компилятивные сборники византійскаго права. Кромѣ того, есть основаніе предполагать, что статьи пространной Правды о холопствѣ и наслѣдствѣ также заимствованы—конечно, въ самостоятельной переработкѣ—изъ византійскихъ сборниковъ.

Таковы элементы, вошедшіе въ Русскую Правду, или тѣ источники, изъ которыхъ черпали частныя лица, составители сборниковъ Русской Правды, нужный для нихъ матеріалъ.

7. Происхожденіе содержанія Русской Правды (предположеніе объ иноземномъ ея происхожденіи). Мы видѣли, что источниками Русской Правды, слагавшейся постепенно въ теченіе почти двухъ вѣковъ, были уставы (и ряды) русскихъ князей, судебныя рѣшенія, туземные обычаи и отчасти византійскіе кодексы. Такимъ образомъ, за исключеніемъ послѣднихъ, которые оказали извѣстное вліяніе на содержаніе нѣкоторыхъ постановленій Р. П. и, быть можетъ, способствовали болѣе совершенной формулировкѣ многихъ другихъ, всѣ прочіе источники—туземные, русскіе. Отсюда понятно, что и право, содержащееся въ Русской Правдѣ, происхожденія русскаго.

Прежде, однако, пока еще этотъ памятникъ не былъ изученъ всесторонне и обстоятельно, на происхожденіе содержанія Р. П. существовалъ иной взглядъ, а именно считали, что оно заимствовано изъ права другихъ народовъ. Когда впервые нѣкоторые изслѣдователи познакомились съ Русской Правдой и скандинавскими законами, то были крайне удивлены близкимъ сходствомъ содержанія многихъ постановленій Русской Правды съ названными законами. Съ Русской Правдой повторилась тогда исторія, до нѣкоторой степени напоминающая исторію съ договорами русскихъ съ греками. Сначала Струбе-де-Піермонтъ, а затѣмъ Августъ Шлецеръ высказали мнѣніе, что Р. П. буквально заимствована изъ датско-шведскихъ законовъ, что она была перенесена къ намъ варягами и здѣсь переведена на славянскій языкъ. Такое мнѣніе держалось до начала XIX в. Въ 1814 г. Эверсъ выпустилъ свои „Предварительныя критическія изслѣдованія для русской исторіи“ и въ нихъ опровергъ мнѣніе Струбе, Шлецера и др. о скандинавскомъ происхожденіи Р. Правды, указавъ, что датскіе и шведскіе законы были составлены значительно позже Русской Правды. Тогда установилось новое предположеніе, высказанное впервые тѣмъ же Эверсомъ и развитое другими, что содержаніе Р. П. заимствовано изъ законовъ германскихъ племенъ, а именно Салическихъ и Рипуарскихъ франковъ, т. е. изъ источника, возникшаго дѣйствительно раньше нашей Правды. Изъ послѣдующихъ изслѣдователей, раздѣлявшихъ

мнѣніе о скандинавскомъ или германскомъ происхожденіи Р. П., слѣдуетъ назвать Морошкина и Погодина. Означенное мнѣніе пытались доказать указаніемъ сходства не только отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ, но и терминовъ и вообще отдѣльныхъ словъ.

Въ то время какъ часть ученыхъ утверждала, что содержаніе Русской Правды заимствовано изъ скандинавскихъ или германскихъ источниковъ, нашлись также ученые, которые уже въ первой четверти XIX в. возстали противъ этого мнѣнія и старались доказать сходство Русской Правды съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ. Къ числу ученыхъ, которые сдѣлали первые шаги въ этомъ направленіи, принадлежатъ Раковѣцкій, авторъ изданнаго въ 1820—1822 гг. труда: „Prawda Ruska, czyli prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza“, Палацкій и нѣкоторые др. Въ настоящее время, благодаря ряду трудовъ различныхъ изслѣдователей, между проч. проф. Леонтовича (см. его „Древнее хорвато-далматское законодательство“ и др.) и проф. В.-Буданова (см. его ст. „Неизданные законы юго-западныхъ Славянъ“), наука не сомнѣвается въ сходствѣ, иногда поразительномъ, нашей Правды съ памятниками права различныхъ славянскихъ народовъ (особенно съ тѣми, содержаніе которыхъ относится къ эпохѣ Русской Правды, какъ, напр., памятникъ хорватскаго права „Законъ общины Винодольской“) и въ томъ числѣ такихъ народовъ, на законодательство которыхъ германское право не имѣло никакого вліянія (законодательство сербовъ).

Чѣмъ же объяснить это сходство Русской Правды съ скандинавскими, германскими и славянскими памятниками права? Конечно, не тѣмъ, какъ думали ученые такъ называемой нѣмецкой школы, что постановленія Р. П. списаны съ законовъ скандинавскихъ или германскихъ: ни одинъ народъ и ни въ какія времена не списывалъ, т. е. не бралъ цѣликомъ, законовъ другого. Къ тому же противъ справедливости указаннаго только-что предположенія говоритъ также и сходство Р. П. съ памятниками права различныхъ славянскихъ народовъ; слѣдовательно, предположеніе нѣмецкой школы надо отвергнуть. Съ такимъ же основаніемъ можно опровергнуть также и предположеніе о заимствованіи содержанія Р. П. изъ славянскихъ и всякихъ иныхъ законовъ. Вопросъ о сходствѣ объясняется очень просто. Сравнительное изученіе права различныхъ народовъ и въ различныя эпохи ихъ существованія доказываетъ, что у народовъ, стоящихъ на одинаковой (особенно первобытной) ступени развитія, встрѣчаются аналогическіе институты и правовыя нормы; отсюда такія явленія, какъ месть за убійство, композиціи и проч., въ извѣстныя эпохи существуютъ одинаково, и притомъ самобытно, и у русскихъ, и у франковъ, и у друг. Такимъ образомъ, ложность вышеприведенныхъ теорій объ иноземномъ происхожденіи содержанія Русской Правды, какъ и всякихъ другихъ подобныхъ, авторы кото-

рыхъ не замѣчаютъ общечеловѣческой природы юридическихъ явленій, а потому и объясняютъ сходство юридическихъ институтовъ и нормъ у разныхъ народовъ исключительно лишь заимствованіемъ одними у другихъ, не подлежитъ, очевидно, никакому сомнѣнію.

8. Значеніе Русской Правды. Намъ остается коснуться, хотя вкратцѣ, еще одного вопроса, чтобы закончить исторію важнѣйшаго памятника земскаго періода—исторію Русской Правды. Это вопросъ о значеніи Русской Правды. Вопросъ этотъ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: можно говорить, во 1-хъ, о практическомъ значеніи Р. П. въ эпоху ея образованія и дѣйствія и, во 2-хъ, о значеніи ея для исторіи русскаго права.

Частное происхожденіе Русской Правды и разнообразіе ея состава или, точнѣе, тѣхъ сборниковъ, которые извѣстны подъ этимъ именемъ,—все это показываетъ, что Р. П. не можетъ быть названа закономъ въ точномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе, что она никогда не получала законодательной санкціи, а слѣд. и не обладала силой принудительнаго исполненія. Но это вовсе еще не значитъ, что Р. П. была памятникомъ чисто-литературнымъ и въ дѣйствительности юридическаго значенія не имѣла. Напротивъ, и аналогія съ другими европейскими народами, у которыхъ существовали и имѣли практическое примѣненіе юридическіе сборники, подобные нашей Правдѣ, и обиліе списковъ этого памятника, указывающее на фактъ частой переписки его, конечно, въ тѣхъ же практическихъ видахъ, и, наконецъ, ясные слѣды вліянія отдѣльныхъ постановленій Р. П. на содержаніе даже позднѣйшихъ (XV-го в.) частныхъ юридическихъ актовъ и памятниковъ законодательства (напр., Моск. Судебника 1497 г., Литовскаго Судебника 1468 г. и др. памятниковъ западно-русскаго права),—все это ясно и убѣдительно говоритъ въ пользу того, что Р. П. имѣла жизненное практическое значеніе и примѣнялась въ силу соотвѣтствія ея постановленій съ требованіями тогдашняго юридическаго быта и съ правовыми воззрѣніями народа. Являясь въ значительной степени отголоскомъ судебной практики и направляя ее въ свою очередь, Русская Правда, повидимому, пользовалась одинаковымъ авторитетомъ во всѣхъ древне-русскихъ областяхъ или земляхъ.

Для науки же исторіи права Русская Правда, подводящая до извѣстной степени итогъ всей юридической жизни земскаго періода или, по крайней мѣрѣ, являющаяся хранилищемъ главнѣйшихъ юридическихъ нормъ XI—XIII вв., служитъ безспорно незамѣнимымъ и важнѣйшимъ, а иногда и единственнымъ источникомъ изученія права этого періода. Такое значеніе Русской Правды усиливается еще тѣмъ, что она представляетъ собою рядъ разновременныхъ и различныхъ по объему и содержанію сборниковъ, въ которыхъ постепенно накоплялись юридическія нормы въ ихъ прогрессивномъ развитіи. Благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возмож-

ность уловить или подмѣтить, словомъ, изучить самый процессъ постепеннаго развитія древне-русскаго права, его прогрессивный ростъ, начиная съ первой половины XI в., когда этотъ памятникъ впервые возникъ, и до второй половины XIII в., когда окончательно сложилась пространная редакція Русской Правды и въ такомъ видѣ вошла въ составъ Кормчихъ книгъ и другихъ памятниковъ нашей письменности.

ГЛАВА VI.

Памятники вѣчеваго законодательства (Псковская и Новгородская судныя грамоты).

Нѣтъ сомнѣнія, что древне-русскому вѣчу, какъ одному изъ составныхъ элементовъ общеземской (государственной) власти, принадлежала между прочимъ и власть законодательная. Повидимому, однако, въ древнѣйшія времена этой властью вѣче пользовалось еще меньше и рѣже, нежели князья. Объясняется это полнымъ господствомъ обычнаго права въ древнее время и тѣмъ, что этому времени „была, выражаясь словами проф. Сергѣевича, чужда и самая мысль о томъ, что право можетъ быть творимо человѣческимъ усмотрѣніемъ“. Такъ или иначе, но мы располагаемъ сравнительно небольшимъ количествомъ лѣтописныхъ указаній на законодательную дѣятельность вѣча въ древнѣйшія времена до XIV в. включительно и еще меньшимъ количествомъ памятниковъ этой дѣятельности въ указанную эпоху: сверхъ нѣсколькихъ договоровъ Новгорода съ князьями (древнѣйшій изъ этихъ договоровъ относится къ 1265 г.) и съ нѣмцами, договоровъ, въ формѣ которыхъ въ большей или меньшей степени выразилась законодательная дѣятельность новгородскаго вѣча, до насъ дошелъ лишь одинъ, хотя и весьма древній, памятникъ, въ созданіи котораго несомнѣнно участвовало также и вѣче,—это церковный уставъ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, 1150 г. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ должны быть такіе два, правда, позднѣйшей сравнительно эпохи, памятника, которые являются не только актами вѣчеваго законодательства и притомъ актами, обширными по объему и богатыми по содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми на Руси опытами оффиціальной или законодательной кодификаціи. Памятники эти—судныя грамоты двухъ вѣчевыхъ государствъ Пскова и Новгорода.

Если Русская Правда, представляющая собою, какъ мы видѣли, опытъ неоффиціальной кодификаціи, совершенной усердіемъ и трудами частныхъ лицъ (составителей отдѣльныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Русской Правды), подтверждаетъ то общее въ исторіи источниковъ права различныхъ народовъ явленіе, что кодификація отдѣльныхъ уставовъ и

нормъ обычнаго права совершается первоначально частными лицами, то, съ другой стороны, происхожденіе (составленіе на вѣчѣ) нашихъ Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ также не представляетъ собою какого-либо исключительнаго явленія, чуждаго другимъ народамъ, а можетъ служить лишь доказательствомъ того, что первыя и наиболѣе древнія попытки законодательной кодификаціи у различныхъ народовъ принадлежатъ обыкновенно народнымъ собраніямъ. И дѣйствительно, обращаясь къ исторіи другихъ европейскихъ народовъ, мы видимъ, что большинство извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ законодательныхъ кодификацій совершены именно на вѣчахъ, или народныхъ собраніяхъ. Таково происхожденіе сборниковъ права отдѣльныхъ германскихъ племенъ, сборниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ leges barbarorum (V—IX вв.). Таково затѣмъ происхожденіе законниковъ, статутовъ и вообще сборниковъ права различныхъ юго-западныхъ и западныхъ славянскихъ народовъ, а именно: хорватовъ (Винодольскій статутъ 1288 г., Полицкій статутъ 1400 г., Законъ Вепринской общины 1507 г. и пр.), сербовъ (Законникъ ц. Стефана Душана 1349 г.), поляковъ (статуты Вислицкій 1347 г. и Вартскій 1423г.) и друг. Таково же, наконецъ, происхожденіе и памятника западно-русскаго права, извѣстнаго подъ именемъ Судебника Казиміра 1468 г. При этомъ одни изъ названныхъ сборниковъ, являющихся первыми опытами законодательной кодификаціи, составлены по волѣ самого народа и представляютъ собою не что иное, какъ простыя записи, или переложенія на письмо, нормъ обычнаго права (таковы—нѣкоторые изъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ leges barbarorum, и указанные памятники хорватскаго права), сдѣланныя на вѣчахъ при помощи свѣдущихъ въ обычномъ правѣ людей (viri sapientes, legislatores, boni viri, старые мужи, старцы, старѣйшины и т. д.); другіе же изъ перечисленныхъ и составленныхъ на народныхъ собраніяхъ законниковъ, статутовъ и т. п. обязаны своимъ появленіемъ инціативѣ верховной власти, въ лицѣ королей, царей и т. д., и составлены при ихъ непосредственномъ участіи, а потому содержатъ въ себѣ не только запись обычаевъ, но и нѣкоторые элементы законодательнаго творчества (таковы—Законникъ Стефана Душана, Вислицкій статутъ и друг.). Наши Псковская и Новгородская судныя грамоты, являющіяся, какъ мы уже сказали, первыми на Руси попытками законодательной кодификаціи, составлены на вѣчѣ по волѣ и съ согласія всѣхъ составныхъ элементовъ населенія, принимавшаго участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ двухъ вольныхъ городовъ Пскова и Новгорода, и представляютъ собою, какъ мы увидимъ ниже, сведеніе воедино не только псковскихъ или новгородскихъ пошлинъ, но и сохранившихъ силу древнихъ уставовъ мѣстныхъ князей.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ подробному обозрѣнію Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ. Напомнимъ только,

что хотя обѣ эти грамоты, какъ на то было указано значительно выше (еще на стр. 20) и какъ то подробнѣе увидимъ ниже, по времени составленія выходятъ за предѣлы 1-го и относятся уже ко 2-му періоду, тѣмъ не менѣе по причинамъ, которыя изложены были въ своемъ мѣстѣ (см. ту же 20 стр.) и на которыхъ мы не будемъ останавливаться вновь, обѣ судныя грамоты вполнѣ цѣлесообразно обозрѣть въ связи съ разсмотрѣнными уже памятниками права перваго или земскаго періода.

I. Псковская судная грамота.

1. Открытіе и печатныя изданія Псковской судной грамоты. Псковская судная грамота сдѣлалась извѣстной наукѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но не въ полномъ своемъ видѣ, а лишь въ отрывкѣ. Отрывокъ этотъ, составляющій третью и именно послѣднюю часть грамоты (отъ 109 по 120 ст.), былъ найденъ Карамзинымъ въ одной изъ лѣтописей (Синодальной, хранящейся въ Москвѣ) и напечатанъ въ 5-мъ томѣ его Исторіи, вышедшемъ въ 1816 г. Отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1831 г. (въ переводѣ на современный языкъ) митр. Евгеніемъ въ его Исторіи княжества Псковскаго, а затѣмъ въ 1836 г. въ 1-мъ томѣ Актовъ Археогр. Экспед. (подъ № 103).

Въ полномъ же своемъ видѣ грамота эта была открыта значительно позже, лишь 1843 г., проф. Ришельевскаго одесскаго лицея Мурзакевичемъ. Этотъ послѣдній нашелъ Псковскую судную грамоту въ библіотекѣ кн. Мих. Сем. Воронцова въ Одессѣ, а именно въ рукописномъ сборникѣ, содержащемъ въ себѣ не только означенную грамоту, но и нѣкот. др. менѣе важные памятники (лѣтопись, статьи духовнаго содержанія и проч.).

Полный текстъ Псковской судной грамоты впервые напечатанъ тѣмъ же Мурзакевичемъ: сначала въ 1847 г., а затѣмъ вторымъ изд. въ 1868 г. (тогда же было издано fac-simile, или снимокъ съ рукописи). Изъ послѣдующихъ печатныхъ изданій обозрѣваемаго памятника слѣдуетъ назвать изданіе проф. В.-Буданова въ 1-мъ вып. его Христоматіи, гдѣ грамота не только раздѣлена на статьи, но и снабжена весьма цѣнными объяснительными примѣчаніями.

Что касается научной обработки этого памятника, то литература наша обладаетъ слѣд. тремя важнѣйшими изслѣдованіями, посвященными исключительно Псковской судной грамотѣ: 1) статья Калачова, помѣщенная въ „Москвитянинѣ“ за 1848 г. (№ 1); 2) Ѳ. Устрялова: Изслѣдованіе Псковской судной грамоты. СПБ., 1855 г., и 3) И. Энгельмана: Систематич. излож. граж. законовъ Псковск. суд. грамоты. СПБ., 1855 г. Въ предпослѣднемъ

изъ этихъ изслѣдованій помѣщенъ между проч. переводъ Псковской судной грамоты, а въ послѣднемъ—текстъ ея въ систематическомъ порядкѣ статей.

2. Время составленія Псковской судной грамоты. Вопросъ о времени составленія Псковской судной грамоты—въ наукѣ спорный, такъ какъ опредѣлить это время съ точностью весьма затруднительно, несмотря на ясное и вполнѣ опредѣленное, повидимому, указаніе самой грамоты на время ея составленія. Вотъ это указаніе, имѣющееся въ самомъ началѣ текста грамоты, въ ея надписаніи: „Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, і изъ княжъ Костянтиновы грамоты, і изо всѣхъ приписковъ Псковъскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 съборовъ, и священноиноковъ, і діяконовъ и священниковъ, и всего Божія священьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905" (т. е. въ 1397 г. отъ Р. Х.). Такимъ образомъ сама грамота говоритъ, что она составлена на вѣчѣ, во 1-хъ, при участіи духовенства пяти соборовъ, а, во 2-хъ, именно въ 1397 г. Но въ словахъ этихъ содержатся, однако, противорѣчивыя указанія. Дѣло въ томъ, что въ 1397 г. во Псковѣ было не 5, а лишь 4 собора, и что 5-й соборъ былъ, какъ то извѣстно изъ лѣтописи, установленъ только въ 1462 г. Кромѣ того, въ грамотѣ говорится, что она составлена между прочимъ изъ различныхъ постановленій кн. Константина („выписана... і изъ княжь Костянтиновы грамоты..."); между тѣмъ единственнымъ подходящимъ къ данной эпохѣ княземъ псковскимъ, носящимъ имя Константина, можетъ быть признанъ лишь Константинъ Дмитріевичъ, правившій Псковомъ въ нач. XV в., а именно въ 1407 г. (онъ правилъ недолго—около полугода), а затѣмъ опять въ 1414 г.

Чтобы примирить указанное противорѣчіе существуютъ различныя предположенія. Предполагаютъ, во 1-хъ, что грамота дѣйствительно составлена въ концѣ XIV в., т. е. въ 1397 г., какъ о томъ она сама свидѣтельствуетъ, но позднѣйшій переписчикъ грамоты „писавшій ее въ XV в., когда уже было пять соборовъ, счелъ ошибкой то, что въ грамотѣ говорится о четырехъ и написалъ вмѣсто четырехъ пять" (В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣд., 163). Но предположеніе это не можетъ быть принято, такъ какъ оно не устраняетъ другого противорѣчія, имѣющагося въ нашемъ памятникѣ, а именно противорѣчія между указаніемъ на 1397 г., какъ на годъ составленія грамоты, и упоминаніемъ въ числѣ ея источниковъ устава кн. Константина, который правилъ Псковомъ лишь въ началѣ XV в.. Другое и болѣе близкое къ истинѣ предположеніе, стремящееся примирить указанныя противорѣчія, и притомъ предположеніе, пользующееся весьма большою распространенностью, состоитъ въ слѣдующемъ: полагаютъ, что грамота составлена уже послѣ того, какъ былъ учрежденъ пятый соборъ, но что въ самомъ обозначеніи года написанія этого памятника сдѣлана ошибка по винѣ переписчика (см. объ этомъ ниже).

Такъ или иначе, но приведенныя выше историческія справки, обнаружившія противорѣчія въ самомъ надписаніи Псковской судной грамоты, показываютъ ясно, что время составленія этой грамоты, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, нельзя отнести къ указанному ею 1397 г.; другими словами, вопросъ о годѣ или вообще времени составленія Псковской судной грамоты, несмотря на категорическое ея указаніе, остается открытымъ. На вопросъ этотъ различные изслѣдователи пытались дать свой отвѣтъ. Такъ, проф. Бѣляевъ, отвергая указанный грамотой годъ (1397), предполагаетъ „что она появилась не раньше 1462 или 1463 г.“. Болѣе опредѣленно высказываются Мурзакевичъ и И. Энгельманъ: они относятъ время составленія грамоты къ 1467 г. Аргументація этихъ изслѣдователей слѣдующая. Исходя изъ того, что пятый соборъ, объ участіи духовенства котораго на вѣчѣ при составленіи грамоты говоритъ эта послѣдняя, былъ установленъ въ 1462, а въ 1472 г. появляется уже шестой соборъ, И. Энгельманъ основательно замѣчаетъ, что Псковская судная грамота должна быть составлена въ указанный промежутокъ времени (между 1462 и 1472 гг.); желая опредѣлить годъ составленія памятника болѣе точно, Мурзакевичъ и И. Энгельманъ предполагаютъ далѣе, что въ обозначеніи года, имѣющемся въ надписаніи грамоты: „въ лѣто ҂ѕце҃“, по ошибкѣ переписчика пропущена цифровая буква о҃ (означающая 70), такъ что вмѣсто ҂ѕце слѣдуетъ читать ҂ѕцое, т. е. 6975 г. отъ сотвор. міра, или 1467 г. отъ Р. Х. Остроумное предположеніе это, получившее почти всеобщее признаніе, весьма правдоподобно. Въ пользу его, т. е. въ подтвержденіе мнѣнія, что 1467 г. былъ годомъ окончательнаго составленія или, точнѣе, редактированія Псковской судной грамоты, говорятъ слѣдующія два приводимыя И. Эгельманомъ соображенія: во-1-хъ, въ судной грамотѣ не находится запрещенія князю имѣть своихъ намѣстниковъ въ 5-ти изъ 12-ти пригородовъ Пскова, между тѣмъ изъ лѣтописи извѣстно, что до 1467 г. такое запрещеніе существовало и лишь въ этомъ именно году было уничтожено; а во 2-хъ, въ 1467 г. явился во Псковъ присланный туда вел. кн. московскимъ Іоанномъ III въ качествѣ намѣстника кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій, каковое обстоятельство должно было побудить псковичей собрать воедино свои „пошлины“, или юрид. обычаи, а также сохранившія силу постановленія прежнихъ псковскихъ князей и все это утвердить на вѣчѣ, съ цѣлью гарантировать свое мѣстное право отъ всякаго нарушенія и дать надлежащее руководство для судей.

Если, однако, признать, что грамота дѣйствительно составлена послѣ учрежденія 5-го собора и что, слѣдовательно, въ обозначеніи года написанія ея произошла указанная ошибка, а равно согласиться, въ виду приведенныхъ данныхъ, съ тѣмъ, что именно 1467 г. былъ годомъ написанія на вѣчѣ Псковской судной грамоты, то все это еще не разрѣшаетъ окон-

чательно занимающаго насъ вопроса. Остается еще рѣшить, вся ли грамота въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, составлена на вѣчѣ 1467 г., или же только извѣстная ея часть, при чемъ все остальное было лишь вновь редактировано; другими словами, надо ли признать Псковскую судную грамоту въ теперешнемъ ея видѣ одновременно составленнымъ законодательнымъ памятникомъ или лишь сборникомъ законовъ, составленнымъ въ нѣсколько пріемовъ, т. е. сборникомъ, сложившимся изъ нѣсколькихъ разновременно принятыхъ вѣчемъ законодательныхъ актовъ? Еще И. Энгельманъ пришелъ къ убѣжденію, что памятникъ этотъ въ теперешнемъ его видѣ „не есть законоположеніе одновременное“, что онъ составлялся постепенно, въ теченіе продолжительнаго времени, а именно съ княженія Александра Невскаго, т. е. съ полов. XIII в. до 1467 г., и въ нѣсколько пріемовъ (между проч. въ концѣ XIV и въ первой четверти XV в.), и что на вѣчѣ этого года составленъ только послѣдній отдѣлъ Псковской судной грамоты (начиная съ 109 ст. до конца), а все прочее тогда же лишь вновь подтверждено. Затѣмъ проф. В.-Будановъ, останавливаясь, въ свою очередь, на вопросѣ о времени составленія Псковской судной грамоты, приходитъ къ заключенію, сходному съ выводомъ И. Энгельмана (оба изслѣдователя, однако, не согласны относительно времени составленія отдѣльныхъ частей грамоты и въ частности относительно времени первоначальной ея редакціи и времени присоединенія къ грамотѣ послѣдняго ея отдѣла), а именно, что Псковская судная грамота „составлялась на вѣчѣ не въ одинъ разъ“, что „первоначальная ея редакція можетъ и должна быть отнесена къ 1397 г.“ и что затѣмъ грамота дополнялась еще дважды: во 2-й половинѣ XV в. (при чемъ первая часть грамоты переписана была на вѣчѣ безъ измѣненій, а заглавіе ея дополнено указаніемъ на грамоту кн. Константина и на 5-й соборъ) и въ концѣ XV в. Иного мнѣнія по данному вопросу проф. Дювернуа (къ мнѣнію его присоединяется и проф. Латкинъ въ своихъ „Лекціяхъ по внѣшней исторіи русскаго права“), который, возражая И. Энгельману и не соглашась съ его выводомъ, что Псковская судная грамота „не есть законоположеніе одновременное“, находитъ возможнымъ утверждать, что „вся грамота, въ цѣломъ своемъ составѣ, начиная съ первой и до 101-й [1]) статьи, могла быть принята и дѣйстви-

[1]) Указанная проф. Дювернуа 101-ая статья соотвѣтствуетъ 108-ой по изд. проф. В.-Буданова, т. е. той, которою заканчивается вторая часть грамоты и въ которой изложенъ законъ о приписках и отмѣнахъ дѣйствующихъ законоположеній. Что же касается послѣдней, или добавочной, части Псковской грамоты (слѣдующей за 108-й ст.), то проф. Дювернуа не отрицаетъ того, что эта часть составлена уже послѣ вѣча, санкціонировавшаго первыя 108 статей судной грамоты, но лишь изъ разновременныхъ приписокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, по мнѣнію проф. Дювернуа (но вопреки прямому предписанію 108-й ст.), „могли быть внесены (т. е. приписаны къ грамотѣ) безъ санкціи вѣча“ (Ibid., 296).

тельно была принята на вѣчѣ, какъ единый законодательный актъ, назначенный для руководства судей" (Источн. права и судъ въ древней Россіи, 296).—Таковы два совершенно различныя мнѣнія, существующія по вопросу о томъ, является ли Псковская судная грамота въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, единымъ и одновременно составленнымъ законодательнымъ актомъ или сводомъ нѣсколькихъ разновременныхъ вѣчевыхъ законоположеній, памятникомъ, имѣвшимъ нѣсколько различныхъ по объему и времени составленія редакцій и дошедшимъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Существуютъ, однако, многія данныя, заставляющія присоединиться къ мнѣнію И. Энгельмана и М. Ф. В.-Буданова и признать вмѣстѣ съ ними и вопреки проф. Дювернуа, что Псковская судная грамота въ нынѣшнемъ ея видѣ не одновременный законодательный актъ, а результатъ дѣятельности нѣсколькихъ вѣчевыхъ собраній и между прочимъ вѣча конца XIV в. Факты, говорящіе въ пользу послѣдняго предположенія и указанные частью И. Энгельманомъ, а частью проф. В.-Будановымъ, слѣдующіе: во 1-хъ, въ 1395 г. отмѣнена была дѣйствовавшая дотолѣ во Псковѣ грамота еписк. Діонисія и слѣд. должна была быть замѣнена какимъ-либо другимъ законодательнымъ актомъ; а во 2-хъ, въ 1397 г. Псковъ окончательно отдѣлился отъ Новгорода и, по договору съ нимъ, достигъ полной политической независимости, что также не могло остаться безъ вліянія на внутреннюю жизнь Пскова и въ частности на его законодательство. Такимъ образомъ, если не одно, то другое изъ указанныхъ событій должно было заставить псковичей еще въ концѣ XIV в. позаботиться о собраніи нормъ своего дѣйствующаго права и подтвержденіи ихъ на вѣчѣ въ формѣ судной грамоты. Затѣмъ уже въ слѣдующемъ, т. е. въ XV вѣкѣ, а именно въ 1467 г., произошло новое, упомянутое выше событіе, которое, по мнѣнію гг. Мурзакевича, И. Энгельмана, Ѳ. Устрялова и нѣкот. др., послужило, выражаясь словами И. Энгельмана, „ближайшимъ поводомъ къ сочиненію Псковск. судн. грамоты въ теперешнемъ ея видѣ". Событіе это—прибытіе въ 1467 г. во Псковъ кн. Ѳ. Ю. Шуйскаго въ качествѣ намѣстника вел. кн. московскаго. Дѣйствительно, обстоятельство это по указаннымъ выше мотивамъ (стр. 144) должно было послужить поводомъ какъ къ новому подтвержденію на вѣчѣ прежней судной грамоты, грамоты конца XIV в., такъ и къ необходимому, въ виду указаннаго обстоятельства, пополненію ея (на вѣчѣ же) тѣми законами и пошлинами или обычаями, которые почему-либо не попали или не могли попасть въ упомянутую первоначальную редакцію грамоты. Тогда же, т. е. при составленіи новой болѣе полной редакціи судной грамоты, могло произойти и то, что предполагаетъ проф. В.-Будановъ въ видахъ примиренія отмѣченныхъ выше противорѣчій въ надписаніи грамоты, а именно пополненіе этого послѣдняго указаніемъ на Константинову грамоту и на 5-й соборъ. Нако-

нецъ доказательствомъ того, что грамота въ той редакціи, какую она получила на вѣчѣ 1467 г., подверглась новому дополненію (на одномъ или нѣсколькихъ вѣчахъ—сказать опредѣленно трудно) уже въ концѣ XV в., можетъ служить 108-ая ст. обозрѣваемаго памятника. Статья эта, являющаяся по всѣмъ признакамъ несомнѣннымъ заключеніемъ всего того, что было, какъ мы видѣли, результатомъ дѣятельности двухъ вѣчевыхъ собраній, всего того, что было облечено въ письменную форму и подтверждено на вѣчѣ 1467 г.,—статья эта не только предусматриваетъ возможность или необходимость въ будущемъ исправлять или дополнять грамоту путемъ приписокъ, но и указываетъ весьма опредѣленно порядокъ, какого слѣдуетъ придерживаться при отмѣнѣ старыхъ и „припискѣ" новыхъ законовъ. Вотъ эта-то предусмотрѣнная въ 108 ст. потребность въ различнаго рода дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ грамотѣ и послужила, несомнѣнно, поводомъ для пополненія ее (по всей вѣроятности уже въ концѣ XV в.) тѣми двѣнадцатью (отъ 109 до 120 включ.) статьями, которыми заканчивается дошедшая до насъ редакція Псковской судной грамоты и которыя, дѣйствительно, имѣютъ характеръ позднѣйшихъ приписокъ или дополненій. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ фактовъ и соображеній, доказывающихъ справедливость мнѣнія, что Псковская судн. грамота въ нынѣшнемъ ея видѣ есть результатъ дѣятельности не одного, а нѣсколькихъ вѣчевыхъ собраній, въ пользу того же мнѣнія говоритъ, наконецъ, признаваемый всѣми изслѣдователями хронологическій составъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже) судной грамоты, явно распадающейся на три разновременныя по времени составленія части.

Итакъ, резюмируя все сказанное въ настоящемъ параграфѣ по вопросу о времени составленія Псковской судной грамоты, можно прійти къ слѣдующему окончательному выводу. Грамота эта въ дошедшемъ до насъ видѣ не есть единый одновременный законодательный памятникъ, а результатъ продолжительной законодательной работы псковскаго вѣча, памятникъ, слагавшійся въ теченіе цѣлаго почти столѣтія, съ конца XIV по конецъ XV в., и не менѣе, какъ въ три пріема, а именно: первая часть его была составлена въ концѣ XIV в. (и весьма вѣроятно на вѣчѣ 1397 г.), вторая на вѣчѣ 1467 г. и третья, наконецъ, или дополнительная, въ концѣ XV в. Что же касается того, когда именно была *написана* на вѣчѣ, или, точнѣе, редактирована, Псковская судн. грамота въ нынѣшнемъ ея видѣ, то, повидимому, справедливо мнѣніе Мурзакевича и И. Энгельмана, что редакція эта принадлежитъ вѣчу 1467 г.; но вполнѣ справедливо это лишь по отношенію къ первымъ 108 статьямъ грамоты, остальныя же 12 статей явились, несомнѣнно, плодомъ позднѣйшихъ приписокъ (а не дѣятельности вѣча 1467 г., какъ это утверждаетъ И. Энгельманъ), приписокъ конца XV в.

3 Составъ Псковской судной грамоты (дѣленіе ея на части и отношеніе между ними). Ближайшее ознакомленіе съ отдѣльными постановленіями, входящими въ составъ обозрѣваемаго памятника, показываетъ, что они расположены не въ систематическомъ, а въ хронологическомъ порядкѣ. Фактъ этотъ, замѣченный еще первымъ изслѣдователемъ Псковской судн. грамоты Калачовымъ, былъ провѣренъ, подтвержденъ и объясненъ въ трудахъ послѣдующихъ изслѣдователей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ указали, что грамота распадается на нѣсколько отдѣльныхъ, какъ бы самостоятельныхъ частей, не слитыхъ въ одинъ цѣльный систематическій кодексъ, а лишь сопоставленныхъ одна съ другою, соединенныхъ, такъ сказать, механически, въ хронологическомъ порядкѣ, въ порядкѣ ихъ, очевидно, разновременнаго составленія. Отсюда, конечно, произошло то, что постановленія болѣе ранняго происхожденія, отмѣненныя или значительно измѣненныя послѣдующими, не уничтожены, а на ряду съ этими послѣдними сохранены въ текстѣ памятника во всей своей неприкосновенности.

Относительно того, на сколько составныхъ частей дѣлится Псковская судная грамота, а особенно относительно того, гдѣ именно кончается одна часть памятника и начинается другая,—въ литературѣ высказаны были различныя мнѣнія, не вполнѣ согласныя между собою.

И. Энгельманъ, желая опредѣлить, какія именно статьи грамоты принадлежатъ къ первоначальнымъ или стариннымъ пошлинамъ и какія статьи являются лишь позднѣйшими приписками, дѣлитъ весь памятникъ на двѣ главныя (разновременно составленныя и утвержденныя вѣчемъ) части: 1) на первоначальную, содержащую въ себѣ грамоту вел. кн. Александра Невскаго (бывшую, по словамъ самого обозрѣваемаго памятника, однимъ изъ его источниковъ), а также псковскія пошлины, собранныя послѣ изданія этой грамоты, и 2) дополнительную, состоящую изъ статей, выписанныхъ изъ грамоты кн. Константина, и „приписковъ псковскихъ пошлинъ", возникшихъ послѣ составленія первоначальной части судной грамоты. Точкой разграниченія этихъ двухъ частей, по мнѣнію И. Энгельмана, является ст. 77 (по изд. проф. В.-Буданова), съ которой именно и начинается вторая, или дополнительная, часть Псковской судн. грамоты. Свое дѣленіе грамоты на двѣ части и дополнительный характеръ второй изъ нихъ Энгельманъ мотивируетъ, въ числѣ другихъ, тѣмъ соображеніемъ, что „многія статьи въ обоихъ обозначенныхъ отдѣлахъ соотвѣтствуютъ другъ другу, при чемъ статьи второй части служатъ дополненіемъ соотвѣтствующихъ имъ статей части первой" [1]). Принимая дѣленіе грамоты на двѣ главныя части, Энгель-

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ этого соотвѣтствія, приводимыхъ И. Энгельманомъ: ст. 80-я дополняетъ ст. 27-ю, а 81-я—49-ю; ст. 82-я повторяетъ и дополняетъ 50-ю и т. д. Замѣтимъ здѣсь, что первый изъ этихъ примѣровъ неудаченъ.—

манъ, однако, вторую изъ нихъ находитъ необходимымъ раздѣлить на двѣ разновременныя по своему происхожденію половины, или на два отдѣла изъ которыхъ первый „содержитъ въ себѣ прямыя дополненія къ отдѣльнымъ статьямъ первой части", а второй, начинающійся съ 109-й статьи, является дополненіемъ „не столько отдѣльныхъ статей, сколько—всей вообще грамоты" и состоитъ, по замѣчанію Энгельмана, изъ статей позднѣйшаго происхожденія, статей отрывочныхъ, не находящихся въ прямой связи ни между собою, ни со статьями предшествующими. Такимъ образомъ, И. Энгельманъ въ сущности дѣлитъ грамоту не на двѣ, а на три части, такъ какъ оба указанные отдѣла своей второй части онъ самъ признаетъ по ихъ происхожденію „несомнѣнно разновременными".

Что касается послѣдующихъ изслѣдователей, то проф. В.-Будановъ и проф. Мрочекъ-Дроздовскій (см. его статью „Главнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ", Юрид. Вѣстн., т. XVI) раздѣляютъ всю Псковскую судн. грамоту также на три части, хотя въ то же время оба изслѣдователя не сходятся по вопросу о разграничительномъ пунктѣ между первой и второй частью грамоты: проф. Владимірскій-Будановъ, подобно Энгельману, считаетъ началомъ 2-ой части 77-ю статью памятника, проф. же Мрочекъ-Дроздовскій, а за нимъ и проф. Латкинъ полагаютъ, что первая часть заканчивается 63-ей статьей, а съ 64-ой начинается уже вторая часть [1]). Предлагаемое проф. М.-Дроздовскимъ дѣленіе основано на попыткѣ расчленить грамоту по числу ея источниковъ, упомянутыхъ въ надписаніи памятника, и указать при этомъ, какая часть грамоты и на основаніи какого именно изъ этихъ источниковъ составлена. Исходя изъ того положенія, что источниками обозрѣваемаго памятника были, съ одной стороны, указанныя въ его надписаніи двѣ княжескія грамоты (кн. Александра и Константина) съ послѣдующими приписками къ каждой изъ нихъ, а съ другой, позднѣйшія приписки, современныя всему своду, или всей Псковской судной грамотѣ, проф. М.-Дроздовскій дѣлитъ сперва весь памятникъ на двѣ весьма неравныя половины—до 108 ст. включит. и съ 109 ст. до конца, и полагаетъ при этомъ, что 108-ю статьею заканчивается собственно Псковская судная грамота, а далѣе идутъ приписки, современныя ея составленію. Желая затѣмъ расчленить означенную первую и бóльшую половину памятника на части, сообразно съ ея источниками—двумя княжескими грамотами съ ихъ приписками, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать не только тотъ пунктъ, гдѣ кончается одна грамота съ своими приписками и начинается

Кромѣ соотвѣтствія статей, Энгельманъ оправдываетъ свое дѣленіе еще тѣмъ, что во 2-й части встрѣчаются ссылки на „Псковскія пошлины", чего нѣтъ въ 1-й.

[1]) Относительно 3-ей части разногласія не существуетъ: она, по согласному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, начинается вслѣдъ за знаменитой 108-ой ст., а именно съ 109 ст.

другая, но и тѣ въ частности пункты, откуда начинаются приписки къ той или другой грамотѣ въ отдѣльности, проф. М.-Дроздовскій, послѣ примѣненія ко всѣмъ 108 первымъ статьямъ грамоты предлагаемыхъ имъ весьма сложныхъ правилъ [1]), приходитъ въ результатѣ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) первую часть судной грамоты составляютъ ст. 1—63 включ., изъ которыхъ начальныя 35 взяты изъ грамоты вел. кн. Александра, а послѣдующія (ст. 36—63) являются дополненіями или приписками къ нимъ, и 2) вторая часть памятника содержитъ въ себѣ статьи 64—108, изъ которыхъ статьи 64—80 почерпнуты изъ грамоты кн. Константина, ст. 81—107 изъ дополненій или приписокъ къ этой послѣдней и ст. 108-я, стоящая особнякомъ отъ остальныхъ, является заключеніемъ Псковской судн. грамоты, пріобщеннымъ къ прочимъ статьямъ на вѣчѣ 1467 г. Что касается третьей части обозрѣваемаго памятника, то таковой, какъ было указано выше, проф. М.-Дроздовскій считаетъ, согласно съ другими, послѣднія 12 статей грамоты (отъ 108 до 120 включ.), представляющихъ собою рядъ приписокъ, отрывочныхъ, распредѣленныхъ безъ всякой системы и являющихся дополненіемъ къ двумъ предыдущимъ частямъ памятника. Таковы—дѣленіе судной грамоты на части и основанія для этого дѣленія, предлагаемыя проф. М.-Дроздовскимъ. Нельзя, однако, признать дѣленіе это простымъ и чуждымъ нѣкоторой искусственности, а доводы, приводимые въ защиту этого дѣленія (говоримъ лишь о первыхъ двухъ частяхъ), достаточно убѣдительными, такъ какъ едва ли въ текстѣ дошедшей до насъ редакціи Псковской судн. грамоты, въ виду хронологическаго наслоенія ея содержанія и отсутствія какой-либо системы, возможно опредѣленно указать, гдѣ начинается и гдѣ кончается исключительное вліяніе каждаго изъ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для составителей памятника, и гдѣ въ частности кончаются статьи, заимствованныя изъ той или же другой княжеской рамоты, и начинаются статьи древнѣйшихъ приписокъ къ этимъ грамо-

[1]) Правила, при помощи которыхъ можно, по мнѣнію проф. М.-Дроздовскаго, расчленить Псковскую судную грамоту на составныя части, а вмѣстѣ съ тѣмъ освоиться съ системою памятника, и которыми пользуется самъ изслѣдователь (впрочемъ, съ нѣкоторыми оговорками), таковы: 1) „гдѣ въ разсматриваемомъ памятникѣ впервые встрѣчаются повторенія прежде установленнаго, тамъ кончается сводъ приписокъ къ первой грамотѣ и идетъ текстъ второй“ и 2) слѣдуетъ „считать уже припискою первую такую статью, которая, по предмету, отличается отъ предшествующей и вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ какую-либо изъ прежде записанныхъ, но, съ другой стороны, на такую статью, въ которой встрѣчается первое дополненіе къ прежде записанному, но не предшествующему непосредственно, можно только предположительно указать, какъ на начало приписокъ къ данной грамотѣ“ („Само собою разумѣется—прибавляетъ далѣе авторъ,—что тѣ новыя, о предметамъ, статьи, которыя помѣщаются между дополненіями къ тѣмъ или другимъ отдѣламъ грамоты, также должны считаться приписками“). Юрид. Вѣстн. за 1884 г.), т. XVI, стр. 101—103.

тамъ. Въ виду этихъ соображенiй слѣдуетъ отказаться отъ дѣленiя, предлагаемаго проф. М.-Дроздовскимъ, и присоединиться къ дѣленiю, указанному въ трудахъ И. Энгельмана и проф. В.-Буданова, какъ къ болѣе простому и естественному, а равно болѣе согласному съ предполагаемой исторiей образованiя дошедшаго до насъ текста судной грамоты.

Итакъ всю Псковскую судную грамоту можно раздѣлить на 3 части, изъ которыхъ первая обнимаетъ статьи отъ 1-й до 76-й вкл., вторая начинается 77-й и оканчивается 108-й статьей и третья, наконецъ, состоитъ изъ послѣднихъ 12 статей, отъ 109 до 120 включ. Основанiемъ и оправданiемъ такого разграниченiя частей, на которыя естественно распадается грамота, служитъ между прочимъ обстоятельство, отмѣченное проф. В.-Будановымъ, а именно то, что каждая изъ указанныхъ частей начинается учредительными законами (о составѣ суда). Такъ, первая часть начинается постановленiями: о судѣ княжескомъ (ст. 1), о судѣ намѣстника Новгородскаго владыки (ст. 2), о судѣ посадника (ст. 3), объ отмѣнѣ вѣчеваго суда (ст. 4) и др.; во главѣ 2-ой части стоятъ статьи: о судебной власти новгородскихъ посадниковъ и старостъ (ст. 77), о межевомъ судѣ (ст. 78) и дьякахъ городскомъ и княжемъ (ст. 79); и, наконецъ, третья часть начинается постановленiемъ о разграниченiи подсудности церковнаго и свѣтскаго суда. Замѣтимъ при этомъ, что вторая часть сама указываетъ, гдѣ ея конецъ; а именно заключительная статья этой части (ст. 108) трактуетъ о томъ, какъ должно впредь развиваться псковское законодательство, какого порядка слѣдуетъ придерживаться при составленiи и отмѣнѣ законовъ: „А которой строкѣ (т. е. статьи) пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова, на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ“. Статья эта, помѣщенная, какъ справедливо замѣчаетъ проф. М.-Дроздовскiй, „безъ всякой связи съ предыдущей и послѣдующей“, своимъ содержанiемъ показываетъ, что она есть заключенiе, такъ сказ., финальное слово всего предшествующаго, а все дальнѣйшее—не что иное, какъ позднѣйшiя приписки, какъ результатъ законодательной работы, предусмотрѣнной означенною статьей. Дѣйствительно, самостоятельное и позднѣйшее происхожденiе третьей части обозрѣваемаго памятника, съ ея отрывочными и лишенными всякой системы постановленiями, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что она сохранилась отдѣльно и даже была принята Карамзинымъ за самостоятельную грамоту. (Припомнимъ, что эта часть Псковской судной грамоты была открыта Карамзинымъ раньше, чѣмъ полный текстъ этой послѣдней—Мурзакевичемъ). Разновременность же происхожденiя первыхъ двухъ указанныхъ частей обозрѣваемаго памятника обнаруживается съ достаточною ясностью изъ того, что во второй изъ этихъ частей встрѣчаемъ повторенiе, дополненiе,

измѣненіе или отмѣну нѣкоторыхъ постановленій первой, при чемъ эти послѣднія не уничтожены, а сохранены въ текстѣ дошедшей до насъ редакціи памятника.

Указанный выше хронологическій составъ Псковской судной грамоты служитъ важнымъ подтвержденіемъ того, что было въ своемъ мѣстѣ сказано о времени и порядкѣ составленія этого памятника, а именно, что законодательный актъ, извѣстный подъ названіемъ Псковской судной грамоты, слагался постепенно, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, и является результатомъ законодательной дѣятельности по крайней мѣрѣ трехъ вѣчевыхъ собраній.

4. Источники Псковской судной грамоты. Источники, изъ которыхъ почерпнуто содержаніе Псковской судн. грамоты, указаны въ самомъ текстѣ этой грамоты, а именно обозначены въ ея надписаніи: „Ся грамота—говорится тамъ—выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, і изъ княжъ Костянтиновы грамоты, і изо всѣхъ приписковъ Псковъскихъ пошлинъ...“ Такимъ образомъ, источниками обозрѣваемаго памятника были: во 1-хъ, грамоты князей Александра и Константина, т. е. два княжескихъ устава, а во 2-хъ, псковскія пошлины, т. е. мѣстное обычное право.

Относительно перваго источника, т. е. двухъ уставовъ или грамотъ кн. Александра и кн. Константина, прежде всего возникаетъ вопросъ,—кто были эти князья, Александръ и Константинъ, эти, очевидно, древнѣйшіе законодатели во Псковѣ. Во Псковѣ было два князя, носившихъ имя Александра и правившихъ въ различныя столѣтія: Александръ Невскій († 1263 г.) и Александръ Михайловичъ Тверской, который, по изгнаніи его изъ отцовскаго удѣла моск. вел. кн. Іоанномъ Даниловичемъ, бѣжалъ къ псковичамъ и правилъ ими съ небольшимъ перерывомъ 10 лѣтъ, отъ 1327 до 1337 г. По мнѣнію Мурзакевича, которое раздѣляетъ и Ѳ. Устряловъ, а изъ позднѣйшихъ изслѣдователей проф. М.-Дроздовскій, рѣчь идетъ о грамотѣ Александра Михайловича Тверскаго. Напротивъ, Калачовъ и Энгельманъ утверждаютъ, что кн. Александръ, упоминаемый въ Пск. судн. грамотѣ, есть Александръ Невскій. Послѣднее мнѣніе болѣе правдоподобно, и вотъ почему. Грамота кн. Александра была впослѣдствіи (въ 1382 г.) дополнена архіеп. Діонисіемъ, но митр. московскій Кипріанъ, недовольный такимъ вмѣшательствомъ арх. Діонисія и находя, что тотъ „вплелся не въ свое дѣло и написалъ грамоту негодную“, объявилъ грамоту Діонисія недѣйствительною („то грамота не въ грамоту“) и отмѣнилъ ее; въ своемъ по этому поводу посланіи къ псковичамъ (въ 1395 г.), митр. Кипріанъ, при упоминаніи грамоты кн. Александра, говоритъ объ этомъ послѣднемъ съ большимъ уваженіемъ и неоднократно называетъ его великимъ княземъ („владыка суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли

былъ во Пьсковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити... и язъ тую грамоту рушаю... А вы дѣти мои, псковицы, ажь будетъ преже сего ходили по той грамотѣ князя великого Александровѣ, а будетъ то у васъ старина, и вы по той старинѣ и ходите“). Основываясь на этихъ данныхъ, Калачовъ совершенно основательно замѣчаетъ, что, конечно, московскій митрополитъ не почтилъ бы такимъ титуломъ врага московскаго вел. князя, т. е. кн. Александра Тверскаго. Мнѣніе Калачова, раздѣляемое и Энгельманомъ, утвердилось въ наукѣ и пользуется почти всеобщимъ признаніемъ.

Что касается второго князя, упомянутаго въ надписаніи Псковской судн. грамоты, то приходится довольствоваться предположеніемъ, высказаннымъ Мурзакевичемъ, который замѣтилъ, что изъ всѣхъ князей псковскихъ по времени сюда подходитъ одинъ только кн. Константинъ Дмитріевичъ, родной братъ московск. вел. кн. Василія, вначалѣ князь бѣлозерскій, а потомъ псковской (князь этотъ правилъ Псковомъ полгода въ 1407 г., а затѣмъ опять въ 1414 г.). Означенное предположеніе Мурзакевича принялъ проф. Энгельманъ и не оспариваютъ другіе. Возражалъ въ свое время одинъ только Калачовъ; но опровергая предположеніе Мурзакевича, Калачовъ однако не указалъ, кого же должно разумѣть подъ кн. Константиномъ. Свое возраженіе Калачовъ основывалъ на томъ соображеніи, что хотя кн. Константинъ Дмитріевичъ дѣйствительно и выдалъ псковичамъ грамоту, но она, какъ это видно изъ посланія митр. Фотія, была вскорѣ (въ 1416 г.) съ его благословенія отмѣнена псковичами, какъ противорѣчащая древнимъ псковскимъ пошлинамъ, а слѣд. и не могла служить однимъ изъ источниковъ Псковской судн. грамоты. Это замѣчаніе, несмотря на кажущуюся его неопровержимость, не разрушаетъ однако справедливости предположенія Мурзакевича. Дѣло въ томъ, что грам. Константина Дмитріевича несомнѣнно заключала въ себѣ „новизну“, т. е. постановленія самого кн. Константина, противорѣчившія древнимъ псковскимъ пошлинамъ; обстоятельство это, съ одной стороны, вызвало просьбу псковичей разрѣшить ихъ отъ клятвы соблюдать означенную грамоту, какъ законъ, а съ другой, побудило митроп. Фотія уважить ходатайство псковичей и благословить ихъ „порушити ту новизну“, если она дѣйствительно противорѣчитъ „старинѣ“. Но кромѣ „новизны“, или постановленій самого кн. Константина, противорѣчившихъ псковской старинѣ и отмѣненныхъ указаннымъ посланіемъ митр. Фотія, грамота кн. Константина могла содержать, подобно другимъ древнимъ законодательнымъ актамъ, и по всей вѣроятности содержала въ себѣ также многіе древніе псковскіе обычаи, а въ томъ числѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Энгельманъ, и такіе, которые не были изложены въ грамотѣ кн. Александра. Вотъ почему грамота кн.

Константина Дмитріевича, на ряду съ болѣе древнею грамотою кн. Александра Невскаго, могла послужить и послужила источникомъ, откуда все пригодное, все согласное съ стариной было взято при составленіи или редактированіи на вѣчѣ 1467 г. Псковской судной грамоты.

Итакъ, грамота или уставъ кн. Александра Невскаго и уставъ кн. Константина Дмитріевича были первымъ источникомъ Псковской судной грамоты. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что если первый изъ означенныхъ княжескихъ уставовъ дѣйствительно принадлежалъ вел. кн. Александру Невскому, то древнѣйшій изъ письменныхъ источниковъ обозрѣваемаго памятника относится еще къ 1-ой половинѣ XIII в., т. е. почти къ эпохѣ созданія пространной редакціи Русской Правды.

Говоря о княжескихъ грамотахъ или уставахъ, какъ объ одномъ изъ источниковъ Псковской судн. грамоты, нельзя не коснуться также вопроса, какъ именно пользовались этимъ источникомъ на вѣчѣ при составленіи Судной грамоты,—переписывались ли при этомъ означенные княжескіе уставы цѣликомъ, или ими пользовались болѣе или менѣе свободно, какъ матеріаломъ, откуда бралось лишь то, что казалось наиболѣе пригоднымъ, что не устарѣло и не утратило своей силы. То или иное рѣшеніе этого вопроса не только далеко не лишне, но и важно во многихъ отношеніяхъ; такъ, напр., рѣшеніе поставленнаго вопроса (конечно, при наличности основаній для такого рѣшенія) въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, что княжескіе уставы переписывались цѣликомъ, не только уяснило бы намъ вполнѣ опредѣленно роль для обозрѣваемаго памятника даннаго источника, но и дало бы намъ возможность, такъ сказать, реставрировать текстъ означенныхъ грамотъ и въ томъ числѣ такой сравнительно древней, какъ грамота кн. Александра Невскаго. Нѣкоторые изслѣдователи рѣшаютъ этотъ вопросъ именно въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, т. е. полагаютъ, что въ дошедшую до насъ редакцію Псковской судн. грамоты включены цѣликомъ одинъ или оба названныхъ княжескихъ устава. Такъ, уже Энгельманъ относительно грамоты Александра Невскаго пришелъ, повидимому, къ заключенію, что она вошла въ полномъ видѣ въ первую часть Псковской судн. грамоты. Еще дальше идетъ проф. М.-Дроздовскій, который весьма опредѣленно высказывается, что первыя 35 статей Псковской судн. грамоты представляютъ собою „цѣльный законодательный актъ", а именно „текстъ" *княжъ Александровой грамоты*; затѣмъ съ 64-ой ст. того же памятника „начинается", по мнѣнію пр. Дроздовскаго, *княжъ Константинова грамота* и простирается вплоть до 80-ой ст., которая является „заключительною въ Константиновой грамотѣ". Едва ли, однако, съ этимъ можно согласиться. Во 1-хъ, дошедшая до насъ редакція Псковской судной грамоты не только не даетъ намъ никакихъ ровно указаній, прямыхъ или косвенныхъ, относительно того, гдѣ именно начинается и гдѣ кончается

текстъ той или другой княжеской грамоты, но не даетъ даже основанія утверждать, что текстъ этихъ грамотъ переписанъ цѣликомъ и буквально. Во 2-хъ, чтобы допустить послѣднее, надо допустить—а это было бы невѣроятно,—что со временъ Александра Невскаго, или съ полов. XIII в., и до конца XIV в., когда, повидимому, была составлена 1-ая часть судной грамоты, т. е. въ теченіе 1 $^1/_2$ столѣтія, право совершенно не развивалось, а потому и оказалось возможнымъ безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій переписать цѣликомъ грамоту кн. Александра (предположеніе это тѣмъ невѣроятнѣе для 1467 г., когда судная грамота вновь редактировалась). Въ 3-хъ, наконецъ, предполагать, что въ составъ обозрѣваемаго памятника вошла цѣликомъ Константинова грамота не позволяетъ упомянутый выше фактъ отмѣны этой грамоты по просьбѣ самихъ же псковичей. Въ виду этихъ соображеній необходимо прійти къ заключенію, что слова, имѣющіяся въ надписаніи Псковской судн. грамоты: „ся грамота выписана... и т. д.“, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, а лишь въ томъ, что оба княжескихъ устава послужили источникомъ, откуда были взяты отнюдь не всѣ постановленія, а только наиболѣе пригодныя (и при томъ, вѣроятно, не всегда съ буквальною точностью). Сколько затѣмъ и какія именно статьи Псковской судн. грамоты заимствованы въ томъ или другомъ видѣ изъ указаннаго источника (княжескихъ уставовъ),—на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь гадательно.

Что касается второго источника Псковской судн. грамоты и, по всей вѣроятности, самаго главнаго, то таковымъ было обычное право, или „псковскія пошлины“, о которыхъ говорится въ приведенномъ выше надписаніи Псковской судн. грамоты. Слова: „ся грамота выписана... и изо всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ“, ясно показываютъ, что грамоты упомянутыхъ двухъ князей, послужившія источниками обозрѣваемаго памятника и состоявшія, несомнѣнно, въ значительной степени изъ старыхъ обычаевъ, пополнялись и измѣнялись путемъ записыванія („приписыванія“) псковскихъ пошлинъ или обычаевъ. Что обычаи были главнѣйшимъ, основнымъ источникомъ Псковской судной грамоты, это видно между прочимъ изъ 108-й ст. этого памятника, гдѣ онъ названъ просто „пошлинной грамотой“ („А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ...“), т. е. грамотой, содержащей въ себѣ преимущественно Псковскія пошлины, или мѣстное обычное право.

5. Содержаніе Псковской судной грамоты. Мы видѣли выше, что Псковская судн. грамота, подобно Русской Правдѣ, слагалась постепенно, и что отдѣльныя части этой грамоты соединены не въ систематическомъ, а въ хронологическомъ порядкѣ. Отсутствіе системы, присущее всему памятнику въ полномъ его составѣ и объясняемое его происхожденіемъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ характерною чертою и всѣхъ трехъ отдѣльныхъ частей

этого памятника; и здѣсь, какъ и во всей Псковской судной грамотѣ въ полномъ ея составѣ, постоянно встрѣчаются, выражаясь словами проф. В.-Буданова „явные слѣды хронологическаго наслоенія содержанія". Правда, проф. М.-Дроздовскій иного мнѣнія: онъ находитъ, что начальныя 35 статей, входящія въ составъ 1-ой части судной грамоты, „сведены въ извѣстную систему, которая свидѣтельствуетъ о присутствіи руководящей и объединяющей мысли законодателя", и что такая же, т. е. „по-институтная", или по-предметная, система замѣчается также и во 2-ой части грамоты, а именно въ размѣщеніи статей 64—80. Но для того, чтобы убѣдиться въ наличности системы въ указанныхъ частяхъ грамоты, проф. М.-Дроздовскому приходится: 1) разбить текстъ первыхъ 35-ти статей обозрѣваемаго памятника, принимаемыхъ за „княжъ Александрову грамоту", на восемь, а „княжъ Константинову грамоту" (ст. 64—80) на шесть отдѣловъ; 2) въ оправданіе размѣщенія этихъ отдѣловъ, нерѣдко нарушающаго стройность предполагаемой системы, допустить, что, сверхъ главнаго редакціоннаго начала (начала, въ силу котораго постановленія располагались по правовымъ институтамъ), законодатель руководился иногда и „второстепеннымъ началомъ", состоящимъ „въ размѣщеніи статей по формѣ вчинанія тяжбы", и 3) дѣлать рядъ оговорокъ и пространныхъ объясненій для доказательства, что связь между тѣми или другими отдѣльными статьями памятника не случайная, а основанная на извѣстной системѣ. Все это, какъ нельзя болѣе, убѣждаетъ лишь въ тщетности усилій отыскать опредѣленную систему въ отдѣльныхъ частяхъ судной грамоты и въ необходимости признать эти составныя части памятника во всей ихъ полнотѣ не систематическими, а такими, въ которыхъ отдѣльныя постановленія расположены болѣе или менѣе случайно.

Въ виду отсутствія системы какъ во всей грамотѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ, а также въ виду сравнительной обширности этого памятника (его дѣлятъ на 120 статей), не представляется никакой возможности изложить въ краткихъ чертахъ содержаніе Пск. судн. грамоты по ея отдѣламъ, а можно это сдѣлать лишь по предметамъ, или группамъ однородныхъ институтовъ и нормъ, которыхъ касается обозрѣваемый памятникъ.

По полнотѣ и разнообразію своего содержанія Псковская судная грамота является памятникомъ чрезвычайной важности. Главное, однако, вниманіе въ этомъ памятникѣ, какъ и слѣдовало того ожидать, удѣлено процессуальному праву, т. е. судоустройству и судопроизводству. Что касается судоустройства, о которомъ говорится въ началѣ каждой изъ трехъ частей судной грамоты, то въ ней содержатся подробныя правила о слѣдующихъ органахъ судебной власти: 1) о судѣ княжемъ и посадничемъ (ст. 1, 3, 4, 6 и др.), 2) о судѣ княжескихъ и выборныхъ чиновниковъ (намѣстниковъ пригородныхъ, посадниковъ и старостъ погородскихъ, старостъ губскихъ и пр.: ст. 5, 77 и др.), 3) о судѣ вѣча (ст. 4, содержащая

въ себѣ постановленіе объ уничтоженіи вѣчеваго суда), 4) о судѣ церковномъ, или судѣ намѣстника новгородскаго епископа (ст. 2 и 109) и 5) о судѣ братчины (ст. 113), т. е. судѣ особыхъ выборныхъ судей, разрѣшавшихъ всѣ ссоры и споры, возникавшіе на „братчинахъ", или общественныхъ (въ складчину) пиршествахъ. Еще болѣе многочисленны и болѣе подробны постановленія о судопроизводствѣ, или о порядкѣ производства суда по всякаго рода дѣламъ. Сюда относится значительная часть статей Псковской судной грамоты, трактующихъ: 1) о сторонахъ въ процессѣ и о судебномъ представительствѣ, 2) о порядкѣ вызова отвѣтчика въ судъ, 3) о судебныхъ доказательствахъ (къ числу которыхъ принадлежали: разл. письменные акты, или грамоты, „доски" и записи; свидѣтельскія показанія; поличное; поле, или судебный поединокъ; присяга, или рота и крестное цѣлованіе и пр.), 4) о судебныхъ рѣшеніяхъ, ихъ формѣ силѣ и исполненіи, 5) о прекращеніи дѣлъ миромъ, 6) о судебныхъ пошлинахъ и т. д..

Какъ ни многочисленны постановленія Псковской судн. грамоты, относящіяся къ процессуальному праву, ими, однако, не исчерпывается все содержаніе грамоты: въ ней мы находимъ не мало и притомъ весьма важныхъ постановленій, касающихся другихъ областей права, а именно гражданскаго и уголовнаго права.

Постановленія, относящіяся къ гражданскому праву, касаются не всѣхъ сторонъ этого послѣдняго; такъ, въ судной грамотѣ отсутствуютъ спеціальныя постановленія, посвященныя регламентаціи семейственныхъ отношеній. Главное вниманіе въ области гражданскаго права обращено въ обозрѣваемомъ памятникѣ на имущественныя права: вещныя права и права по обязательствамъ. Трактуя о правахъ на движимыя и недвижимыя вещи (въ ст. 88, 89, 100 и 104 различаются оба вида имущества), грамота говоритъ: о владѣніи, какъ фактическомъ отношеніи къ вещи, пользующемся во всякомъ случаѣ защитою закона (ст. 46 и 47); о правѣ собственности, каковое пріобрѣтается куплею (118), находкою (ст. 47), давностью (о которой впервые здѣсь упоминается и для которой требовалось 4—5 лѣтъ безспорнаго владѣнія, см. ст. 9) и нѣк. др. способами, и, наконецъ, объ общей собственности (ст. 94—95, гдѣ говорится о семейномъ совладѣніи, и ст. 106—о совладѣніи сябреномъ). Что касается правъ по обязательствамъ, то Псковская судн. грамота, какъ памятникъ, созданный въ такомъ торговомъ пунктѣ, какимъ былъ Псковъ, останавливается на нихъ довольно подробно и въ рядѣ статей трактуетъ о слѣдующихъ имущественныхъ и личныхъ договорахъ: 1) о дареніи (ст. 100), 2) о мѣнѣ (ст. 114), 3) о куплѣ-продажѣ (114, 118 и др.), 4) о займѣ и его различныхъ видахъ (ст. 28—31, 38, 73, 74 и мн. др.), а также о поручительствѣ при займахъ не свыше 1 рубля (ст. 32 и 33), 5) о поклажѣ (ст. 16—19),

6) о наймѣ имущества (ст. 42—44, 51, 63 и др.), а именно пахатной земли, огородовъ, озеръ и рѣкъ, и 7) о личномъ наймѣ для всякихъ хозяйственныхъ работъ въ домѣ и дворѣ (ст. 40) и для производства опредѣленнаго рода работъ (ст. 39, 41).

По вопросамъ наслѣдственнаго права постановленія Псковской судн. грамоты заключаютъ въ себѣ не мало новаго сравнительно съ постановленіями о томъ же Русской Правды. Грамотѣ извѣстны оба способа наслѣдованія: и по завѣщанію (ст. 14 и 55), и по закону (ст. 15, 53, 84—86, 88—91); въ этомъ послѣднемъ случаѣ наслѣдниками могли быть не только нисходящіе (дѣти, внуки), о чемъ говоритъ и Р. Правда, но также восходящіе (отецъ и мать) и боковые родственники (братья, сестры и „ближнее племя“), а равно оставшіеся въ живыхъ супругъ или супруга (въ качествѣ пожизненныхъ владѣльцевъ).

Наконецъ, немногочисленныя сравнительно постановленія Псковской судн. грамоты, относящіяся къ уголовному праву, говорятъ о слѣд. видахъ преступленій и полагавшихся за нихъ наказаній: 1) объ убійствѣ, называемомъ головшиной (ст. 26, 96—98) и каравшемся продажей, т. е. штрафомъ въ пользу князя, въ размѣрѣ одного рубля; 2) о нанесеніи побоевъ или оскорбленій дѣйствіемъ (все это именуется „боемъ“: ст. 20, 117, 120 и др.), за что полагалось взысканіе въ пользу потерпѣвшаго въ размѣрѣ 1 или 2 рублей (самый тяжкій видъ „боя“—вырываніе бороды: ст. 117); 3) о поджогѣ (ст. 7 и 116), за что виновный карался смертною казнью; 4) о татьбѣ, или кражѣ (ст. 1, 8 и др.), при чемъ различаются слѣд. ея виды: a) татьба коневая (конокрадство), b) татьба кромская или храмская, т. е., по господствующему мнѣнію, кража церковныхъ вещей, или святотатство, караемое, какъ и конокрадство, смертною казнью и c) всякая др. кража, влекшая за собою, сверхъ возвращенія украденнаго и вознагражденія потерпѣвшаго, уплату штрафа въ пользу князя (такая же кража въ 3 ій разъ—каралась смертью), и 5) о разбоѣ, находѣ и грабежѣ (ст. 1, 17, 24 и др.), наказываемыхъ одинаковою, сверхъ вознагражденія потерпѣвшаго, продажей. Кромѣ перечисленныхъ преступленій противъ личныхъ или имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, Псковская судн. грамота знаетъ еще: 1) перевѣтъ, или земскую измѣну, за что полагалась смертная казнь (ст. 7) и 2) оскорбленіе суда (нарушеніе порядка въ судѣ), караемое дыбой (ст. 58).

6. Значеніе Псковской судной грамоты. Хотя представленный только-что краткій и бѣглый перечень содержанія Псковской судн. грамоты даетъ знакомство съ этимъ послѣднимъ лишь въ общихъ чертахъ, однако даже и такой перечень довольно наглядно показываетъ, какъ богато и разнообразно содержаніе обозрѣваемаго памятника. Эти полнота и разнообразіе содержанія Пск. судной грамоты становятся особенно рельефными при сравненіи ее какъ съ предшествующими памятниками права и въ

частности съ Русскою Правдой, такъ и съ послѣдующими законодательными актами, какъ, наприм., съ Московскимъ Судебникомъ 1497 г. По отзыву одного изъ лучшихъ знатоковъ нашего древняго права, проф. Дювернуа, посвятившаго характеристикѣ Псковской судн. грамоты нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ (Источн. пр. и судъ въ др. Рос., стр. 307—308 и др.), этотъ памятникъ вѣчеваго законодательства со стороны содержанія не только не уступаетъ Русской Правдѣ, но или является ея настоящимъ продолженіемъ и представляетъ дальнѣйшее развитіе нормъ и институтовъ Р. Правды (въ области матер. гражд. права), или даже превосходитъ эту послѣднюю полнотою содержанія (въ области процессуальнаго права). Что же касается сравненія Псковской судн. грамоты съ М. Судебникомъ 1497 г., то этотъ послѣдній, какъ справедливо замѣчаетъ проф. В.-Будановъ, гораздо бѣднѣе первой по своему содержанію.

Этимъ, однако, не исчерпывается значеніе Псковской судн. грамоты. Названные нами только-что изслѣдователи единогласно и совершенно справедливо отмѣчаютъ, что Псковская судн. грам. выдѣляется совершенствомъ юридической концепціи, своими вполнѣ абстрактными опредѣленіями лицъ и вещей, опредѣленіями, чуждыми к.-л. сословныхъ признаковъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Псковская судн. грамота стоитъ выше не только Р. Правды и др. современныхъ ей памятниковъ съ ихъ казуистическимъ способомъ формулированія юридич. нормъ и др. несовершенствами редакціи, но даже многихъ позднѣйшихъ памятниковъ и въ томъ числѣ М. Судебника 1497 г.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что Псковская судн. грамота по времени своего происхожденія является первымъ русскимъ закономъ въ точномъ смыслѣ этого слова, первымъ опытомъ законодательной кодификаціи, то для насъ окончательно выяснится то важное значеніе, какое имѣетъ Псковская судн. грамота въ ряду другихъ памятниковъ древняго права, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ. То обстоятельство, что грамота эта была лишь территоріальнымъ закономъ, мѣстнымъ кодексомъ, дѣйствовавшимъ въ предѣлахъ одного Псковскаго государства, нисколько не умаляетъ важнаго значенія этого памятника для исторіи русскаго права; напротивъ, обстоятельство это лишь лучше уясняетъ намъ, какъ развивались начала древне-русскаго права въ отдѣльныхъ областяхъ или земляхъ, и наглядно показываетъ, какой зрѣлости достигъ въ XV в. юридическій бытъ въ одномъ изъ древне-русскихъ вѣчевыхъ государствъ.

II. Новгородская судная грамота.

1. Открытіе и печатныя изданія Новгородской судной грамоты. Новгородская судная грамота открыта была тѣмъ же Карамзинымъ, кото-

рому удалось отыскать часть Псковской судн. грамоты значительно раньше, чѣмъ эта послѣдняя сдѣлалась извѣстной въ полномъ видѣ, благодаря Мурзакевичу. Найденная Карамзинымъ Новгородская судн. грамота представляетъ собою лишь начальный отрывокъ этого памятника, состоящій изъ 42 статей и обрывающійся на полусловѣ. Отрывокъ этотъ былъ найденъ въ началѣ текущаго столѣтія въ рукописномъ сборникѣ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотъ, принадлежащемъ нынѣ Императорской Публичной библіотекѣ; въ означенномъ сборникѣ въ началѣ Новгородской судн. грамоты стоитъ слѣд. надпись: „О судѣ и о закладѣ, на наѣздщики и на грабещики".

Полный текстъ Новгородской судн. грамоты, къ сожалѣнію, и доселѣ не разысканъ.

Сохранившаяся и извѣстная намъ часть Новгородской судн. грамоты напечатана: 1) Карамзинымъ въ 1816 г. въ V-мъ томѣ его „Исторіи", 2) въ 1836 г. въ 1-мъ томѣ Актовъ Археограф. Экспед. (подъ № 92) и 3) въ 1-мъ вып. Христоматіи по ист. русск. пр., проф. В.-Буданова, гдѣ обозрѣваемый памятникъ раздѣленъ на статьи и снабженъ примѣчаніями.

Единственное, спеціально посвященное Новгородской судной грамотѣ изслѣдованіе принадлежитъ Ѳ. Панову; оно напечатано въ 1857 г. въ 1-мъ вып. „Сборника, издаваемаго студентами Императорскаго Петербургскаго университета" (стр. 255—320), подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе о Новгородской судн. грамотѣ 1471 г., въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому". Въ этомъ изслѣдованіи помѣщенъ и текстъ Новгор. судн. грамоты, раздѣленный на 85 §§, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ.

2. Время составленія Новгородской судной грамоты. Новгородская судн. грамота составлена въ Новгородѣ, на вѣчѣ. Это видно изъ слѣд. словъ, которыми начинается означенный памятникъ: „Доложа господы великихъ князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Ѳеофила, се покончаша посадникы Ноугороддкіе, и тысятцкіе Ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ". Итакъ, въ составленіи „на вѣчѣ (собравшемся) на Ярославлѣ дворѣ" Новгородской судн. грам. принимало участіе все населеніе Новгорода, „вся пять (его) концовъ (т. е. административн. и судебн. округовъ), весь государь Великій Новгородъ". Но когда именно она составлена—на это прямаго отвѣта въ грамотѣ нѣтъ.

Судя по надписанію грамоты только что приведенному и указывающему, что судная грамота составлена съ соизволенія вел. кн. московскаго Іоанна III, можно думать, что она составлена въ 1471 г., когда Новгородъ

послѣ Шелонской битвы покорился названному вел. князю. Эта дата какъ бы подтверждается и тѣми двумя мирными договорными грамотами новгородцевъ съ вел. кн. Іоанномъ III, которыя напечатаны въ 1-мъ томѣ Актовъ Археогр. Экспед. (подъ № 91) рядомъ съ Новгородскою судн. грамотою и которыя вмѣстѣ съ этою послѣднею были утверждены взаимною присягою и скрѣплены подписью и печатью вел. князя 11 августа 1471 г. Однако всѣ изслѣдователи (Пановъ, Бѣляевъ, Михайловъ, проф. В.-Будановъ, Сергѣевичъ, М.-Дроздовскій и Латкинъ) единогласно признаютъ, что Новгородская судн. грам. составлена была раньше (около пол. XV в.), а въ 1471 г., по покореніи Новгорода вел. кн. Іоанномъ III, лишь переписана на его имя. Основаніемъ для такого утвержденія служатъ: во 1-хъ, извѣстіе, что еще въ полов. XV в. обсуждался въ Новгородѣ на вѣчѣ вопросъ о составленіи суднаго закона; а во 2-хъ, слѣд. мѣсто изъ упомянутой выше догов. грамоты отъ 1471 г.: „А что грамота докончалная *въ Новгородѣ промежъ себя о судѣ*, ино у той грамоты быти имени и печати Великихъ Князей".

Впрочемъ, относительно года первоначальнаго составленія Новгор. судн. грамоты мнѣнія отдѣльныхъ изслѣдователей расходятся. Такъ, проф. Михайловъ говоритъ: „Новгородская судн. грамота... составлена въ 1440 г., а въ 1471 г. дополнена; первоначальный составъ этой грамоты былъ сдѣланъ на Новгородскомъ вѣчѣ въ то время, когда Новгородцы были въ войнѣ съ вел. кн. Василіемъ Василіевичемъ" (Истор. русск. права, 221). По словамъ же проф. Бѣляева: „Новгородская судн. грамота составлена собственно не въ 1471 г., а еще въ 1456 г.; въ 1471 г. она была только переписана на имя вел. кн. моск. Іоанна III. Первоначальный составъ ея былъ сдѣланъ на общемъ вѣчѣ въ Новгородѣ, когда Новгородцы были въ войнѣ съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ и когда Новгородъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи, изъ коихъ одна держалась московской стороны, а другая польской, когда всю власть въ Новгородѣ забрали въ свои руки бояре и богатые купцы... Въ видахъ этого стѣсненія меньшихъ людей большими и была составлена настоящая грамота" (Лекціи, 364). Наконецъ, проф. М.-Дроздовскій вполнѣ присоединяется къ мнѣнію проф. Михайлова и, подобно этому послѣднему, полагаетъ, что судная грамота была составлена еще въ 1440 г.

Такъ или иначе, безспорно однако то, что Новгор. судная грамота была составлена на вѣчѣ еще около полов. XV в., и что въ 1471 г. грамота эта была лишь переписана на имя вел. кн. моск. Іоанна III и имъ подтверждена. Что же касается затѣмъ предположенія проф. Михайлова и М.-Дроздовскаго о томъ, что въ 1471 г. грамота была не только переписана, но и дополнена, то прямыхъ указаній на это не имѣется ни въ самомъ обозрѣваемомъ памятникѣ, ни въ др. источникахъ.

3. Источники, система и содержаніе Новгородской судной грамоты. Новгородская судная грамота не перечисляетъ, подобно Псковской судн. грамотѣ, своихъ источниковъ. Существуютъ, однако, въ нѣкоторыхъ статьяхъ (ст. 2 и 3) обозрѣваемаго памятника прямыя указанія на то, что содержаніе его основано на „старинѣ", т. е. на мѣстномъ обычномъ правѣ. Затѣмъ другими источниками Новгородской судной грамоты, послужившими матеріаломъ при ея составленіи, были по всей вѣроятности: 1) прежнія вѣчевыя постановленія и 2) договоры съ князьями.

Что касается порядка размѣщенія статей въ обозрѣваемомъ памятникѣ, или его системы, то по этому вопросу существуютъ два различныхъ мнѣнія. Ѳ. Пановъ находитъ, что „постановленія Новгор. судной грамоты изложены въ ней безъ всякой системы". Напротивъ, проф. М.-Дроздовскій приходитъ къ слѣд. заключенію: во 1-хъ, что грамота распадается на двѣ разновременныя по своему происхожденію части, изъ которыхъ первая или древнѣйшая обнимаетъ 24 начальныхъ статьи и имѣетъ характеръ цѣльнаго акта, а вторая или позднѣйшая состоитъ изъ остальныхъ 18-ти статей (25—42) и является дополнительною къ первой; а во 2-хъ, что въ 1-ой изъ этихъ частей постановленія расположены въ извѣстной (по-предметной) системѣ, чего не замѣчается во 2-ой части, гдѣ „порядокъ статей хронологическій". Слѣдуетъ, однако, присоединиться къ мнѣнію г. Панова, такъ какъ трудно признать Новгородскую судн. грамоту памятникомъ систематическимъ и отыскать въ ней, даже въ первыхъ 24-хъ ея статьяхъ, какую бы то ни было правильную систему.

Наконецъ, что касается содержанія Новгородской судной грамоты, то дошедшій до насъ отрывокъ этого памятника, состоящій изъ 42 статей и обрывающійся на полусловѣ, содержитъ въ себѣ исключительно нормы процессуальнаго права, т. е. постановленія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Судя по сохранившейся части Новгородской судн. грамоты, можно предполагать, что въ полномъ своемъ видѣ она оказалась бы памятникомъ не меньшей важности, чѣмъ и Псковская судная грамота.